

АМФОРА · ДЕТЕКТИВ

Сергей Карпущенко

УБИЙСТВО В ДОМЕ СВИДАНИЙ

РОМАН О СЫЩИКЕ ВЫЖИГИНЕ

С. КАРПУЩЕНКО

УБИЙСТВО В ДОМЕ СВИДАНИЙ

*«Убитая проститутка
была совсем нагой.
Она лежала на спине в своей
холодной доступности,
и тело ее, уже успевшее
пожелтеть, напоминало
хорошо полированную кость
мамонта. Из-под ее правой
груди торчала рукоять
кинжала, похожего на
испанский стилет времен
Изабеллы и Фердинанда.*

*— Ну что ж, милостивые
государи, — бросил через
плечо Выжигин. — Давайте
примемся за расследование...»*

В те времена, когда
окутанный туманами
северный город был
не второй, а самой что ни на
есть первой столицей
Империи... когда, выпив
шампанского в «Медведе»,
усатые гвардейские офицеры
отправлялись к барышням
в «Афендик»... в те времена
в Департаменте сыскной
полиции Петербурга служил
сыщик по фамилии Выжигин.

Среди дел, которые
ему довелось расследовать,
попадались весьма
необычные, и вот история
об одном из них...

ISBN 5-94278-022-6

9 785942 780227

АМФОРА • ДЕТЕКТИВ

Сергей Карпущенко

УБИЙСТВО В ДОМЕ СВИДАНИЙ

РОМАН О СЫЩИКЕ ВЫЖИГИНЕ

Санкт-Петербург

«Амфора»

2001

УДК 882
ББК 84.Р 7
К 26

Оформление выполнено Алексеем Горбачевым
по эскизу Вадима Назарова

Карпущенко С.
К 26 Убийство в доме свиданий: Роман — СПб.: Амфора, 2001. — 223 с.

ISBN 5-94278-022-6

ISBN 5-94278-022-6

© С. Карпущенко, 2001
© «Амфора», оформление серии, 2001

В БОРДЕЛЕ И В КНЯЖЕСКОЙ ГОСТИНОЙ

3 октября 1908 года в Петербурге легковой извозчик в коляске с поднятым кожаным верхом ехал около десяти часов вечера вначале по Лиговской улице, потом по приказанию седока свернул на короткий и грязный Чубаров переулок, а затем поворотил и на Екатерининскую, мрачную, почти не освещенную. Лишь то тут, то там, будто волчьи глаза в ночи, страшно светились красные огни перед входом в публичные дома, которых здесь, на окраине, неподалеку от железнодорожного полотна, было немало.

— К заведению Афендик правы! — спокойным, густым голосом приказал пассажир. — Знаешь?

— Как не знать-с! — бодро, с пониманием в голосе отозвался извозчик, возивший мужскую публику по домам терпимости российской столицы уже лет семь, с тех самых пор, как насовсем распрощался с родной Еремеевкой и решил навек превратиться в городского «ваньку». Наконец остановились возле нужного дома, трехэтажного, каменного, без вывески. Только красные фонари у входа и плотно занавешенные окна — что требовалось полицейскими правилами — могли бы сообщить

знатоку петербургского дна, что это не просто дом, а бордель с развеселой ночной жизнью и очень грустной и тягостной утренней и дневной.

Рассчитавшись с извозчиком, седок соскочил на тротуар, чертыхнулся, угодив прямо в лужу, направился к крыльцу, на котором его уже поджидал густо обросший шерстью звероподобный швейцар.

— Пожалте, господин хороший! — прорычал он. — Только вас и ждали! Проходите! Заведение наше из лучших будет, прямо Пале-Рояль с Мулен-Ружем! Вам здесь понравится!

Говорил так швейцар потому, что никогда прежде не видел в заведении этого мужчину, а он, обладая отличной памятью, помнил всех посетителей, приходивших даже единожды и на короткий срок.

В прихожей, отделенной от зала лишь аркой, швейцар помог мужчине снять шинель, фуражку, и, пригладив короткие, но густые и вьющиеся волосы, в зал вошел плотно сбитый, даже чуть-чуть грузноватый молодец в вицмундире чиновника Министерства путей сообщения. Даже завсегдатай такого рода заведений по тому, как держался посетитель, не мог бы сказать определенно: часто ли бывает в публичных домах этот молодой, лет тридцать всего, чиновник, или зашел в бордель так, скуки ради. Шел он к столику, на котором стояла ваза с бумажными цветами, неторопливо, просто, без скованности и без излишней важности: бывали, мол, знаем, какие тут порядки. А лицом он был кругл и смугл, глаза же его

были по-восточному раскосы, так что сидящие за соседним столом две проститутки, ждущие посетителей, подумали как-то разом: «Татарин пришел».

Как только сел за стол этот господин, как к нему сейчас же подлетел буфетчик, с показной услужливостью обмахнул тряпкой грязноватую скатерть, спросил:

— Чего-с пить будете? Напитки все исключительно прохладительные, кроме шампанского, конечно, и отличных французских вин. Коньяка и водки не держим-с — правила запрящают, чтобы не явилось буйство и неприличие. Так что-с изволите?

— Бутылку оранжада принеси, — кинул посетитель на стол две рублевые бумажки, а из-за соседнего стола уже пищали:

— А нам портеру!

— Пива по две бутылочки, господинчик симпатичный!

Чиновник немного подумал, нахмурившись и поддав ногтем свой нафабранный ус, а потом кивнул буфетчику:

— Да, три бутылки портера принеси-ка еще и... каких-нибудь конфет!

Проститутки заплодировали и одна за другой, точно бабочки, перелетели за столик мужчины. Обе они были еще довольно красивы, лет по восемнадцати, то есть находились в том возрасте, когда публичные дома официально распаивают свои двери перед всеми желающими стать их обитательницами. Сифилис еще не изуродовал их лиц, правда, водка и необходимые в их ремесле физические излише-

ства уже пустили по лицам нездоровую желтизну, а синие глубокие круги под глазами трудно было скрыть даже толстым слоем белил и румян.

Когда явилось пиво и девицы принялись за него, посыпались вопросы:

— Вы к нам попервой? Вы, стало быть, в каком-то роде девственник? — спрашивала женщина в полупрозрачном костюме одалиски.

— А вы, толстоморденок жоржик, в каком ведомстве служите? — интересовалась крупнотелая, одетая в платье эпохи Помпадур проститутка с грудями, едва не вываливавшимися из декольте.

Но чиновник не отвечал девицам и только улыбался, потягивая из стакана оранжад. Ни одалиска, ни «Помпадур» его явно не интересовали, и он довольно откровенно и смело осматривал через плечо зал. Проститутки спускались со второго этажа в обнимку со своими «мужьями» и шли с ними в танцевальный зал, где негромко играл тапер, хотя последними правилами музыки и танцы в домах терпимости запрещались. Оттуда неслись не только аккорды польки, но доносилось и визгливое пение какого-то подгулявшего козлетона, старательно выводившего эпिताму из «Нерона».

— Дуська, кого ты там все время ищешь? — спросила «Помпадур», начиная гладить ногу чиновника. — Ну, хочешь, я сяду к тебе на колени? Пойдешь со мной?

Но ни поглаживание, ни предложение сесть на колени не произвели на мужчину желатель-

ного эффекта. Он выказал полное равнодушие к сидящим рядом женщинам.

— А может быть, моим мужем на сегодня станешь? — спросила одалиска, беря руку мужчины в свои руки и сильно прижимая ее к покрытой тонким газом груди. — Может — у тебя денег не хватает? Так я добавлю, сама дам тебе два целковых за просто так отдам, от моей доброты к тебе, потому что ты шибко красивенький.

Но мужчина, продолжавший изучать всех, кто бродил по залу, выдернул свою руку и со-гласно закивал:

— Хорошо, хорошо, я пойду с тобой, но если ты — Иоланта. Ты, случайно, не Иоланта?

И раскосые глаза чиновника еще более сузились.

Проститутки не были лишены чувства ревности даже по отношению к своим товаркам, поэтому вначале фыркнула «Помпадур», следом за ней — одалиска.

— Сдалась же вам, господинчик, эта тоще-задая швабра, — презрительно откидываясь на спинку кресла, сказала одалиска. — Она и де-лать-то ничего толком не может — то ли боль-ная какая, то ли ленится. Слыхала я, что хо-зяйка наша, госпожа Афендик, в другой дом ее перепродать захотела. Да вы-то откуда о ней слыхали? Вообще Иоланка, Ленка между на-ми, с посетителем сейчас, так что лучше бы вам, чтоб время не тратить...

И одалиска с тяжким вздохом, будто что-то поправляя, вздыбила перед мужчиной подол своего газового платья, демонстрируя богатые

кружева панталон и окутывая его запахом дешевых помад, притираний и еще Бог весть каких снадобий, известных лишь одним обитательницам публичных домов.

Подошел буфетчик. Видя, что посетитель скучает уже больше получаса, подал ему большой альбом:

— Извольте взглянуть-с, здесь все наши барышни представлены на фотографических карточках. Выберите — и вам плод вашего воображения тотчас на подносе доставят. Пожалте...

Мужчина углубился в рассматривание фотографий, уже совсем не обращая внимания на приставания сидящих с ним девиц. Вдруг какая-то женщина в сопровождении мужчины в пиджаке мастерового и в косоворотке появилась на лестнице, спускаясь вниз, и чиновник невольно поднялся, устремляя взгляд на лицо высокой и худощавой блондинки, пытавшейся улыбаться, но изображавшей лишь кислую, усталую мину.

— Вот она, ваша Иоланка! — зло фыркнула «Помпадур», вставая из-за стола и уходя.

А исполнивший свое недельное заветное намерение мастеровой танцующей походкой, молодцевато держа пальцы рук за пояском рубашки, даже не попрощавшись с женщиной, только что утолившей его голод, подошел к стойке буфета, с шумом и гаканьем осушил стакан вина и прошел мимо огромного швейцара, зачем-то погрозив ему пальцем.

Чиновник-путеец направился к спустившейся в зал блондинке. Было видно, что он не знает приемов обхождения, принятых в этих

заведениях, но женщина тотчас поняла его намерения, вначале улыбнулась развратной улыбкой полупобедительницы-полупобежденной, а потом взглянула на мужчину с открытой простотой.

— Вы свободны? — спросил чиновник.

— Да, мы всегда охочи! — с готовностью ответила женщина, но потом ее лицо вдруг побледнело, и она сказала уже другим, глухим и просящим голосом:

— Хотя пару минут подождите, я устала, лимонаду хотя бы выпить дайте.

Спустя минут пятнадцать они уже поднимались вверх по лестнице, а им вслед из-за столика с завистью глядели «Помпадур» и ее подруга. Хотя они должны были быть довольны — работы сегодня было мало, а отдыха, праздности — много. Они пошлялись по залам, станцевали с двумя приказчиками новомодный танец кекуок, снова сели за стол, но когда раздался откуда-то сверху истеричный, визгливый крик, точно резали поросенка, бросились вверх по лестнице, обгоняя путающегося в длинных полах форменного кафтана швейцара-вышибалу.

На третьем этаже, возле комнаты, где жила и принимала гостей Иоланта-Ленка, лежала горничная Даша. Дверь комнаты была приоткрыта. «Помпадур» заглянула в холодную светелку проститутки, миготом отшатнулась и, бледная, качая головой, сказала подруге:

— Глаша, ты только не гляди! Страшно! Дождались! И с нами всеми такое будет!

И перекрестилась мелко и стыдливо.

А в то же самое время в роскошном особняке на Караванной, в уютной гостиной большой двенадцатикомнатной квартиры князя и сенатора Сомского Петра Петровича чаевничали двое — сам хозяин, сильно похожий на Вольтера в старости, только с совершенно не идущими его лицу длинными «сенаторскими» бакенбардами, и его дальний, очень дальний родственник, двадцатисемилетний отставной поручик лейб-гвардии Преображенского полка, Выжигин Степан Андреевич. Выжигин, очень красивый мужчина, хоть и не слишком высокого роста, стоял с чашкой чая возле потухшего камина, опершись локтем о мрамор доски. Вид его был сумрачен. Одно обстоятельство больно ущемляло его самолюбие, это было связано с тем, что несколько месяцев назад Степан Андреевич вступил в одну интересную, но такую далекую от его прежних привычек службу.

— Кузен, да покажите же вы мне наконец ваше удостоверительное свидетельство! — несколько капризно прокричал князь, называя Выжигина «кузеном». Никакими кузенами они быть не могли, потому что обоих родственников разделяли более чем сорок лет в возрасте, но Сомскому нравилось иногда «приближать» к себе нравившегося ему Выжигина таким теплым и домашним словом.

— Сделайте одолжение, — протянул ему Выжигин сложенную вдвое картонку, обклеенную сверху невзрачным полотном синего цвета.

Князь уселся поудобней, отвел картонку подалее от своих плохо видящих глаз и стал читать:

— Итак, «дано сие полицейскому надзирателю тайного сыска Выжигину Степану Андреевичу для предъявления надлежащим властям. Все чины общей полиции и отдельного корпуса жандармов и подлежащих ведомств, а равно и частные лица приглашаются оказывать предъявителю сего законное содействие в исполнении им обязанностей службы». Так, свидетельство украшено мастичной печатью с гербом и заверено важной персоной. Есть и ваша очень милая фотография. Примите!

Выжигин чуть ли не вырвал свидетельство из сухонькой руки сенатора и зло засунул его в карман, будучи при этом красным, как морковь. Сомский же, заметив состояние «кузена», снова принявшись за чай, мягко заговорил:

— Не пойму, Стив, — к чему эта фанаберия, весь этот гонор? Вы что считаете, сидеть где-нибудь в каталажке за отказ выполнить приказ лучше, чем работать сыщиком? Вы отказались стрелять в бунтовщиков год назад, и только мое заступничество вызволило вас из этой прескверной истории. Я убедил военного министра, что вы просто растерялись, замешкались и во все не думали нарушать приказ.

— Все знают, что я не стрелял в рабочих сознательно, — твердо заявил Выжигин. — Пролить кровь соотечественников меня в Пажеском корпусе не учили!

— Во всяком случае не учили и не слушать приказов! — капризно возразил Сомский и подергал себя за бакенбард — он очень любил их и, видимо, страшился потерять свое сокровище, а поэтому то и дело с заботой и тревогой касался завитых надушенных волос своими тонкими пальцами. — Короче, вы ушли в отставку по собственному желанию, а не были изгнаны, а тем паче преданы суду. Ну так послужите ж теперь на другом поприще. Сыскные отделения только что были организованы, эти подразделения нуждаются в умных, смелых, честных людях, а не в каких-нибудь негодах с темным прошлым.

— Да, я читал в нашей инструкции, — отхлебнул из чашки Выжигин, — что лица, привлеченные к ответственности за преступления, а равно и замеченные где-либо в порочном поведении, на службу в сыскное отделение не допускаются.

— Ну вот, видите? А вас допустили! — азартно воскликнул князь. — Выходит, вы честны и непорочны! — Потом он тяжело поднялся из-за стола, подошел к Выжигину и с отеческой лаской похлопал его по плечу: — Что, стыдно с какими-нибудь Разбухаевыми-Вороватыми, недавними мясниками и торговцами, вам, дворянину, служить? Так поднимите же их, Разбухаевых, до своего уровня — Россия вам за это в ноги поклонится, — помолчал и продолжил: — Знаете, сколько эти Разбухаевы, лихие и шальные русские люди, которым что жизнь, что смерть — все одно, в прошлом году в империи людей убили?

— То есть, — всмотрелся в острое умное лицо князя Выжигин, — вы спрашиваете, знаю ли я статистику убийств?

— Ну да, конечно!

— Не знаю, честно говоря, — отчего-то стало стыдно Выжигину.

— Дурно делаете, не просматривая статистические сводки, особенно криминальные. Так вот, в России из года в год убивают все чаще, а в Англии, к примеру, все меньше! Да если и сравнить Россию с Англией по количеству совершенных в обеих странах убийств, да и вспомнить, что в нашем отечестве сто пятьдесят миллионов живет, а в Англии без колоний — только пятьдесят, за голову схватишься!

— И сколько же убийств было у нас и в Великобритании? — с интересом взглянул на князя Выжигин.

— А вот сколько! У нас — тридцать тысяч, а у них — только сто с небольшим убийств!* — посмотрел на Выжигина князь с петушиным задором победителя. — То есть мы на душу населения убивали друг друга в тысячу раз чаще, чем англичане! Хороша статистика? Нет, она ужасна, катастрофична! Нужно что-то делать! Я понимаю — повсюду нищета, народ безграмотен, некультурен, он совсем недавно почувствовал себя свободным, и у него огромное желание разбогатеть. Но я не могу понять, как это на какой-нибудь Киевской ярмарке подходит один мещанин к другому и опрашивает у него: «Как тебя зовут?» — «Иваном», — отвечает тот. —

* За каждый факт исторического порядка автор несет полную ответственность.

«Ну, а коли ты Иван, так и получи!» И втыкает ему нож в живот. О, русский очень свободен, чересчур, вне всякой меры! Ничто не ограничивает этого несущегося неведо куда и неведо зачем дикого коня. Русских, кузен мой милый, удерживать надо, и учрежденные в июле этого года восемьдесят девять сыскных отделений наряду с общей полицией, жандармерией, охранным отделением и прочими, прочими государственными ратями должны во что бы то ни стало удержать на скаку бешеного коня русской вольности, вседозволенности, а попросту нашего хулиганства и жестокости. И вы, кузен, как раз и станете одним из этих ловких дрессировщиков-наездников. Так что же, вам ваше дворянство замарать таким благим делом стыдно? Да не такие еще вельможи сыском занимались, не такие. А кстати, какое жалованье вам положили? — неожиданно спросил князь.

Выжигин, которого задела прямая и горячая речь Сомского, улыбнулся и сказал:

— Полицейский надзиратель получает в год триста семьдесят пять рублей жалованья и столько же столовых денег.

— Семьсот пятьдесят рублей в год? — радостно вскинул брови князь, будто это именно его одарили таким жалованьем. — Для начала совсем неплохо. Где бы вы сыскали себе пропитание? В какой-нибудь адвокатской конторе? В банке? Коммивояжером? Нет, милый, все это не для вас. Я хлопотал перед министром внутренних дел за своего любимого кузена, рекомендуя вас как претендента на пост помощника начальника сыскного отделения участка, по-

том — самого начальника. Все от вас зависеть будет. Во всяком случае в ваши юные годы думать о мундире обер-полицмейстера или градоначальника — занятие вполне извинительное.

Где-то за дверью гостиной раздался звонок телефонного аппарата, и через полминуты в комнату вошла горничная, тихая и чистая старушка, знавшая Выжигина еще с его младенческих лет.

— Степан Андреич, это вас просят, — деликатно, как и требуется после десятков лет работы горничной, сообщила она, и Выжигин своей широкой поступью гвардейского офицера зашагал в прихожую, где располагался аппарат, а князь, видя, как вышагивает «кузен», подумал про себя: «Нужно будет ему как-нибудь заметить: сыскная служба — не парады на Царицыном лугу». Но вот вернулся Выжигин — потирает руки, глаза блестят, а скулы немного ходят от напряжения.

— Итак, звонили из участка. Вызывают на первое расследование.

— Bravo, bravo! — шутливо захлопал маленькими ладошками князь. — И что же явилось причиной вашего дебюта, Стив?

— Убийство проститутки, — покраснел Выжигин. — В заведении.

— Что ж, поезжайте, поезжайте. Блудниц сам Спаситель прощал. Потом расскажете, как дело было?

— Непременно! — пожал руку князя Выжигин и чеканным шагом направился к выходу, не замечая того, как неодобрительно поморщился Сомский, слыша поступь Командора.

УШЕЛ В ОКНО И СОВЕРШЕННО ГОЛЫЙ!

Доехать от Караванной до Глазовской, что под углом отходила от Суворовской улицы и где размещался полицейский участок, Выжигин сумел за четверть часа. Вошел в помещение отделения сыскной полиции, устроенное в стороне от других служб полицейского дома, дабы подчеркнуть особое положение всех их четырех отрядов: расследовавших убийства, грабежи и кражи, мошенничество и аферы всех мастей, а также четвертого отряда, «летучего», дежурившего обычно на вокзалах, в театрах и в прочих местах, где собиралась публика. Выжигин был полицейским надзирателем первого отряда, занимавшегося поисками убийц.

— Вас, сударь, днем с огнем не сыщешь! — строго и очень сухо заметил помощник начальника, едва Выжигин появился в отделении. — Врач уже готов, фотограф, городской Остапов, данный вам в помощники. Извольте отправиться сейчас же на Екатеринославскую в номер шестой. Убийство проститутки...

— Транспорт? — коротко спросил Выжигин.

— Здесь хоть и два шага ходьбы, но не своих же лошадей запрягать? — пожал плечами помощник. — Возьмете легковых извозчиков.

Или забыли, что имеете право на бесплатный проезд? — И, уже смягчившись, молвил: — Поезжайте, батюшка. Ваше первое дело. Грех в такое срамное место вас посылать, но все заняты. Вообще, — приблизил губы к уху Выжигина, — это общей, а не сыскной полиции дело, но убийство какое-то странное, да и хозяйка заведения Афендик Амалия Генриховна с приставом в свойстве. Он-то мне сюда и звонил. Великодушно прошу, Степан Андреич, расследование проведите аккуратно, никого не задевая. Ах, с этими публичными домами одна морока! — ударил он себя ладонями по вискам. — Закрывать бы их, к чертовой матери, да не разрешат. Ну, поезжайте!

Выжигин ехал в публичный дом, где была убита падшая женщина, на которую новоиспеченному сыщику было наплевать, с камнем на сердце. Он пошел на эту службу без особого желания, зная, что хорошее общество презирает полицейских, презирает особенно после революции, отнявшей у него погоны, карьеру, любимый полк. Ехал в публичный дом, а эти заведения он ненавидел еще со времен своей кадетской юности. Как-то раз однокашники, подвыпив, уговорили его поехать «к дамам». Все было нарядно, шумно, пьяно, была постель, было теплое и полное тело «дамы», а потом, уже на улице, Выжигина стало рвать, рвало нескончаемо, тяжело, будто выворачивались внутренности. Товарищи смеялись над ним, и Выжигину удалось сделать вид, что тошнит его только потому, что он сегодня слишком много выпил, но на самом деле его корчило другое —

близость с женщиной, словно вобравшей в себя плоть сотен, может быть, тысяч мужчин, которые были в ее спальне до него.

— Приехали! — вывел Выжигина из оцепенения звонкий голос его помощника-наставника Остапова. — Вот она — Афендик!

Выжигин, доставая из кармана служебное удостоверение, пошел ко входу первым, раскрыл книжечку, на ходу сунул ее в лицо застывшего у входа швейцара:

— Сыскная полиция! Куда идти?

— На третий этаж пожалуйста, по лестнице прямо! — уже не ревел, а миролюбиво ворковал вышибала.

Вдруг Выжигин будто невольно повернул голову в сторону — рядом с вешалкой в деревянной рамке висел какой-то печатный лист. Степан Андреевич, сам не зная зачем, подошел к нему и стал читать. Это были правила содержания публичных домов. Все дышало в этих правилах казенной, деловой благопристойностью, бумажной, а поэтому фальшивой. Говорилось, например, что бордель может содержать лишь женщина от тридцати до шестидесяти лет, и ее дети да и вообще родственники не имеют права жить при нем. Хозяйка обязана была всемерно заботиться о здоровье женщин, и все они, не моложе восемнадцати лет, должны проживать в помещении, соразмерном их числу. Оказывалось, кровати требовалось отделять одну от другой легкими перегородками, а в случае отсутствия оных — ширмами. Хозяйка сама, не дожидаясь медицинского осмотра, каждый день проверяет тело женщин и их белье,

а заболевших отправляет в больницу. Требовалось соблюдать личную гигиену, обязательно мыться холодной водой после каждого мужчины, а женщин, имеющих месячные очищения, к занятию промыслом не допускать. Также нельзя было доводить женщин неумеренным употреблением до изнурения, а посещение публичными женщинами бани предписывалось два раза в неделю. Выжигин изучал инструкцию, заворожившую его, покуда Остапов не тронул его за рукав:

— Степан Андреевич, пора нам...

Стали подниматься на третий этаж. Хозяйка, беспокоясь о доходах, и не подумала очистить свое заведение от посетителей, поэтому Выжигину и его помощникам то и дело попадались парочки, идущие то вверх, то вниз.

— Это здесь, идите сюда! — позвал чей-то голос, и Выжигин с Остаповым, полицейским фотографом и врачом пошли по узкому коридору, где рядом с одной из комнат стояла целая толпа народу, мужчины в форме, женщины. Прибытия сыщиков ждали: околоточный надзиратель, вызванный сразу, как только горничная Даша нашла проститутку Иоланту мертвой, дворник, зачем-то вызванный тоже, сама хозяйка заведения, Амалия Генриховна Афендик, похожая на классную даму из женской гимназии, а вовсе не на владелицу борделя.

— Это ужасно! — с сильным немецким акцентом, ломая руки, сразу сказала она. — Получится огласка, да? В мое заведение перестанут ходить, да? — заглядывала она в глаза Выжигину, а тот, вспомнив предписание инструкции,

требующее от хозяйки заведения каждый день проводить осмотр тел и белья проституток, отвел взгляд от ее ученого лица.

Он прошел в комнату, большую часть которой занимала широкая кровать с резной спинкой. На стене в изголовье — скверная литография «Леды с лебедем» Рубенса, шифоньер со всякими безделушками, подаренными посетителями и купленными на собственные деньги, — пестрое убожество, способное доставить радость только недорогой проститутке или мелкой лавочнице. Сама убитая лежала на постели навзничь, и ее тело было прикрыто простыней.

— Снимите простыню, — приказал Выжигин, и его приказ тотчас исполнил Остапов, сделав это очень легко, одним движением.

Убитая была совсем нагой, и Выжигин услышал рыдания, раздавшиеся за его спиной, — кто-то из товарок женщины, вновь увидев мертвую подругу, не смог сдержать чувств. Его почему-то раздражил этот плач, показавшийся притворным.

— Пусть посторонние уйдут! — бросил он через плечо. — Приведите того, кто первый увидел тело.

Послышалось шушуканье, чьи-то скорые шаги, а он продолжил осмотр убитой. Женщина лежала на спине в своей холодной нагой доступности, и тело ее, уже успевшее пожелтеть, напоминало хорошо полированную кость мамонта. Из-под ее правой груди торчала рукоятка кинжала, похожего на испанский стилет времен Изабеллы и Фердинанда, а может быть,

и подделка под старинное оружие. Крови вытекло немного, струйка, уже потемневшая, змейкой скользнула от раны по коже и растекалась небольшой лужицей по простыне. Наконец явилась горничная Даша.

— Ага, да-да, — согласно закивала она, становясь рядом с Выжигиным и трясаясь, глядя на убитую пристально и жадно.

— Что «да-да»? — не понял Выжигин, а Остапов через плечо негромко сказал ему:

— Эта девка, горничная, что везде комнаты убирает, первая убитую нашла.

— Ага, да-да! — все бормотала Даша, так и не пришедшая в себя от пережитого ужаса.

— Здесь все так и осталось, как было? — как можно мягче спросил Выжигин у девушки. — Ничего не трогали?

— Ага, да-да, — кивала Даша. — Иоланточка так и лежала на спине, окно открыто было, а мужчины не было, да-да, ага.

Выжигин кинул взгляд на раскрытое окно. Подошел к нему. Рамы, двойные кстати, уже были заклеены и замазаны на зиму. Посмотрел вниз — внизу блестела брусчатка проезжей части улицы, катился экипаж с ярко горевшими огнями.

— Окно открыл не иначе как убийца, ваше благородие, — подсказал Остапов, носивший должностное звание городской сыска. Плотный невысокий малый из деревенских, он начал в Питере с извозчика, потом стал негласным осведомителем сысканого отделения, постовым городовым, и вот теперь он был чинном сыска. Подчиняясь Выжигину, он тем не

менее считал себя в полиции куда более тертым калачом, чем его начальник, а поэтому мог давать советы.

— А зачем же он его открыл? — спросил Степан Андреевич, двигая туда-сюда раму.

— Как зачем, господин надзиратель! — расплылась от удивления конопатая простецкая рожа Остапова. — Он ведь в окно ушел, а вещички свои так на стульчике и оставил — извольте поглядеть, все, даже подштанники.

Выжигин не осмотрел еще и половины вещей, представлявших интерес для следствия. Он шагнул к стулу, на который была небрежно брошена мужская одежда — так раздеваются только впопыхах. Вицмундир с петлицами и погонами Министерства путей сообщения, брюки, сорочка, галстук. Да, получалось, что мужчина только для того и открывал окно, чтобы убежать после убийства таким необычным способом. Кальсоны и нижняя рубашка свидетельствовали о том, что уходил он с места преступления совершенно голым.

— А ну-ка, Остапов, подойдите к окну.

Выжигин растворил окно пошире. Посмотрел снова вниз, налево, направо, даже вверх — над окном нависал карниз здания.

— Выгляните и представьте хорошенько — мог бы мужчина, пусть и сильный, ловкий, выбраться отсюда?

Городовой со знанием дела повертел головой, высунувшись наружу.

— Ну, я вам вот что скажу, — снова заулыбался он, возвратившись в комнату, — если сильно захотеть, то выбраться еще как можно.

Тренированный человек и за карниз руками ухватиться может, на подоконник встав, до трубы вон той водосточной прыгнет, а дотянется, если шею сломать не захочет. Да только ума не приложу, за каким лядом энтó вершить? Ну, убил ты шлюшку, будь она неладна, так и иди спокойно через главные двери. А в окно зачем, да еще нагишом? Псих он, наверное, был, ваше благородие. Оттого и женщину красивую убил, а потом со страху голым да и убежал. Поймаем мы его сегодня же ночью!

Фотограф между тем начал свою работу, и комната скоро наполнилась дымом сгоревшего магния. Выжигин, и сам склонявшийся к тому, что убийство проститутки — дело рук какого-то психопата, решил все-таки провести расследование по всей форме и вызвал госпожу Афендик, которая сразу стала клясться, что в ее приличном и дорогом заведении такие безобразия раньше никогда не случались, но Выжигин прервал ее излишества, попросив привести тех, кто мог видеть господина, прошедшего с убитой Иолантой в спальню.

— Да, да, я пошлю вам Биби и Жульетту, они даже беседовали с тем господином, пока не появилась Иоланта, то есть Елена Зарызина по паспорту, который находится сейчас в паспортном столе второго участка Александрo-Невской части! А у горничной Даши вы ничего не спрашивайте — она и знать того не может!

Пришли одалиска и «Помпадур», Биби и Жульетта. Выжигин показал им одежду того, кто, по всей видимости, убежал в окно. Спрашивал поочередно, как велела инструкция,

и оказалось, что и мундир, и галстук, и все прочее, исключая белье, конечно, они удостоверяют как принадлежавшие «этому проклятому татарину», и Степану Андреевичу сразу захотелось узнать, как выглядел и как вел себя тот человек. По одной он уводил проститутку в соседнюю пустую спальню, и Биби сразу сказала ему:

— Вначале он мне понравился, такой душка, такой апельсин, ну просто как вы, господин сыщик, но потом разонравился — со мной он пойти не захотел, да и вообще вел себя не как мужик. Знаете, — придвинула она свое размазанное лицо к лицу сидевшего напротив нее Выжигина, — я поняла, что женщины ему совсем были не нужны! Ото всех от вас, как от кобелей, дух такой особенный исходит, когда вы хотите — я этот дух за версту учуять могу, а от него — не-а! Хоть бы ну вот настолечко! — и показала на свой ноготь.

— Разве он и Иоланту не желал? Он ведь ждал ее? — осторожно спросил Степан Андреевич.

— Ждал? Ее?! — ударила себя по ляжкам Биби и рассмеялась. — Да я сразу догадалась, что он ее раньше никогда и не видел! Если б Филька, буфетчик наш, альбом с карточками ему не принес, так и не вышел бы он к ней навстречу. Не знаю, зачем она ему понадобилась. Некого больше зарезать было? Но мужичок он был будьте-нате — апельсин с сиропом!

Потом пришла Жульетта с вываливающейся из декольте грудью. Она сразу разрыдалась густым смоляным басом, а проревевшись сказала:

— Знала бы, на какое дело тот чучмек к нам пришел, увела бы его к себе — я б его сама титьками задушила! И зачем Господь Бог таких красивых мордастеньких душек убивцами делает!

Выжигин задал женщине несколько вопросов, уточняя детали внешности предполагаемого убийцы, снова услышал, что мужчина вел себя как человек, Иоланту-Ленку не знавший, а поэтому все выглядело странным — ждет Иоланту, отвергает всех прочих женщин, а на самом деле предмет своего вожделения и в глаза не видел. Под конец Жульетта зло обозвала все мужское племя злодеями, кобелями и вонючками, снова разрыдалась и с разрешения Выжигина ушла.

Когда Степан Андреевич вернулся в спальню, где все еще лежала убитая, полицейский врач, сгорбленный старичок, привыкший к мертвым, как к собственным пальцам, которыми он каждый день ковырялся в раздавленных, простреленных, разрубленных, искореженных телах, подал ему оружие убийства — это на самом деле был старинный стилет. Очень узкое четырехгранное жало клинка с клеймом города Толедо, рукоять удобная, обвитая крученой проволокой с маленьким перекрестьем-гардой. С такими кинжалами выходили на улицу Мадрида или Севильи дамы, не боявшиеся встретиться с наглым насильником, громилой. Кинжал этот совершенно не подходил ко всей этой обстановке пошлой спальни проститутки, «Леде с лебедем», оставленным на стуле кальсонам убийцы.

Выжигин, тщательно осмотрев кинжал, понял, что провести дактилоскопический анализ не удастся, и уложил стилет в бумажный пакет.

— Еще и для этой штучки пакетик раскройте, Степан Андреич! — вошел в спальню Остапов и протянул ему какую-то круглую, сшитую в одном месте ленту.

— Что это? Где вы нашли? — не понял Выжигин, но все же принял из рук городского вещицу и стал рассматривать ее.

— А в коридоре и нашли-с, — хмыкнул Остапов. — Валялись...

— Да что это? — едва на рассердился Выжигин, которого уже тошнило от всей этой нездоровой обстановки публичного дома, от необходимости ковыряться в обстоятельствах смерти какой-то проститутки.

— Как, не знаете? — удивился Остапов. — Подвязка, для чулок-с, с резиною внутри.

— Да что нам за прок с этой подвязки?

— Для следствия во всем прок быть может. Валялась в коридоре, а я у горничной, у Дашки этой, уже спросить успел — говорит, что Иоланты, Ленки то есть, подвязка. А почему она в коридоре оказалась, она не знает. Приобщите к следствию.

Выжигин с вызовом взглянул на помощника:

— Вы уж не учите меня. Сам знаю, что приобщать к следствию, а что нет.

Остапов погасил в глазах блеск веселости и собственной значимости, вежливо сказал:

— Извольте сами посмотреть-с — на подвязочке пятнышки крови.

— Да мало ли отчего кровь взяться может? — не хотел принимать Выжигин советов помощника.

— Даша-то, горничная, сказала, что у них все белье стирается тщательно. От естественных причин запачкаться подвязка не могла. А уж как она в коридор попала — Бог знает. Только Даша твердо говорит — Ленкина подвязка.

— Хорошо, приобщим... — недовольно ответил Выжигин, который принялся за изучение содержимого карманов вицмундира того, кто на короткое время стал любовником, а потом и убийцей проститутки.

То, что выудил Выжигин из карманов одежды пропавшего господина, было важной находкой — визитные карточки, согласно которым посетитель публичного дома значился неким Арханосом Иваном Трофимычем, надворным советником и служащим конторы по обеспечению краской подвижного состава депо Николаевской железной дороги.

— Сейчас же и заберем голубчика, — с угрожающей сладостью в голосе сказал Остапов, через плечо Выжигина смотревший на визитки.

— А если их просто подложили? — сурово взглянул на помощника Степан Андреевич.

— И это-с в мундир путейского министерства? — хихикнул городской. — Право, Степан Андреич, поспешим. Время позднее. Застукаем сего Арханоса прямо у него на квартире, да и взятки гладки. Он же здесь неподалеку проживает, на Дегтярной. Едем? А за поимку злоумышленника у нас премиальные полагаются...

Выжигина обожгло — он знал, что этот плейбей мог догадываться о его незавидном положении, а поэтому любой намек, тем более со стороны подчиненного, воспринимался Степаном Андреевичем с тяжелой болезненностью.

— Вы, сударь, не извольте торопиться! — с угрозой прошептал Выжигин, беря Остапова за лацкан пиджака и впервые после службы в полку ощущая себя начальником. — И не извольте также советов мне давать. Одного моего рапорта довольно будет, чтобы вас из сыскальной полиции снова на улицу отправить, в городские, с шашкой и свистком. Понятно вам?

Никак не ожидал Остапов такого решительного хода со стороны своего начальника по группе — сразу же похудел лицом, стал ниже ростом, сквозь зубы промычал:

— Извините-с, это я так-с, к слову просто, о премиальных...

Выжигин имел свойство успокаиваться быстро, и теперь ему было просто жаль Остапова, поэтому, отводя взгляд, Степан Андреевич приказал:

— Достаньте все необходимое для дактилоскопического анализа.

Лакированные сапоги предполагаемого убийцы стояли рядом со стулом, на котором громоздилась брошенная кое-как одежда. Зачем Выжигину нужно было убеждаться в том, что на гладкой поверхности кожи остались отпечатки пальцев именно надворного советника Арханоса, он пока не знал. Скорее всего, хотелось показать Остапову и другим сотрудникам свое умение пользоваться методом, ко-

торый рекомендовался на курсах как самый передовой и многообещающий. Выжигин взял в руки вначале один сапог, потом другой — сквозь увеличительное стекло лупы были отчетливо видны отпечатки пальцев. Скоро меловая пудра легла на кожу, а Выжигин немного трясущимися пальцами, понимая, что Остапов придирчиво следит за каждым его движением, кисточкой из верблюжьего волоса осторожно размазал пудру по тому месту, где имелись отпечатки, тотчас ставшие еще более заметными.

— Прекрасно! — похвалил сам себя Выжигин и бросил фотографу: — Попрошу сделать снимок. Только уж постарайтесь угол как можно удачней отыскать.

— Отыщем, господин надзиратель, не сомневайтесь, — приготовился к съемке фотограф, а Степан Андреевич стал присматриваться к мертвому телу.

«Лежит, вытянув руки по швам, — размышлял Выжигин. — Так что же, кинжал ей вонзили в грудь, когда вот так лежала, или убийца уже потом придал женщине это спокойное положение?» Вдруг даже не мысль, а вопрос, мимолетный и, возможно, никчемный, осветил на миг сознание Выжигина.

— Вукол Кузьмич, — негромко обратился он к старичку врачу, — а могла бы медицина сказать мне точно и определенно: перед смертью эта женщина имела... соитие с мужчиной, оставившим здесь одежду?

Врач серьезно глянул на Выжигина через пенсне:

— Вначале подайте мне обладателя этой одежды, мы сделаем анализ и, может быть... Впрочем, я осмотрел тело убитой: внешний осмотр скорее говорит о том, что женщина не успела исполнить своих служебных обязанностей, но если тело доставят в покойницкую...

— Да, я распоряжусь отправить труп в морг нашей части. Вы займетесь им?

— Свои служебные обязанности, — улыбнулся врач беззубой доброй улыбкой, — я всегда исполняю.

Выжигин уже хотел было дать команду готовиться к отъезду, как вдруг его внимание привлекла картина, часть которой выглядывала из-за убогой ситцевой портьеры, повешенной, наверное, красы ради в изголовье кровати. Он отодвинул в сторону цветастую ткань и увидел прекрасную и, как видно, очень дорогую гравюру неизвестного ему художника — Мария Магдалина, воздевшая к небесам глаза, в молитвенной позе сидела перед толстой книгой с подложенным под нее черепом. Рядом с грязной, отвратительно пошлой «Ледой с лебедем» эта гравюра выглядела роскошным цветком, каким-то чудесным образом выросшим посреди истоптанного, заросшего сорняками поля.

— Это Леночки картина, — услышал вдруг Выжигин чьи-то тихие слова и обернулся — у дверей стояла горничная Даша, понявшая, чем залюбовался Выжигин. — Она с нею в наш дом и пришла...

— А почему же... прикрыта? Будто спрятана? — невольно кривя губы от какого-то нехорошего, гадливого чувства, спросил Выжигин.

Девушка немного смутилась:

— Не позволено у нас ничего священного — оскверняется в таком подлом месте. Скрывала...

— Хорошо, — вдруг вспомнил Выжигин о найденной подвязке. — А вот это, — он достал из пакета круглый эластик с пятнами крови, — как могло в коридоре оказаться?

Горничная испуганно замотала головой, точно это именно ее и пытались обвинить в каком-то беспорядке:

— Сама не знаю! Народу тут много всякого ходило. Может, поддал ногой кто-то, а она и вылетела в коридор, ага, ага.

Больше Выжигин ни о чем расспрашивать не хотел. Отдав околоточному надзирателю команду направить труп убитой в покойницкую участка, сказал Остапову:

— Ну а теперь и поедем на вашу Дегтярную, за господином Арханосом. Вдвоем-то с этим голоштанным надворным советником справимся?

— Еще как справимся, Степан Андреич! Я бы вместе с ним еще и двух коллежских асессоров мог в каталажку прихватить, — весело ответил Остапов, надевая при выходе из спальни убитой свою форменную фуражку.

«А В БАНЯХ ТАРАСОВЫХ ТОЖЕ ВЕСЕЛО!»

Остановили ночного, полусонного и злого извозчика и поехали на Дегтярную, хотя до нее можно было дойти и пешком. «Ванька» был ну-жен затем, чтобы тут же забрать Арханоса и отвезти его в полицейский дом, и все сейчас представлялось Выжигину простым, примитивным, как грабли или топор, и он сам себе в этих тупых, мало заслуживающих почтения действиях виделся каким-то недоразвитым деревенским дурачком, которого-то и в поле с плугом отправить нельзя, а можно поручить лишь стадо, да и то не коров, а глупых овец.

Остапов вез с собой тюк с одеждой надворного советника, которую собирался сунуть ему прямо под нос в качестве доказательства вины. Правда, городской-сыщик сомневался в том, что Арханоса они застанут дома. Убийца, бежавший из борделя голым, наверняка воспользовался извозчиком, прикрывшим его кожаным фартуком, каким всегда закрывают седоков во время дождя, — не побегал же Арханос по городу нагишом! Но поехал надворный советник не домой, а к кому-нибудь из приятелей, чтобы одолжиться и одеждой, и деньгами. Выжигин тоже не верил в успех предприятия по поимке убийцы проститутки,

но исполнять положения инструкции он должен был до конца.

Прибыв на Дегтярную, к нужному дому, стали стучать в окошко дворницкой. Стучали долго, но потом послышалась возня, какое-то рычание и наконец черная брань. Открылась дверь. Дворник, в тулупе на голое тело, бородастый и страшный с перепоя, проревел:

— Чаво надо? Кулака мово давно не пробовали?

Узнав, что явились из сыскной полиции, притих, долго не мог войти в суть вопроса — дома ли надворный советник Арханос?

— С вечера не выходил. У себя спит-с, — изрек наконец привратник. — Я с десяти часов и ворот никому не открывал.

— А теперь пойдика и открой! — приказал Выжигин, хотевший спать и уже ненавидевший себя за то, что дал согласие пойти служить в сыскную полицию. В голове даже блеснула страшная, никогда не приходившая к нему мысль: «И какого дьявола я тогда, когда в мой взвод летели камни, не отдал приказ открыть по бунтовщикам огонь?» Ему еще вспомнились сейчас слова князя Сомского о неудержном характере русского народа, во исправление которого он и стоял сейчас в этой грязной, провожавшей водкой и кислой капустой дворницкой.

Прошли во двор, дворник не спеша подвел к нужному подъезду, поднялись на третий этаж. На дверях медная табличка:

АРХАНОС ИВАН ТРОФИМОВИЧ
надворный советник

Начали звонить. Кто-то внутри громко сказал, что никакой полиции не откроет, но дворник, голос которого хозяину, как видно, был известен, заверил, что пришли на самом деле полицейские чины, и вот уже Выжигин и его помощник стояли в большой прихожей, освещенной едва мерцающей электрической лампочкой.

— Арханос?! — сурово надвинулся на открывшего дверь мужчину Остапов. Желая нагнать страху, даже вынул револьвер и стал покручивать стволом перед лицом перепуганного, пожилого уже мужчины с длинными седыми усами.

— Да, я Арханос, надворный... — пролепетал испуганный путеец.

— Знаем, что надворный, — продолжал лютовать Остапов. — А расскажите-ка, милостивый государь, где одежонку с карточками вашими изволили оставить? — И стал вытряхивать из тюка Остапов вещи из спальни проститутки.

Он показывал предметы туалета один за другим, и Выжигин по лицу Арханоса, которое становилось все плаксивее, гаже в каком-то паническом испуге, понимал, что надворному советнику знакомы и шинель, и мундир, и брюки. Когда же Остапов вынул последнюю вещь, кальсоны, и буквально ткнул ими в усы чиновника, Арханос весь так и съежился, а тут еще скрипнула дверь одной из комнат и со свечой в руке на пороге прихожей выросла статная фигура молодой еще женщины, красивой и, судя по всему, властной.

— Что здесь происходит, господа? — с гордым недоумением спросила она.

Выжигин, быстро понявший, что Арханос не был сегодня там, где произошло убийство — его внешность совсем не совпадала с описанными приметами того, кто прошел в спальню Иоланты-Ленки, — решил успокоить хозяйку дома:

— Сударыня, мы здесь по долгу службы...

— Молю-у-у вас, умоляю-у-у! — сложив лодочкой руки, тихо-тихо прошептал бледный надворный советник, по бритым щекам которого текли крупные капли пота. — Милочка, у нас с господами служебные разговоры! Мы у меня закроемся, прости... — повернулся он в сторону дамы.

Та презрительно взглянула на жалкую фигуру мужа, кивнула головой в знак прощания и скрылась за дверь.

— Ну зачем же так, так громко! — шептал Арханос, и глаза его перебегали с лица Выжигина на лицо Остапова и обратно. — Давайте пройдем в мой кабинет! Там я вам все объясню!

Прошли в небольшую комнату. Арханос сразу же схватил со стола коробку с сигарами, вынул одну, забыв предложить гостям, отгрыз кончик и закурил.

— Так вы дадите объяснения, сударь? — снова насел на Арханоса Остапов, веривший в то, что странное поведение надворного советника целиком зависит от ощущаемой им вины за убийство девки из борделя.

— Право, я пока не ведаю, господа, в чем, собственно, я должен дать вам объяснения? Я не совершил ничего преступного, — покутив

и немного успокоившись, сказал Арханос. — Скорее это вы должны объяснить, откуда у вас моя одежда? Вы нашли вора?

Выжигину не понравился уверенный тон на-
дворного советника. Несколько минут назад он
проявлял совсем иные эмоции, и Степан Анд-
реевич знал, что поставить на место эту мокри-
цу в мужском обличье будет очень просто. Вот
поэтому-то он и сказал именно так:

— Сударь, мы только что из одного веселого
заведения к вам приехали. В одной из его спа-
лен, где, возможно, все еще лежит зарезанная
проститутка, нашли вашу одежду. Вы ведь не
отказываетесь от того, что она вам принадле-
жит? Там и пальчики остались. Мы их сейчас
с вашими соличим.

И Выжигин быстро вынул из своего служеб-
ного портфеля коробку с подушкой, пропитан-
ной густой сажой, лист бумаги и резко протя-
нул к чиновнику руку:

— Ну же, ну же! Не мешкайте! Мне нужна
ваша рука! Быстро!

Когда он вминал в черную губку пальцы на-
дворного советника, они так тряслись, что ко-
робка прыгала, как на сеансе столюверчения,
но Степан Андреевич, обладая отличной па-
мятью, которой славился еще в Пажеском кор-
пусе, сразу увидел, что рисунок кожных ли-
ний, виденный им на сапоге, совсем не похож
на полученный сейчас. Впрочем, он и не со-
мневался в том, что Арханос к убийству отно-
шения не имеет. Однако, входя во вкус рабо-
ты, Выжигин не без приятного для себя
злорадства сказал:

— Дела ваши хуже некуда, милостивый государь. Придется вам в камере участка посидеть да подумать, что ответить на вопрос: зачем было убивать публичную женщину Елену Зарызину? Извольте немедленно одеться!

Недокуренная сигара, выпав из невольной разжавшихся пальцев Арханоса, покатилась по полу. Чиновник глотал раскрытым ртом воздух, а Остапов, внезапно зауважавший своего начальника, наклонился за окурком:

— Поосторожнее с огнем, Иван Трофимович, — сказал он. — Выпрыгивали сегодня из окошка после убийства публичной девки?

— Господа... господа! — хлопал глазами Арханос. — Не причастен к человекоубийству. Господь с вами! — перекрестился он. — А вся одежда была у меня похищена в прошедшую субботу. Вся, вплоть до белья, клянусь угодниками святыми, Пречистой Богородицей.

— Всякий так на вашем месте и сказал бы, — с мрачным видом промолвил Остапов. — Ну где, скажите на милость, все платье, от форменной шинели до кальсон, украсть можно!

— Можно, можно! — лепетал Арханос. — В банях Тарасовых, что в Первой Роте, весьма можно-с!

— Ну, это если вы в пятикопеечный класс вглагозились! — насмешливо сказал Остапов. — Там банные воры среди шушеры шныряют, одежду таскают, но ведь вы-то, надворный советник, не ниже сорокакопеечного отделения себя цените. Там-то все платье на вешалку сдают и гардеробщики головой за нее отвечают. Чего врать-то?

Теперь Выжигину пришлось смотреть с уважением на своего помощника, знавшего такие нужные мелочи.

— Господа, я и не думал врать, — переходя почти на шепот и с тревогой в глазах бросая взгляд на дверь, сказал Арханос. — Я даже, простите, не в сорокакопеечном, а рублевом отделении мылся, для семейных.

— Ах, с дражайшей своей супругой изволили в баньку ходить? — широко осклабился Остапов. — Ну и как, потеряли друг другу спинки? Легкий был парок? Вот бы женушку вашу сюда к нам пригласить да и по выведасть у нее, куда же одежда ваша улетела?

Выжигин улыбнулся, начав догадываться о причинах беспокойства Арханоса.

— Тише, тише, молю вас, заклинаю! — шипел чиновник с перекошенным страхом лицом. — Ничего противозаконного я не совершил. Да, заказал банщику особ женского пола, трех, знаете ли, такой уж у меня вкус, вот он мне их и доставил. Ничего противогосударственного в моем поступке нет-с, только скандала по понятным причинам не хочу. Все состояние семьи моей — у супруги, да-с, а повод к разводу в сем интересном деле вполне бы нашелся. Тут уж Синод священный долго бы разбираться не стал — сразу бы сторону моей жены и принял бы-с.

— Хорошо, эту часть пропустите — нам до ваших семейных отношений дела нет, — холодно заметил Выжигин, с омерзением глядя на потное лицо Арханоса. — Что же с одеждой случилось?

— Вполне понятно! — с огорчением всплеснул руками надворный советник. — Одна из этих мерзких особ, куда я мылся с двумя другими, покинула мыльню, прошла в кабинет, оделась и всю мою одежду унесла. Там ведь и деньги были — четыреста двадцать пять рублей, прекрасные часы! Эх, что говорить!

Остапов насмешливо хмыкнул:

— Как же вы, господин хороший, до дому-то добирались? Или веничком прикрылись? Вам ведь и владельцу бани претензию предъявить нельзя было — не он вам тех девок навязал, сами попросили. Не в пансион же благородных девиц ему за поблядушками посылать.

— Ваша правда, господин полицейский, — согласился потерпевший от своей неумейной пылкости чиновник. — Тогда же я банным телефоном воспользовался, в Гостиный двор позвонил, в лавку, и мне все нужное припасли, в кредит-с, а уж другой вицмундир у меня дома имелся.

Выжигину уже надоело выслушивать извинительное бормотание волокиты. Главным было то, что в рапорте начальнику отделения он должен будет оправдываться сам — убийца проститутки Елены Зарызиной по горячим следам пойман не был. Хотелось есть. Хотелось спать.

— Едем в участок, — твердо сказал Выжигин, поднимаясь.

— И мне с вами ехать? — в ужасе взглянул на сыщика Арханос, а Выжигин сказал с презрением:

— А вы-с, любитель семейных бань, можете дома остаться. В вас необходимости нет.

Через несколько секунд Выжигин и Остопов уже выходили из квартиры надворного советника. Городовой уносил тюк с одеждой чиновника, которую следовало приобщить к делу, а Степан Андреевич нес в своем сердце жгучую ненависть к тому, кто был так не похож на него в своем отношении к продажным женщинам.

КАЗНЬ — НЕ УБИЙСТВО

Князь Петр Петрович Сомский, выслушав подробный рассказ Выжигина о его ночных приключениях, расхохотался. Смеялся он долго, так что Степан Андреевич даже недовольно спросил:

— Отчего же вам так весело, ваше сиятельство? Ведь человека же убили...

Сомский унял смех и, обмакивая сухарик в сливки, сосал его и говорил:

— Ах, кузен, я просто этого надворного советника представил, его святое негодование — как же-с, он по-честному с девочками рассчитаться хотел, а они его так надули. А еще я смеялся потому, что невольно вспомнил один эпизод, происшедший со мной лет шестьдесят пять назад, то ~~есть~~ в возрасте младенческом. Пришел в наш дом тогдашний министр внутренних дел Перовский Лев Александрович, граф — дружил с папенькой моим. Так вот посадил он меня на колени, крендельком каким-то угощает, а я возьми да и обмочи ему панталоны. Как он негодовал — ну просто на Арханоса банного похож был!

Выжигин улыбнулся, но спросил:

— Не понимаю, ваше сиятельство, для чего вы мне этот эпизод пересказали?

— Как же? — удивился старик. — Отдаленная связь с вашей историей, кузен, наблюдается. Ведь именно граф Перовский и был отцом домов терпимости. Вернее, они и до него процветали, да только нелегально — в тюрьму за разврат упечь могли. А граф Перовский вместе с министром юстиции тогдашним, Паниным, государю императору Николаю Палычу записку подали вскоре после того, как я графу панталоны обмочил. Писали, что наказания за промысел разврата, даже смягченные, явно противоречат духу терпимости, в которой учрежден надзор по этой части. А еще Перовский тогда говорил, что существование публичных женщин как зло, неразлучное с бытом населения больших городов, по необходимости пользуется у нас терпимостью, в известных пределах. Ну, в конце концов уговорили государя, и перестали у нас преследовать разврат, но только разврат узаконенный, то есть в домах, где врачебный надзор регулярно проводится. Нельзя же, честное слово, заражать сифилисом всех этих Арханосов, чтобы они потом шли и заражали своих жен, а те — своих любовников! Вот и появились у нас дома терпимости, в которых женщины по десятку, а то и по два десятка раз в день терпят то, что поэты называют любовью, неземным блаженством и ангельским чувством. Образованное общество вполне согласно с таким положением дел — а как же! Любая мамаша из аристократического дома будет терпеть дома терпимости и рас-

кричится, если их попытаются закрыть. Если их не будет, то распаленный страстью Арханос того и гляди за ее дочкой побежит, чтобы потребовать утolenия его обезьяньей, впрочем, вполне естественной при хорошем питании и малоподвижном образе жизни страсти. А ведь мамаша дочку свою до брака хочет чистой весталкой видеть. Так что Перовский благое дело для крепости нашей семьи содейал — помог сохранению основного кирпича общества. Да я уверен, что и вы, кузен, тоже услугами домов терпимости пользуетесь, а поэтому закрыть их не позволите никогда. А? Признайтесь по совести! Я никому не расскажу, клянусь.

Выжигин, сидевший за столом напротив князя с бокалом прекрасного шамбертена в руке, не смутился, услышав вопрос, и отвечал Сомскому даже как-то слишком серьезно:

— Я был в публичном доме один-единственный раз, когда учился в Пажеском. С тех самых пор я там не бывал... до вчерашнего дня то есть.

— Отчего же так? — искренне удивился Сомский. — Ваше молодое, красивое, сильное тело не ищет утolenия? Простите за вопрос, конечно!

— Ничего. Мое красивое и сильное тело обладает, понял я давно, одним свойством: оно противится всему... нечистому, тому, что уже было в употреблении. Ведь не поднимете же вы, князь, где-нибудь на тротуаре надкушенную булку и не сунете ее в рот?

— Как знать, как знать! — оживился Сомский, потирая руки и по-вольтеровски ехидно

улыбаясь. — Если сильно голоден буду, отчего бы и не поднять? Еще как подниму!

— А вот я не подниму! — твердо и со звонкой нотой в голосе сказал Выжигин. — Может быть, я никогда не был по-настоящему голоден, но что касается нашего вопроса, то женщина, принявшая незадолго до меня мужчину, двух, трех — такая же грязная надкушенная булка. Она для меня грязна даже не потому, что является вероятным источником болезни. Знаете, я уверен, что людская любовь — это дело двоих и вечное дело. Мы должны соединиться с кем-то раз и навсегда, и тогда только эти отношения я назову чистыми.

— Ба! Ба! Ба! — развел руками Сомский. — А вы, батюшка, идеалист еще почище какого-нибудь Шеллинга. Да где же вы такую вечную любовь видели? Такие любви только в головах существовать и могут! Так ведь в публичный-то дом не за любовью ходят, а точно в нужник — по естественной надобности, и Божий дар с яичницей смешивать совсем не надо, милый мой кузен.

Сомский хотел было продолжить, но заметил на лице Выжигина признаки нетерпения, даже негодования, а поэтому воздержался и решил перевести разговор на другую тему:

— Но поговорим лучше о вашем деле, Стив. Оно представляется мне на первый взгляд совершенно неразрешимым. Главное то, что никак нельзя представить ясно цель, мотив действия убийцы. Лично вы можете что-либо предложить по этому поводу?

Выжигин, отставив подальше бокал с вином, точно боялся нечаянно смахнуть его на пол, нахмурившись, заговорил:

— Еще вчера ночью, прямо в спальне убитой, я подумал было, что мужчина расправился с женщиной в припадке какой-то нездоровой страсти, возможно даже, не сумев овладеть ею.

— Хм, интересно, — подергал себя за бакенбард Сомский. — А зачем ему нужна была, собственно, Иоланта? Ведь он именно ее желал, так?

— Все так, — кивнул Выжигин, — но я не вижу здесь никакой странности. Представьте, этот субъект от кого-то услышал, что в таком-то публичном доме есть проститутка по имени Иоланта, обладающая какими-то... ну, не знаю, превосходными качествами. Мужчина и направился именно к ней, желая удостовериться в том, что рассказы о ней соответствуют истине. Возможно, Иоланта на самом деле оказалась какой-то необыкновенно темпераментной, это, наоборот, испугало мужчину, он не проявил в нужный момент своих достоинств — врач сегодня подтвердил мне это — и в порыве озлобления на ту, которая стала свидетелем его позора, схватил кинжал и ударил ее.

Сомский недоверчиво хмыкнул:

— Внешне ваше рассуждение логично и делает вам честь как опытному мужчине. И откуда, Стив, вы знаете о том, что переживает мужчина-неудачник? Неужто сами когда-нибудь были близки к такому аффекту?

— По-моему, это общеизвестный факт, и мою опытность или проницательность вы хвалите зря.

— Положим, зря, но я поспешу не похвалить вас за то, что вы упустили несколько важных деталей. Во-первых, вы сами сообщили мне, что то ли Биби, то ли Жульетта, товарка убитой, сказала вам, что отговаривала того мужчину идти к Иоланте — больная да ленивая в любви. Как же это соответствует вашему предположению, будто тот субъект приехал, наслушавшись о ее достоинствах?

— Ну, это не аргумент! — заулыбался Выжигин. — Проститутки, я понял, как и все, впрочем, женщины, соперницы. Биби из зависти такое могла оказать.

— Сдаюсь, положим, это так. Но для чего нужно было неизвестному, приезжая в гости к женщине, надевать чужую, краденую одежду?

— И это объяснимо: он — застенчивый мужчина, таким он и выглядел, со слов Биби и Жульетты, вот и решил приехать в публичный дом как бы инкогнито, в маскарадном костюме, купив его где-нибудь на толкучке.

Глаза Сомского сияли — он не ожидал от своего «кузена» такой способности к диалектике.

— Прекрасно, прекрасно! А кинжал-то он с собой зачем захватил, да еще и вычурный такой кинжальчик? Уж если боязлив, так купи себе карманный пистолет, получив вначале у градоначальника дозволение на покупку. А тут — стилет! От хулиганов, от грабителей он этой вещицей защищаться в случае надобности хотел?

— Да мало ли у кого-какие причуды! — махнул рукою Выжигин.

— Нет-с, сударь-с! — азартно вскричал Сомский. — Вы как сыщик не причуды человечьи, то есть нетипичные особенности, в первую очередь рассматривать должны, а вещи типичные, на которых психология поведения строится, то есть моменты, присущие нам всем по преимуществу! Только от общего отправляясь, вы к частному с успехом перейдете.

— А если преступник — помешанный! — задиристо воскликнул Выжигин. — Мало ли таких? Вот вам и разрушение всех ваших общих психологических правил. Да вы сами порассудите — мог ли нормальный человек выпрыгнуть в окно и побежать голым по ночному городу, да еще в октябре?

— Да кто же вам сказал, мой милый, что он в окно-то выпрыгнул? — снова принялся за сахар и сливки князь. — Вы что же, видели его бегущим по улице? Видели, как он в окно вылезал? Да он окно-то отворил только для того, чтобы вы подумали — ага, вот путь, которым убийца ушел, а на самом деле все иначе было...

Выжигин озадаченно потер виски пальцами:

— Простите, не понимаю вас: если не в окно, значит, по коридору и вниз? Так выходит?

— Так и выходит, — простодушно согласился Сомский.

— Голый? По коридору? Вниз?

— По коридору и вниз, но только... не голый.

— А в чем же, простите? — недоумевал Выжигин, подозревая, что князь хочет разыграть его.

— В чем? А в платье проститутки Иоланты, — посасывая сухарик, ответил Сомский.

Молчание длилось долго. Князь будто бы и вовсе позабыл о своем молодом приятеле — его занимало любимое лакомство. Наконец Выжигин молвил:

— А почему не в своей одежде?

— А вот этого я пока не знаю, но мне пока и не нужно вдаваться в объяснения того, почему преступник ушел в женском платье: главное то, что ни в каком другом он уйти не мог, если не учитывать возможность наличия у него под одеждой чиновника какого-то другого костюма, что маловероятно.

— Нет, простите, — потряс головой Выжигин, у которого в сознании будто что-то заклинило, не давая ему действовать с прежней уверенностью и ясностью, — скорее, маловероятно то, что убийца ушел в одежде проститутки! Как бы он прошел мимо швейцара, посетителей? У него ведь были усы!

— Усы могли быть фальшивыми, — спокойно отпарировал князь. — Да вы, кузен, напрасно так разволновались. В прихожей — телефон, под ним — телефонная книга. Вы знаете фамилию хозяйки дома, знаете адрес. Позвоните сейчас же в заведение, позовите к телефону горничную да и спросите у нее — пропадала ли вчера одежда Иоланты? Уверен, она должна знать обо всех нарядах женщины. Узнаете — а потом мы будем дальше думать.

Выжигин тотчас пошел к телефону. В телефонной книге фамилия Афендик так и значи-

лась по адресу, где находился публичный дом — на Екатеринославской. Имелся и номер телефона, поэтому Выжигин, нервничая, схватил трубку, трижды крутанул рычаг.

— Барышня, десять сорок четыре, пожалуйста.

— Соединяю, — раздался милый голосок телефонистки.

Выжигин положил трубку на рычаг, а когда дребезжащий звонок возвестил ему о том, что вызов принят, снова снял трубку.

— Афендик слушает, — раздалось на том конца провода по-немецки вежливое и полное достоинства.

— Сыскная полиция на проводе, — чужим деревянным голосом сообщил Выжигин, у которого в памяти всплыла фигура владельницы дома, — полицейский надзиратель Выжигин по делу об убийстве Елены Зарызиной.

— Да, я слушаю вас очень внимательно, — исчезло достоинство, а появилась одна лишь угодливость.

— Сударыня, пригласите к аппарату горничную Дашу. Она нужна для дачи свидетельских показаний, — потребовал Степан Андреевич тем самым тоном, каким говорил в полку с унтерами.

— Да, господин Выжигин, вам нужно будет лишь подождать не больше полминуты, — прощebetала хозяйка борделя, и уж какими силами доставили к телефону Дашу, но ее перепуганный голос Выжигин на самом деле услышал не позднее чем через полминуты.

— Да, ага, ага. — услышал он голос забитой полуидiotки и, стараясь говорить как можно мягче и добрее, оказал:

— Даша, мне нужно знать, припомни: не пропало ли чего из вещей убитой Иоланты? Ты ведь знала ее гардероб.

Вначале в трубке раздавались лишь шуршание и треск. Даша как будто то ли вспоминала, то ли соображала: стоит ли говорить. Потом слышалось:

— Нет, господин полицейский, ничего не пропало, я бы знала, ага, да, да.

Выжигин скорее был обрадован, чем огорчен этим сообщением, — отметалась фантастическая версия князя, но он все же спросил:

— Ты не забыла? Может быть, тебе сходить в ее комнату и еще раз проверить? Платье, обувь, белье...

— Нет, нет, я знаю, — проговорила Даша солдатски четко, что-то не понравилось Выжигину в этом механическом ответе.

— Ладно, больше опрашивать не буду, но если вспомнишь, позвони в участок на Глазовскую, тридцать шесть. Телефон простой, две цифры — шестьдесят четыре. Хорошо?

— Ага, да, да, — раздался ответ горничной, и в трубке послышался звук противного, как нытье комара, зуммера.

Выжигин вернулся в гостиную к князю:

— Дорогой Петр Петрович, я рад вам сообщить, что вы ошиблись — горничная отрицает пропажу вещей Иоланты.

Но Сомский выслушал сообщение Выжигина с полным равнодушием. Он, понял Степан Анд-

реевич, был занят сейчас обдумыванием какой-то новой идеи. Наконец Сомский заговорил:

— Вся эта одежда — пустяки сущие. Главное — другое. Знайте, кузен, что это было не убийство, а казнь.

Выжигин весело пожал плечами:

— Не вижу разницы. Человек, поднявший руку на другого человека, убивший его, совершил убийство. Все понятно.

— Нет-с, молодой человек, ничего вам покамест непонятно, — внушительно сказал князь и, сняв со стола одну из лежащих газет, развернул и без дополнительных пояснений стал читать: — «Вчера в окрестностях Киева группа из шести человек ограбила дилижанс с пассажирами. Крестьяне ближайшего села, узнав о грабеже, устроили пешую погоню за грабителями, а те, встретив двух пахавших крестьян, пристрелили их и захватили лошадей. Впоследствии к крестьянам присоединились стражники и отряд казаков, высланный из Киева. Возникло форменное сражение с непрерывной стрельбой, продолжавшейся целый день. Во время перестрелки с грабителями убиты шесть крестьян и один казак, несколько крестьян и казаков ранено. Озлобленные крестьяне, настигнув разновременно трех грабителей, зверски растерзали их. Один из грабителей, раненный казаками, обратился к своим товарищам с просьбой пристрелить его. Три пуля в голову он был пристрелен».

Сомский, продолжая держать газету в руках, внимательно посмотрел на Выжигина и спросил:

— Озлобленные крестьяне убили или казнили бандитов, виновных в смерти своих товарищей? — Степан Андреевич промолчал, а князь сказал: — Крестьяне не просто были озлоблены. Они не были уверены в том, что правосудие вынесет убийцам — бандиты — натуральные убийцы! — справедливый приговор, то есть воздаст им тем же, что и они. Они боялись, что весы правды не будут уравновешены, ведь чувство талиона, то есть воздаяние обидчику сходной его преступлению мерой, живет во всех нас с древнейших времен. Но читаете ли вы газеты, мой милый кузен? — живо спросил Сомский.

— В основном «Санкт-Петербургские ведомости», — отчего-то покраснел Выжигин.

— Мало! Очень мало! Читайте больше! Хотя бы ту же «Речь», печатный орган кадетов, откуда я вам зачитал это сообщение. Тут и там, что любопытно, попадают сообщения о применении казни не к бунтовщикам-революционерам, как это было во время революции, когда действовали военно-полевые суды, а, например, к бандитам-экспроприаторам. Вот вам пожалуйста, в той же «Речи»! — И Сомский снова взялся за газету: — «В военно-окружном суде окончилось дело о шайке экспроприаторов. Всех подсудимых пятнадцать, из них девять мужчин и шесть женщин. Приговором суда пять подсудимых приговорены к смертной казни». Но, может быть, вы скажете, что революционеров судили? Тогда вот вам другое сообщение: — «Командующим войсками московского военного округа подтвержден

приговор военно-окружного суда по делу студента Любимова, обвинявшегося в убийстве вдовы профессора Расцветовой и приговоренного к смертной казни». Есть и еще сообщения.

— Простите, князь, — несколько раздраженно сказал Выжигин, — я что-то не слишком понимаю, к чему вы клоните...

— Поясню, — без всегдашней полуехидной улыбки сказал Сомский. — Императрица Елизавета за уголовные преступления казнь у нас в Рассеюшке отменила. Страшных изуверов, даже деток малых, люто, бесчеловечно резавших-терзавших, кнутом похлещут да и на какому-нибудь отпавят. Правило талиона, старинное и священное, царственной ручкой отменено было. А в Англии не то — там за почти семь тысяч видов правонарушений, почти невинных иногда — кража писем, например, или порубка чужого леса, смертная казнь полагалась. Англичанин талионом сверх меры наелся, да и народ там через устрашение послушней стал — не только поэтому, конечно. И получили мы на теперешний день то, о чем я с вами, кузен, вчера говорил. В тысячу раз у нас люди чаще убивают один другого, чем в Англии.

— И все же, простите, не могу постигнуть, к чему вы клоните, — пожал плечами Выжигин.

— Поймете, сейчас к самому главному подхожу. — Снова заиграл Вольтер в уголках тонких губ Сомского. — Так вот, соскучился у нас народ по казни — не по убийству, заметьте, а по казни, которая от идеи идет. Убийство на эмоции замешано чаще всего, а эмоция — дымок. Сейчас она есть в тебе — и ты бьешь, режешь,

а через минуту уже о содеянном горюешь. Тот же, кто на казнь собрался, от идеи идет, а идеи чаще всего и топором из головы не вырубишь — только голову срубить надо, чтобы идея исчезла. Да и исчезла ли она, если уже в голове другого человека обитает? И я, кузен, самыми последними клетками мозга и сердца ощущаю: мы живем во время идеи казни, и время это страшное, затяжное, и все эти приговоры к казни, о которых я вам читал, не случайны. Мысль казнить повсюду разлита.

Сомский замолчал и снова опустил сухарик в сливки, а Выжигин, которому отчего-то стало жутко, не по себе от слов князя, тихо спросил:

— И в моем деле тоже казнь?

— Абсолютно уверен! — энергично кивнул князь. — То есть никакая там не обида на собственное бессилие, не случайная вспышка гнева, а действия по заранее обдуманному плану, исполнение приговора, вынесенного тайным судом. А что касается открытых окон, оброненных подвязок и испанских кинжалов — ваша забота, мой друг.

Уже было девять часов вечера, и Выжигин вспомнил, что он еще должен заехать в свое отделение, чтобы взглянуть на пластинки со снимками отпечатков пальцев, оставленных на сапоге, а поэтому поднялся.

— Вы уже уходите, голубчик? — мелькнули досада и просьба в обесцвеченных старостью глазах князя.

— Простите, требует служба, — кивнул Выжигин коротко, точно отрезая этим решитель-

ным жестом все просьбы князя побыть еще в его гостиной.

— Жаль, жаль. Вы вливаете в старые мехи моих чувств вино вашей молодости, и оно оживляет меня, поверьте. Приходите почаще. — Князь запнулся или только сделал вид, а потом спросил, вставая и беря Выжигина за пуговицу его шевиотового пиджака: — Если можете, ответьте прямо — вам ту убитую проститутку жаль?

— Совсем не жаль, — немедля ответил Степан Андреевич. — Только это никак не повлияет на мою работу. Я хочу найти убийцу... или судью и палача в одном лице, если вам угодно. Я не люблю насилия.

И, поклонившись, Выжигин вышел из гостиной.

ПОДВЕШЕННАЯ

— Ах, какая удача, Выжигин, что вы приехали! — даже вскочил с места и выбежал из-за своего рабочего стола начальник отделения, увидев входящего Выжигина.

Степан Андреевич, с детства привыкший к служебной субординации, не мог между тем не выказывать своему непосредственному начальнику мелких, едва заметных знаков непочета. Он, старинный дворянин и недавний гвардейский офицер, помнил, что его начальник в прошлом был околоточным надзирателем, и чувство рода, крови проявлялось в легкой небрежности в обращении с ним. Начальник, понимал Выжигин, замечает это, но прощает ему, и это обстоятельство еще более заставляло Степана Андреевича презирать того, кто сейчас с такой прытью бросился к нему.

— Да отчего же вы так рады? — слегка в сторону, как бы отстраняясь от напора чувств начальника, спросил Выжигин.

— Степан Андреич, уважаемый, всего минут пятнадцать назад звонили из третьего участка Нарвской части, что на Обводном. Они уж знают, что у нас дело об убитой проститутке завертелось.

— И что же?

— Да вот что, — немного виновато сказал начальник. — Просят вас приехать — в публичном доме на Курляндской двадцать четыре то ли убийство, то ли самоубийство, да и обстоятельства, знаете ли, игривые-с. В спальне, где погибла проститутка, снова одежду посетителя нашли, а его и след простыл. Просто мистика какая-то! Магнетическими силами, что ль, выносит этих любителей продажных ласк, извините за слог! Не откажетесь поехать да поразведать? Я, конечно, понимаю, что вы и прошлую ночь не спали, но, догадываюсь, детали дела таковы, что и вас, как начавшего прошлое дело, заинтересуют. Шайка их, убийц продажных девок, появилась в Петербурге? Сумасшедший ли? Ну, принуждать не буду — могу послать другого. А Остапов, Вукол Кузьмич и фотограф уже едут сюда.

Когда Выжигин услышал о новом убийстве или самоубийстве проститутки, совершенном снова же при странных обстоятельствах, в памяти тут же возникли слова князя Сомского о казни. «Если казнь, — внезапно подумалось Выжигину, — то и убийства нет, все справедливо и, значит, зачем же ехать?» Он вступал в сыскную службу, совершенно не думая о том, что станет работать на благо закона, порядка, справедливости. Отчасти нечем было заняться, отчасти манила загадочная, скрытая, непонятная для многих жизнь сыщиков. Ненавидя убийства людей, Выжигин между тем был заядлым охотником, и сейчас, когда можно было отказаться, в нем охотник перевесил судью и моралиста. Поэтому, поразмышляв минуту, он сказал:

— Я еду.

...На двух извозчиках уже в начале двенадцатого Выжигин с Остаповым и врач с фотографом отъехали от полицейского участка и скоро оказались на Обводном канале, то есть на окраине Питера, где пахло нищетой, забвением, черным пьянством, пахло плохо вычищенными выгребными ямами, заводами и заводиками, растянувшимися по непокрытой камнем набережной, понурыми земляными откосами спускающейся к воде, смолянистой сейчас, густой от стоков, от сброса в воду в этих местах содержимого канализационных резервуаров. Все в этот час было здесь, на слабо освещенной редко стоящими газовыми фонарями набережной, неуютно, холодно и жалко. Только черный шатер колокольни недавно воздвигнутого храма Воскресения Христова сулил слабую надежду на то, что вонь этого грязного канала и нищета здешних трущоб будет поправлена когда-нибудь, может быть, очень не скоро, красотой и правдой. И Катя, Катенька, Катеринка, восемнадцатилетняя студентка курсов Раева, дочка родителей очень не бедных, путешествовавшая с папá и мамá по Европе и любившая Выжигина, как утверждала она, от кончика носа до кончиков пальцев на ногах, явилась Степану Андреевичу сейчас ярким пятном на фоне грязно-бурого питерского неба, чтобы еще раз напомнить о своем возвращении через пару дней. И Выжигин дрожащими пальцами проник в потайной карман своего пальто, чтобы в который раз ощупать бумагу, хранившую драгоценные для него

письмена — последнее послание Катерины Урюпиной.

— Черт, да чем здесь так воняет? — закрывая ладонью нос, едва преодолевая отвращение, спросил Выжигин у сидевшего рядом Остапова, когда пролетки свернули с набережной Обводного на Старопетергофский, чтобы через пару сотен метров свернуть еще раз, на Курляндскую.

— А костяной завод, Степан Андреич, — сообщил всезнающий городской, ничуть не смущаясь на самом деле отвратительным, въедливым запахом. — Недалече отсюда кости варят, клей производят. Да и место здесь, скажу вам, темное — неужто ни разу не бывали тут?

— Нет, как же, приходилось, когда в лагеря красносельские проходили, — прижимая платок к носу, говорил Выжигин.

— А придется-то поближе познакомиться с этим участком — хотя, право, не знаю даже, для чего вы и согласились, ей-богу. Пусть бы Нарвская часть за свои проделки и отвечала б. Место, честно говоря, нехорошее. Порт торговый близко, а моряки, известно, народ шалый, беспокойный. Им бы только до берега доплыть, а там — разгуляй-трава. Главное, по бабам соскучились сильно, а поэтому здесь бардаков этих понастроено-понаделано множество невиданное, да и грязные по большей части бардаки-то эти, ибо морской душе все равно, на ком душу отвести!

И помощник Выжигина, будто он и был этой разгульной морской душой, пробил чечетку ладонями на своих коленях.

По узкой, уложенной грубой булыгой улице бродили люди. Группами, в одиночку, в свете газовых фонарей они казались Выжигину загробными тенями. Спотыкаясь, падая, снова поднимаясь, они шатались здесь бессмысленно, точно ими правила какая-то внешняя, не известная никому сила.

Кое-кто из бродяг, кто был поретивей и потрезвей, бросался к двум проезжающим по улице коляскам, хватал лошадей под уздцы, страшно матерился, требовал какого-то отступного за въезд на их землю. Возницы охаживали смельчаков плетью, а Выжигин с Остаповым держали револьверы наготове, но доехать до нумера двадцать шестого им все же удалось благополучно. Два ярко горящих красных фонаря указывали на то, что прибыли они туда, куда хотели.

У входа в публичный дом, в густых сумерках перемешиваясь с тенями, возникавшими на красной от света фонарей стене, гомонила толпа. Были слышны крики распаленных злобой людей, визгливо кричали женщины, вдруг громко хлопнули два выстрела, и огненные вспышки вырвались из стволов револьверов. Выжигину показалось даже, что мелькнула и сразу же исчезла пашка городского.

— А ну, сволота поганая, расходишь сейчас же! — услышал Выжигин чей-то надсадный хриплый крик. — Сейчас по вам стрелять буду! Прочь от дверей!

Ответом явилась чья-то злая матерная брань, и выстрел, потом другой прогремели опять. Выжигин и Остапов с оружием нагото-

ве соскочили с пролеток, пошли в сторону копошащейся рядом со входом в публичный дом толпы. Степан Андреевич впервые после неспокойных лет революции ощутил в сердце жгучий холодок опасности, приятно щекотавший нервы. Голосом командира, уверенным и звонким, прокричал, подходя к толпе:

— Чего надо, а?! Пулю в башку захотели?!

Дважды выстрелил в воздух, ударил рукояткой револьвера по затылку какого-то плечистого удалца, замахнувшегося было на испуганного городского. Заметил, что и Остапов смело расчищает себе дорогу, пользуясь кастетом, надевшим на левую руку — в правой держал револьвер. С бранью, с криками угрозы, ярости толпа между тем рассыпалась, и Выжигин со своим помощником прорвались в вестибюль заведения.

— Что за порядки тут у вас? — грозно спросил Остапов у городских, стаскивая с пальцев тяжелый рубчатый кастет. — С мазурьем этим, со сволочью сами справиться не могли?

Один из городских, усатый мужик, поправляя шапку с бляхой, на которой был выбит его личный номер, виновато и испуганно моргая глазами, заговорил, догадавшись по уверенному тону Остапова, что приехало начальство:

— Ваше благородие, сущий бунт случился! Прибежали ко мне на пост — я здесь, на Старапетергофском, стою — из бардака энтого! Говорят, иди помогай — девки взбесились! Все ломают, посетителей бить стали, чуть ли не за ножи схватились! Ну, я первым делом

с соседнего поста городского свистком позвал, бежим сюда, а тута — ад крошечный!

— Да что за ад? — с неприязнью спросил Выжигин, который слышал истошные крики женщин, доносившиеся из-за полуоткрытой двери, ведущей в зал заведения.

— А бабы эти срамные, — яростно двигая усами, говорил городской, — вдруг взбесились! Посетителей едва ль не смертным боем бить стали, из дома выгонять! Иных — в чем мать родила! А тут еще всякая шушера бродячая сбежалась, в дом полезли — антиресо на скандал поглядеть! В общем, в чем тут дело, не ведаем, а меры к устранению беспорядков мы с Ковальчуком приняли. Баб поутихомирили кулаками, лишних прогнали, так что инструкцию выполнили по всем пунктам. Заметку не сделаете в книжке?

Выжигин знал, что у каждого городского имелась особая книжка, чтобы начальственные должностные лица, обходя посты, делали в ней свои отметки, и такую вот книжку городской уже протягивал ему, достав из кармана шинели.

— Некогда, братец. Потом позвоню твоему начальству, скажу, чтобы благодарностью отметили тебя да и Ковальчука твоего. Сейчас делом заняться надо.

Выжигин, а следом за ним и Остапов прошли в зал плохонького, дешевого заведения. Следы погрома тут же бросились в глаза — мебель, столы и стулья, перевернуты, шторы с окон сдернуты, пол полит чем-то красным — то ли вином, то ли кровью. В углу, кряхтя и держась

за окровавленную голову, сидел какой-то мужчина. По залу мотались без дела шесть-семь женщин. Одни были обряжены в короткие ночные рубашки, другие — в юбках, но с обнаженной грудью, а одна женщина была полностью раздета. Именно она, завидев вошедших мужчин, накинулась на них с руганью:

— Ну давайте, касатики золотые, возьмите нас, если можете! Вот уж я вам х... ваши поотрываю! Будет с вас — поизмывались! Мало вам, гады вонючие, что вы нам бутылки в нужное место пихаете, соски папиросами прижигаете, так теперь еще и убивать нас стали? Нет, кончилось ваше время кобелиное — теперь мы, коли захочим, будем вас выбирать, как вы нас когда-то выбирали!

И женщина, подбежав к Выжигину, вначале плюнула в него, потом попыталась вцепиться в лицо ногтями, и только быстрая реакция Степана Андреевича, перехватившего руку проститутки, спасла его лицо от царапин.

— Голубушка, — сказал он, попятившись, — мы не посетители вашего заведения, но чины сыскальной полиции. Я знаю, что у вас случилось что-то, вот мы и приехали к вам, чтобы во всем разобраться. За что же так ненавидеть нас?

— Да, случилось! — с перекошенным от злости лицом кричала женщина. — То же случилось, что вчера на Екатеринославской! Час, видно, судный для нас настал! Но не хотим мы этого часа! Жить мы хотим! Поняли вы, кобели бесстыжие?!

— Я все понял, сударыня, — пересиливая отвращение к этой жалкой женщине, мягко ска-

зал Степан Андреевич, удивляясь между тем тому, с какой скоростью сообщение о смерти Иоланты достигло этого дома. — Не подскажите ли нам, где найти хозяйку или экономку?

— Там они, наверху, обе эти суки паршивые заперлись! — показала женщина на второй этаж. — Не закрылись бы, так переломали бы им ребра! Наверх идите, в конце коридора налево ихняя комната будет.

Выжигин направился было к лестнице, но вдруг неведомо откуда взявшееся чувство жалости к этой изувеченной жизнью женщине заставило его сказать негромко:

— А вы бы оделись, сударыня. Женщина же...

Проститутка хотела было ответить Выжигину чем-то злым и обидным, но губы ее вдруг дрогнули, в глазах появилась тень вины и стыда, женщина хмыкнула и, прикрывая грудь рукою, двинулась к своим товаркам, бормоча что-то на ходу.

Когда поднимались наверх, Остапов с насмешливой укоризной сказал:

— Уж как вы вежливо, по-барски с этой тварью продажной разговаривали, Степан Андреевич! Жестче бы надо!

Выжигин, не поворачивая головы в сторону Остапова, сам дивясь тому, что проявил такую терпимость и мягкость к отвратительному существу, холодно сказал:

— Для нужды следствия, Остапов, не более того. Впрочем, прошу вас, не называйте при мне этих несчастных тварями и прочее. Договорились?

— Пожалуйста, как вам угодно будет, — пробормотал Остапов, презиравший в глубине души своего начальника за непозволительную мягкотелость и недоумие.

— Сударыня, отворите, — постучал Выжигин в дверь, где, по его расчетам, должна была прятаться испугавшаяся мятежа владетельница публичного дома. И вот как раз здесь, произнеся слово «сударыня», Выжигину стало стыдно — именно с торговкой живым товаром нужно было говорить как можно более жестко. — Сыскная полиция!

Дверь открылась, и на пороге комнаты Выжигин увидел полную даму, одутловатое, с большими мешками под глазами лицо которой казалось воплощенным пороком — похоть, жадность, лицемерие, жестокость перемешались в глубоких складках этого жирного, лоснящегося сытостью и страхом лица. Выжигин показал удостоверение.

— Так что у вас случилось, мадам? — стараясь говорить как можно более твердо и требовательно, спросил он.

«Мадам» вначале выглянула в коридор, прислушиваясь к громкому пьяному хохоту, долетавшему из спален. Публичные женщины, празднуя свою победу над мужчинами и начальством борделя, самыми ненавидимыми существами, набрав в буфете вина, гуляли, чтобы завтра со склоненными головами встать перед безжалостной бандершей, потому что идти им было некуда — только на панель, но панельных проституток они презирали сильнее, чем мужчин и хозяйку дома.

— Не волнуйтесь, мадам, все спокойно, — заверил Выжигин хозяйку, которая вдруг расплакалась, став еще гаже и отвратительней.

— Это какой-то кошмар, светопреставление, господин полицейский! — утиралась она кружевным платочком. — Вначале я услышала чей-то визг, потом закричали сразу десять, а может быть, и больше девок! Я выглянула в коридор, вижу, как они бьют и гонят мужчин, посетителей! Кричали: «Всех вас перебьем!» И еще так скверно ругались! Я с экономкой, Эммой Францевной, закрылась в этой комнате, и вот так сидим мы с ней больше часа. Слава Богу, теперь стало поспокойней! Но кошмар какой! Какой скандал! Теперь в мой дом никто не будет ходить! Какие убытки я понесу!

И женщина снова стала плакать, лицо сделалось похожим на шляпку большого пересидевшего, изъеденного червем гриба.

— Так вы толком мне можете сказать, что послужило причиной внезапного бунта ваших женщин?

— Ах, не знаю, не знаю! Наверное, они перепились! Правда, я слышала, как они кричали: «Не будут нас больше убивать! Сами всех убьем!»

— Вот как? Да кто же рассказать сможет о том, кого убили, где, когда? Ведь звонили же в участок по телефону. Не вы ли звонили?

— Нет, я никому не звонила, упаси Боже! Зачем мне нужен такой громкий скандал? Чтобы в мое заведение перестали ходить и я бы лишилась доходов? У меня нет иного занятия, я доставляю удовольствие мужчинам и больше

ничего не умею делать! — Женщина снова было захотела разрыдаться, но Выжигин строго ей сказал:

— Пойдемте-ка со мною, любезная! Вы тут начальница, так и извольте распорядиться: пусть кто-нибудь даст свидетельские показания, или я сейчас же уеду прочь, а завтра утром ваше заведение закроют, возможно, навсегда!

— Ой, не надо меня закрывать! — взвизгнула хозяйка борделя. — Что я буду кушать? Или мне на панель идти? Но я старая и никому не нужна! Пойдемте, пойдемте, мы все сейчас узнаем, господин полицейский! Только у вас есть с собой револьвер? Эти стервы перепились! Они ненавидят меня!

Выжигин, нащупав в кармане пальто рукоять револьвера, пошел в сопровождении пыхтящей, переваливающийся с боку на бок, как утка, женщины в сторону спальни, откуда слышались пьяные голоса.

— Ой, только вы сами откройте! — попросила дрожавшая тройным подбородком хозяйка, и Выжигин не без робости отворил дверь.

В комнате, на широкой кровати, рядом с ней на полу, на стульях, лежали, сидели в разных позах проститутки. Полуголые, а то и совсем обнаженные, разом повернулись в сторону появившегося на пороге мужчины, и Выжигин заметил жадную радость на лицах одних и жгучую ненависть на физиономиях других. Зная, что сейчас поднимется крик и визг, он, желая предупредить ненужную ему реакцию, громко и грозно сказал, вынимая револьвер и держа его стволом вверх:

— Без паники и шума! Сыскная полиция! Остаться всем на местах!

Женщин, как видно, заворожил этот грозный окрик — не раздалось ни одного вопля, только одна девица по заведенной в публичных домах манере обращения к посетителям негромко и томно проговорила:

— Симпатный какой сыщикек...

Выжигин, понимая, что выглядит с револьвером в руке в обществе полуголых женщин более чем смешно, спрятал оружие и, преодолевая сильное смущение, сказал:

— Барышни, мне нужно знать, что у вас случилось? Нас вызвали, сказав, что в вашем заведении кто-то был убит или убил себя сам. Так ли это?

Женщины переглянулись. Надевая на голый торс кофту, но не застегивая ее, заговорила одна из проституток, на вид самая старшая из всех, с большим синяком под глазом, неумело замазанным белилами.

— Пойдем, сыщик, — оказала она хриплым, прокуренным голосом, — покажу тебе подружку нашу. Из-за ее весь сыр-бор и разгорелся.

Женщины, как видно, стесняясь полицейских, лениво стали одеваться, а женщина с синяком прошла мимо посторонившегося Выжигина в коридор и направилась в другой его конец. Выжигин, Остапов, подоспевшие уже врач и фотограф, несший на плече аппарат, последовали за ней. Остановившись у одной из дверей, она сказала Степану Андреевичу:

— Ну, сам открывай, сыщик легавый. Вашим братом это сделано, сам и открывай.

Когда Выжигин вошел в освещенную тускло горевшей керосиновой лампой комнату с обычной для всех спален кроватью, убогим комодом, платяным шкафом и картинками на стенах, то вначале не увидел ничего, кроме предметов обстановки.

— Так... что здесь? — повернулся он к женщине, смотревшей куда-то в дальний угол комнаты.

— Что? А ты лампу-то возьми да подойди — увидишь! — криво ухмыльнулась проститутка.

Выжигин снял со стола лампу, вывернул фитиль — стало светлее. Держа лампу повыше, стал осматривать помещение, и тут увидел фигуру женщины, похожей на тряпичную огромную куклу, которую кто-то подвесил после мытья на просушку. Степан Андреевич приблизился к ней. Склонив на грудь голову, женщина в короткой ночной рубахе висела на крюке между окном и изголовьем кровати. Ее шею охватывало толстое полотенце, а веревки на фоне стены почти и не было видно. Руки ее, безвольно опущенные вдоль туловища, казались какими-то непомерно длинными и ненужными на этом мертвом теле.

— Самоубийца, — услышал он какие-то очень равнодушные слова Остапова, оказавшегося рядом.

— Вы думаете? — повернулся к нему Выжигин с вопросом, тотчас показавшимся ему праздным.

— А как еще? — пожал плечами Остапов. — Намытарилась здесь, вот и решила свободу получить, увольнительную то есть. Сейчас сни-

мать прикажете или Викентию Ильичу велите фото сделать?

— Конечно, вначале снимок, — стал деловитым Выжигин. — Викентий Ильич, пожалуйста, начинайте. Один общий план, а потом голову в отдельности.

— Слушаюсь. — Стал расставлять треногу исполнительный фотограф, и скоро ослепительные вспышки магния осветили жилище проститутки, и Выжигин успел ухватить при этом несколько деталей.

Во-первых, веревка была привязана к крюку на высоте примерно в сажень с набольшим. Для чего был вбит здесь этот крюк, Выжигин не знал. Возможно, подумал, на нем висела какая-то картина. Еще увидел он стул, на который не могла не встать самоубийца, чтобы привязать веревку. Потом успел разглядеть Степан Андреевич ворох какой-то одежды на другом стуле. К нему-то он и направился, уже догадываясь о том, что найдет на этом стуле, и давая Остапову команду:

— Распорядитесь еще пару ламп сюда доставить — темно же!

Скоро спальня уже была освещена настолько, что можно было рассмотреть предметы мужской одежды. В такой одежде любили ходить русские негоцианты еще и сто лет назад. Длинный сюртук синего сукна, плюшевую жилетку, широкие штаны, высокие «в гармошку» сапоги, начищенные восковой ваксой. Выжигин где-то слышал, что состоянию сапог купцы придавали особое значение и никому, кроме сына, не доверяли их чистку, что было

своего рода обрядом у мальчика и почетной обязанностью.

«Здесь мы тоже отпечатки пальцев поищем», — подумал про себя Выжигин, но, как ни крутил он сапоги перед светом лампы, как ни смотрел на кожу через лупу, обнаружить отпечатки не удалось, а в голове уже сновала назойливая, как приставшая муха, мысль: «Ну, положим, вчера какой-то сумасшедший на самом деле девицу зарезал да и убежал неведомо куда, ну а сегодня-то? Ведь чистое самоубийство. Кто же был здесь? Ряженный какой-то? Оборотень? Черт?»

Тело женщины между тем уже лежало на кровати, и Вукол Кузьмич внимательно осматривал его, предварительно сняв веревку и полотенце.

— А полотенцем-то она зачем шею обмотала, господин доктор? — спросил Выжигин.

Старичок с оттенком осуждения посмотрел на Выжигина, точно он задал какой-то неделикатный, неуместный вопрос.

— Ну как же! — мягко проговорил он. — Хоть и собралась помереть добровольно, так ведь от излишнего страдания кому ж не хочется уйти? Часто так делают, чтобы помягче было.

— Выходит, и сомнений быть не может, что самоубийство это, а не убийство?

Доктор уклончиво покачал головой:

— А это вам, господин сыщик, виднее должно быть. Бывает всякое; и задушат, а потом подвесят, но здесь я следов удушения, например, руками не нахожу, да и подушкой ее вряд ли

задушили. Осмотрел я подушки. Если б воспользовались ими при удушении, слюна бы непременно осталась, следы зубов. Так ведь нет ничего. Скорее всего, сама...

Вдруг взгляд Выжигина упал на второй стул. Стоял он неподалеку от висевшей женщины, вершках в пяти от ее ног — это Степан Андреевич хорошо запомнил. Было понятно, что именно на этот стул взбиралась самоубийца, но вот только как могло случиться, что стул этот не упал, когда женщина оттолкнула его от себя?

— Да, Остапов, поторопились вы снять тело, — недовольным тоном сказал Выжигин.

— Это почему же? — насторожился помощник.

— Да хотелось мне посмотреть, примерить, как женщина умудрилась не уронить его, когда повисла в петле-то...

— А всякое бывает, — равнодушно заметил Остапов. — Мог покачаться-покачаться стульчик, да и не упасть.

Выжигин стоял рядом со стулом, смотрел то на него, то на крюк, на котором еще висела обрезанная веревка. Взглянул на покойницу — ростом невелика, а крюк-то высоко. Встал на стул, попытался дотянуться до крюка. Привязать веревку к крюку он бы смог, но и то потрудиться бы пришлось, а тут — женщина. Да и веревка показалась Выжигину не то чтобы странной, а какой-то неподходящей для заведения — толстая, грубая. Кажется, именно такими веревками пользовались палачи.

Он вышел в коридор. Проститутка, приведшая полицейских сюда, стояла рядом с хозяйкой и еще какой-то женщиной, наверное экономкой. Кофта на груди уже была застегнута, как видно, по приказанию владелицы заведения. Неподалеку молча толпились другие обитательницы дома, понуро курили.

— Я вас попрошу зайти, — сказал Выжигин проститутке с синяком и, когда женщина очутилась в спальне и заворуженно уставилась на свою мертвую товарку, спросил: — Это вы обнаружили мертвую?

— Я.

— Прекрасно, — кивнул Выжигин. — А что подтолкнуло вас к тому, чтобы заглянуть в ее спальню? Разве у вас положено наведываться в гости во время... работы? Вдруг у нее посетитель?

— А правило у нас такое в доме: посетителя имеешь, дверь на крючок закрой, — мрачно сообщила женщина, продолжая всматриваться в посиневшее лицо удушенной. — Я проходила мимо, смотрю — дверь приоткрыта, ну и заглянула. Дружили мы с Катюхой... — Выжигин так и вздрогнул, услышав имя женщины, лежавшей сейчас на кровати. — Ну вот, заглянула — да как закричу! Сразу поняла я, что ее убили, посетитель убил, удавил да и повесил.

— Откуда же вам может быть известно наверняка, что убил? Разве Катерина не могла повеситься сама?

— Знали бы вы ее! — хмыкнула женщина. — Она умницей была, спокойной, ласковой и жить хотела долго. Говорила, что скоро уйдет

из дома, работу какую-нибудь подыщет. Из благородных она была, только померли у нее родители да и бедными-пребедными были, хоть и дворяне.

Эта деталь показалась Выжигину малопримечательной. Ему так и не терпелось спросить:

— Скажите, а что-нибудь из мебели вы в этой комнате не передвигали? Стул, например. Ну, случайно хотя бы, нечаянно.

Презрение исказило губы женщины:

— А зачем мне это делать, мент*? Я только с порога на Катюху посмотрела, сразу все поняла, потому что и одежду ее посетителя увидела, да и кинулась по коридору. Стучала в каждую спальню, кричала: «Катерину еёный кобель ухайдокал! Как и ту убил, с Екатеринославской!» Ну тут как начался шурум-бурум!

— Откуда же узнали о смерти проститутки на Екатеринославской?

— Э-э, сыщик — у нас, проституток, свой телеграф есть! Быстро узнали, уже утром. И про одежду, тем кобелем снятую, тоже узнали. Вот и поняла сразу, что убийство, а не сама она. Говорю же, — вдруг перешел голос женщины на резкий, пронзительный визг, — не хотела она помирать!

— А вы посетителя Катерины видели?

— Нет, не видала. Я тогда с посетителем занималась своим — часа два он меня ворочал.

— Кто же мог видеть его?

— Швейцар, наверное, Гаврила. Он ведь там внизу все время трется — каждого видит.

* Да, представьте себе, — полицейских называли ментами уже в то время (примеч. авт.).

Выжигин отпустил женщину, подошел к Остапову, внимательно изучавшего уже снятую с шеи петлю.

— Смотрите-ка, Степан Андреич, а узелок-то мудреный, мастерски завязан узелок. Могла ли девка сама такой навязать?

В самом деле, Выжигин, присмотревшись к узлу на толстой веревке, увидел, что он имеет какую-то сложную, в то же время правильную форму. Степан Андреевич попытался представить себя в состоянии возбуждения, когда вдруг почему-то захотелось расстаться с жизнью при помощи петли, но увидеть самого себя сидящим за вязкой сложного узла не сумел — поскорей бы схватил какой-нибудь шнурок, наскоро связал бы узел и...

— Веревку запакуйте, разыщите горничную и спросите у нее, не пропадало ли что из гардероба покойницы. Только пусть тщательно посмотрит, а я пойду пройдуся...

Вышел Выжигин из спальни для того, чтобы разыскать швейцара Гаврилу. Спрашивал о нем у попадавшихся навстречу проституток, но они мотали головами — на знаем, дескать. «Спрятался куда-то, когда бунт начался, — подумал Выжигин. — Ведь и его, как представителя “племени кобелиного”, могли избить под горячую руку». Спустился вниз и тут увидел сидящего у входа мужика, лысой головой и чисто выбритым лицом напоминавшего скопца. «А может быть, он и есть скопец? — усмехнулся про себя Выжигин. — Как евнух при султанском гареме здесь живет, зато никакие страсти его уж не волнуют».

— Не ты ли Гаврилой будешь? — встал над скопцом Выжигин.

— Ну, я Гаврила, — не вставая, снизу вверх недружелюбно посмотрел на Выжигина привратник.

— Да ты бы поднялся, любезный, когда с тобой чин сыскной полиции разговаривает, — прозвенел металл в голосе Выжигина.

Гаврила вскочил с места быстро и ловко, как ванька-встанька.

— Чего изволите-с? — осклабился в неумело скроенной улыбке — давно уж разучились улыбаться его губы.

— Ты вот что мне скажи: посетителя убитой Катерины хорошо запомнил?

Гаврила вначале, как бы в раздумье, часто-часто поморгал веками, напрочь лишенными ресниц, потом так же часто закивал:

— Запомнил его, господин сыщик, самым лучшим образом, потому как являлся тот посетитель натурой оригинальной и во всех смыслах интересной.

Выжигин был удивлен, услышав такой книжный оборот речи, и поощрил Гаврилу взглядом полного внимания.

— В чем же его оригинальность?

— Во-первых, выглядел он как заправский купец, но сейчас таких купцов отыскать можно только на театре в бессмертных пьесах господина Островского. В Гостином дворе уже таких не увидишь. Не одежда-с, а театральный костюм: кафтан синий, плисовые штаны, картуз — все как надо, да еще и борода широкая, венником. «Ну, — подумал, — от-

куда-нибудь из Твери к нам прибыл с товаром или из Торжка».

— И что ж купец?

— А купец себе и купец, как у Островского, — моя денюга, стало быть, и удовольствие тоже мое. Для начала буфетчику пятьдесят рублей кинул, велел шампанского открыть. Сам полбутылки разом выдул, а вторую половину девкам отдал да и пошел с ними плясать. У нас же тапер и скрипач дуэтом каждый вечер играют. Теперь же нет их, ибо, испугавшись разъяренных фурий, бежали первыми.

— Так, рассказывай, мне все важно, до последней детали, — едва ли не дрожал от внезапно охватившего волнения Выжигин. — Что же плясал купец?

— А кадрили французскую и польку выкаблучивал, а потом вприсядку пошел. Ох, и ловко же у него получалось — загляденье! Даже другие посетители смотреть пришли да еще в ладоши ему хлопали для пущего ражу. И вдруг кончил плясать купец да как закричит: «Хочу сейчас же Катку Вирскую! Пусть мне ее сейчас же приведут, хоть из-под генерала вытащат. Я тому генералу заплачу сполна!» И вытащил толстенный такой бумажник — ей-богу, как поросенок толстый!

— И что же, пришлось за Катериной Вирской бежать да из-под генерала вытаскивать? — не мог не улыбнуться Выжигин.

— Не пришлось, слава Богу, а то получили бы скандал скорее, чем он начался. Просто освободилась Катка, вот девки ее к купцу и подвели, а он дико так взглянул на нее, потом

ручку калачиком сделал, как бы приглашая с собою идти, и отправились они, понятно, наверх, в Катериныны апартаменты. Потом уж я ни купца, ни Катьки не видал. Говорят, убил он ее, из-за того и учинилось у нас сущее восстание, как на броненосце «Князь Потемкин Таврический».

— А ведь одежда того купца так в спальне Катерины и лежит... — будто в раздумье промолвил Выжигин.

— Это как же так? — удивился скопец.

— Как? А убил Катерину да и ушел без одежды, без кальсон даже. Разве мимо тебя такой не пробежал?

— Что-то не заметил, — серьезно ответил Гаврила. — Это, может быть, потом, когда девки стали посетителей гнать, может, как-то и проскочил в дверь, но я в то время в укрытии себя соблюдал, ушел от греха подальше. Не выносит моя душа разъяренных фурий. Так что — извините-с...

— Но зачем же в дверь? — допытывался Выжигин. — Разве здесь единственный выход из заведения?

— Нет, как же! Есть еще и черный выход, на задний двор, только ведь его еще найти надо. Откуда бы купцу знать дорогу туда? Да и в ум не возьму — для чего это голому убегать? Или сильно испугался, когда Катерину жизни лишил?

— Возможно, испугался. Но ты, Гаврила, дай покажи мне дорогу к тому черному ходу. Дверь на задвижку у тебя заперта?

И Выжигин в сопровождении высокого сутулого скопца пошел смотреть, где распола-

гался черный вход. Публичный дом представлял собой двухэтажное здание, бывшее, видно, пристройкой к стоявшему рядом большому доходному дому в шесть этажей. Все спальни находились наверху, всего двадцать, а нижний этаж занимали два приемных зала, а потом шли службы — кухни, кладовые, где хранились продукты, белье постельное и нательное, скатерти и многое другое, столь необходимое для жизни заведения, обитательницы которого не ходят на рынок, не стирают белье, не моют посуду, не гладят сами свою одежду. И вот, пройдя по нескольким таким помещениям, Выжигин очутился рядом с дверью, над которой висела керосиновая лампа. Электричества в этом здании, похоже, не было совсем.

— Вот он, черный вход, — сказал Гаврила. — На засов на ночь закрываем.

Выжигин толкнул дверь, и она, даже не скрипев на хорошо смазанных петлях, открылась, и помещение тут же наполнилось сыростью октябрьской ночи и острыми запахами заднего двора.

— Закрываете, говоришь? — внимательно посмотрел на скопца Выжигин.

Тот озадаченно покачал головой:

— Не знаю, может быть, конюх наш, Егор, который и товары с рынка да из лавок возит, запереть забыл.

— Возможно, — подумал Выжигин, а сам так и кипел от радости — открывался хоть какой-то путь решения задачи с исчезающими неведомо куда посетителями убитых женщин.

Вышли на замощенный задний двор, едва освещенный светом тускло горящих окон заведения. Кругом — хозяйственные постройки: каретник, сенник, дровяник, ретирадник, огромные ящики для сбора отбросов и нечистот. За ними, слева и справа, поднимаются черные глухие брандмауэры соседних доходных домов. Впереди — двухэтажный флигель. В нем — черная пасть проезда.

— Там куда можно выйти? — спросил Выжигин.

— В проулок. Только на ночь ворота на замке.

— А ну, пойдем посмотрим.

Подошли к воротам под аркою проезда. На самом деле — обе их створки надежно держит замок, но ворота сами низкие, только бы повозка не проехала, а человек, чуть подтянувшись, через ворота эти запросто перемахнет.

— Все понятно, — сказал Выжигин, очень довольный всем увиденным. — Спасибо, можешь идти на свою вахту. Очень ты мне помог, Гаврила. — И не удержался, спросил: — А ты зачем же в таком месте поганом служишь? Молодой ведь еще!

Швейцар ответил не сразу:

— Больной совсем я, нигде не брали. Да и женки нет у меня, а тут — бабы. Иногда и приласкают...

Выжигину, проходящему сейчас по мокрым булыжинам темного дворика, вдруг до боли сжало сердце от какой-то тоски и жалости ко всем этим людям. Впервые после того, кадетского, похода в публичный дом он подумал о падших женщинах не с ненавистью, а с сочув-

ствием, и все они представились Выжигину сейчас помещенными в один сырой и мрачный каземат, откуда никто не выходит живым и где ненавидят тех, кто живет иной жизнью.

Когда Выжигин поднялся наверх, его ждала еще одна любопытная новость.

— Степан Андреич, а ведь допросил я горничную, в спальню к убитой ее привел да и показал ей всю трехамудию убитой, тряпки то есть, — сообщил Остапов.

— И что она? — так и ввелся Выжигин взглядом в своего помощника.

— Указала на отсутствие в шкафу одного платья, полусапожек, плюшевой мантильки и шляпы с птичьей головой. Бельишка еще не досчиталась.

— Да не могла ли покойница подарить кому-нибудь эти вещи или продать за последние дни? — волновался Выжигин, очень желая получить отрицательный ответ.

— Я тоже о том подумал, а поэтому послал девку быстро всех женщин обойти.

— Обошла?

— Обошла. Никому ничего не дарила, да и продать не могла. Для этого на улицу выходить надо, а у них с выходами строго. — Остапов нахмурился и почесал затылок: — Степан Андреич, ничего иного, выходит, и придумать нельзя, кроме как взял этот купец да и убежал в ее платье, в мантильке-то плюшевой и в шляпе с птичьей головой? Боюсь, что у меня тоже к утру от всех этих чудес мозги набекрень съедут, сам в бабье платье наряжусь. Да и куда убежать-то он мог?

— Через задний двор убежал, в проулок. Черный ход, всегда закрытый, открыт сейчас, — сообщил Выжигин, довольный тем, что появились черточки, хоть как-то рисующие образ человека очень странного, действовавшего с какими-то чудными задачами. Да и был ли это один человек? Да и являлся ли он в обоих случаях убийцей или был тем, кто внушал мысль о самоубийстве, вкладывал в одном случае в руку женщины кинжал, а во втором предлагал петлю, изготовленную заранее, дома, а потом выбивал из-под проститутки стул, чтобы аккуратно поставить его рядом. И для чего ему нужно было обрядиться в женскую одежду? Нет, загадок сегодня лишь прибавилось, и Выжигин ощущал сильную растерянность. Останов же, решивший быть лишь исполнительным помощником, ходил рядом с Выжигиным и тихонько насвистывал какой-то опереточный мотивчик, покуда Степан Андреевич резко не остановил его: — Да перестаньте же! Рядом с мертвым телом...

Когда все четверо спускались вниз, проститутки уже не горланили. Только в нескольких спальнях был слышен их приглушенный говор, раздавался и негромкий плач. Швейцар Гаврила так и сидел в позе египетского писца рядом с запертой дверью. Зачем его посадили сюда в этот поздний час, Выжигин не знал — наверное, владелица заведения хотела, чтобы все у нее в присутствии полицейских выглядело благопристойно. Кровь или вино на полу уже были замыты, стулья и столы расставлены по местам, а шторы висели на карнизах. Публич-

ный дом уже не напоминал восставший броненосец «Князь Потемкин Таврический».

— А скажи-ка, любезный, — остановился рядом со швейцаром Выжигин, — тот купчишка каким по наружности был?

Вставший Гаврила широким жестом ладони нарисовал в воздухе окладистую бороду и сказал:

— Купец капитальный. Рожа красная, кирпичная, от неумеренного потребления горячительных напитков, надо думать. А росту среднего. Глаза же такие страхолюдные, бровастые: как взглянет, так прямо в животе холодеет. Голос же густой и бархатный. Капитальный, короче говоря, купец!

Больше Выжигину ничего и не требовалось. Вышли на все еще гомонящую гулящей пьяной толпой Курляндскую, где по-прежнему нестерпимо пахло жженой костью, и пошли, с опаской поглядывая на бродяг, к Старопетергофскому, чтобы поймать там двух легковых извозчиков. Ехать на свою маленькую, состоящую из двух комнат квартиру Степан Андреевич в два часа ночи не хотел. В участке имелся отличный топчан, набитый конским волосом, кожаный. На нем, накрывшись пальто, недавний преображенец и думал скоротать остаток ночи. Образ милой Катеньки, он знал, заслонил бы от него во сне все эти ужасные, размалеванные спитые лица полуженщин-полуживотных.

ВОПЛИ СТРАСТНОЙ И ЧЕСТНОЙ ДУШИ

Автомобиль, кузов которого был покрыт нарядным алым лаком, протарахтев еще немного по Большой аллее Каменного острова, остановился напротив серого дома в стиле «модерн». Две двери одна за другой распахнулись, и на мокрую землю, усыпанную листьями, шагнули из машины князь Сомский в длинном широком пальто, до носа замотанный шарфом, в котелке, надвинутом на глаза, и Выжигин.

— Извините, кузен, — чуть приседая, чтобы размять ноги, сказал князь, — моя квартира наскучила мне до отвращения. И автомобиль-то я купил именно поэтому. В нем я не скучаю. А хорош?! Все-таки хорош! — хлопнул он рукой по кузову. — Последняя модель «Рено». Говорят, его мотор равен силе двадцати лошадей. Я этому, понятно, не верю. Мне еще этот новый дом нравится, — князь указал на дом с башней. — Мрачный, но стильный, ей-богу. Говорят, принадлежит какому-то Фолленвейдеру, швейцарскому гражданину.

Было тепло и сыро. Над каналом с гладкой, серой и холодной, как жесь, водой стоял ту-

ман, навевавший дрему. Выжигину хотелось продолжить начатый в машине разговор, поэтому, не желая вдаваться в архитектурную тему, он поспешил сказать:

— Меня во всей вчерашней, вернее, даже сегодняшней истории больше всего то поразило, что обе смерти могут быть и не результатами убийства, а являться самоубийствами, но спровоцированными каким-то странным субъектом, ряженым, притворяющимся то чиновником, то купцом. В обоих случаях у него эти роли были сыграны блестяще.

— Вы и скюртук его синий, каких уж никто не носит, тоже сценической находкой считаете? — усмехнулся в шарф Сомский, беря Выжигина под руку и направляя его вперед по аллее. — Не переиграл ли? Меня же вот какая деталь уколола: если в первом случае наш актер с погорелого театра ждал Иоланту, то в другом так и потребовал Катьку Вируску из-под генерала вытащить и ему доставить, а ведь Катерина в заведении наверняка под другим именем жила. Допустим, ряженный чиновник знал Иоланту-Ленку только из разговоров тех, кто бывал в доме. Купец же в доме на Курляндской не бывал никогда, а пришел убить или довести до самоубийства ту, которую, возможно, знал еще до того, как она в заведение попала.

— Нет, — вздохнул Выжигин, — чиновник тоже мог знать настоящее имя Иоланты, только открываться никому не хотел. И все наши рассуждения, Петр Петрович, сейчас о мелочах ведутся, не о главном. Главное — понять, зачем

этот актеришка ходит и доводит женщин до самоубийства.

Выжигин почувствовал, как Сомский сильно сжал его предплечье.

— Ах, самоубийство? — почти прошептал он, наклоняясь к уху «кузена». — Полагаете, обе женщины руководствовались лишь зовом своей воли, и при этом ищите виноватого? Право, психологический парадокс, сударь. Самоубийство, друг мой, всегда является высшим выражением воли, протестующей против воли внешней, всеобщей, в шопенгауэровском смысле. Кого можно понудить к вонзанию себе в грудь кинжала или к затягиванию на шее петли, даже если, как вы предполагаете, ее принесли? Самоубийство — акт глубочайшего внутреннего процесса, действия, обязательно лишённого свидетелей, хотя, я читал, у некоторых неразвитых народов существует и самоубийство показательное. Пишут же путешественники, изучавшие быт и нравы камчадалов, что они иногда, обидевшись, идут да и вешаются или еще что-то над собой делают. Для чего? А чтобы досадить тем своему обидчику — он-де уязвлен будет смертью обиженного. А у нас, в публичном доме? Пришел пьяный мужик, такая харя, пусть даже актер, и женщина, которая жить хотела — это уж определено доподлинно в случае последнем, — расстаётся с жизнью, в общем сытой, обеспеченной, гораздо менее тягостной, чем жизнь крестьянина, например? Не знаете вы статистики, мой дорогой кузен. Русские вообще, в сравнении с Европой, мало убивают самих

себя, хотя своих собратьев лишают жизни часто, о чем мы говорили. Такой вот странный парадокс: там, где больше убийств, самоубийств меньше. И вот Россия-то в череде стран европейских по самоубийствам на последнем месте стоит, хотя сейчас камчадалство и к нам через передовую образованную молодежь проникать стало. Почитайте хронику: в ресторане студент Н. облил себя крепкой соляной кислотой — скончался от ожогов; курсистка Д. в модной лавке прилюдно вскрыла себе вены бритвой. Эти самоубийства — от идеи, от сладчайшего сознания, что я вправе с самым священным, с жизнью, запросто расстаться добровольно. Мысль очень нерусская и только в больших городах, где подавляющая часть всех наших самоубийств случается, живущая, да и то в среде сильно думающей молодежи. Ну а проституток-то кто способен на самоубийство в пять-десять минут сагитировать? Немыслимо! Перестаньте и думать об этом! — коротким взмахом ладони подытожил князь свой длинный и горячий монолог. — Вернитесь к варианту с казнью — он более плодотворен!

«На самом деле, — подумал Выжигин, — что в обоих случаях может о самоубийстве по чьему-то приказу говорить? Веревка со сложным узлом? Неупавший стул? А кинжал кто сумеет в грудь вонзить? Кинжал — не бритва отточенная, где довольно легкого нажима, чтобы перерезать вены, не кислота, которую лишь опрокинуть на себя нужно из какой-нибудь банки. Кинжал в себя воткнуть только

очень сильный, волевой человек, мужчина сможет, а не женщина, не помышлявшая о самоубийстве еще полчаса назад. Какое там — четверть часа!»

— Вы знаете, Петр Петрович, — для чего-то поправляя на голове кепи, заговорил Выжигин чуть смущенно, — а ведь я вчера таки пожалел всех этих нравственных калек, жертв общественного темперамента, хотя после случая на Екатеринославской был далек от сентиментальных чувств по адресу к проституткам.

— Держу пари, — повернулся к Выжигину князь с улыбкой, — если произойдет новое убийство-казнь, то вы, мой милый кузен, теперь уже станете просто рыдать над телом этой самой жертвы общественного темперамента.

— А что же, нет причин? — жестко спросил Выжигин, которому не понравился циничный тон князя.

— Абсолютно не стоит! — легко сказал Сомский. — И вовсе не потому, что человека не жаль — его-то всегда жаль. Но ведь вы плакать будете потому, что увидите в ее смерти вину общества, жестокость, бедность, толкающую женщину на путь проституции.

— Разве не бедность причина?

— В подавляющем количестве случаев не она, — решительно мотнул головой Сомский, так что его пышные баки описали в воздухе почти целый круг. — Не читали этого умника, итальянца Ломброзо? Не помню, в какой уж книжке, но он приводит факты: в Пьемонте, что ли, или, может, в Пизе в целом жизнь бед-

нее, чем в Милане, — забыл уже где. Но в этом бедном городе, как ни странно, проституток меньше, хотя логика вещей должна нам об обратном говорить. Вот и у нас... — Князь замолчал, сдвинул котелок на затылок и заговорил уже совсем в ином тоне: — Поведаю вам, что увидел на днях... Проезжаю на этой вот колеснице, — он махнул рукой через плечо в сторону автомобиля, — мимо Сытного рынка. Смотрю, толпа окружила какую-то девицу лет восемнадцати, а та задрала подол и показывает им то, что до времени от мужчин скрывать нужно.

— Проститутка? — коротко спросил Выжигин.

— Да в том-то и дело, что с виду совсем даже не проститутка. Так вот вам мой вопрос: с чего бы это ей делать нужно было?

Выжигин подумал немного, ответил:

— Какое-то странное, очень женское чувство власти над толпой в этот момент и... отсутствие стыда, конечно. Она, уверен, и денег ни с кого не возьмет за показ.

— Браво! — шутливо похлопал Сомский в ладоши. — И при таком глубоком понимании женской природы, кузен, вы еще смеете говорить о бедности как об источнике проституции? Да, конечно, богачка, аристократка в блудилище служить из-за денег не пойдет, но деньги на самом деле могут быть причиной, толкающей бедную к проституции!

— Ну, что-то вы заговариваетесь! — рассмеялся Выжигин. — То они причина, то нет! Несуразица!

— Нет никакой несурязицы! — поднял Со́мский вверх указательный палец. — Проституция ради хлеба — одно, а проституция ради легкого хлеба, ради плюшевой мантильки, шляпы с птичьей головой — совсем иное. Да, я пойму одинокую женщину, имеющую детей, которой на кусок хлеба не хватает и которая на время, заметьте — на время, идет подработать на панель. Но бо́льшая часть женщин становится проститутками, чтобы мантильки плюшевые иметь и не работать по десять часов на фабрике! А хористки, откровенно занимающиеся проституцией, а молоденькие и не слишком актрисы, которые ради долгожданной роли совершенно откровенно готовы отдаться режиссеру — это не проститутки? В великопостные театральные сезоны режиссеры и антрепренеры на так называемый «сенокос» выходят — за тащить в постель семнадцатилетнюю начинающую актриску, готовую на все ради роли, оказывается делом пятиминутным. Это в больших городах, где тяга к тяжкому труду навек утрачена, а тяга к мантилке и птичеголовой шляпе весьма сильна. Деревня еще такого размаха проституции, то есть продажи женщиной своей чистоты, пока не знает, но взгляните, что пишут большие знатоки деревни нашей, разные Златовратские, Энгельгардты! В женском деревенском кругу давно уж в ходу фраза, простите за грубость: «П.... не мыло, не смылится!» Вот и отдаются молоденькие да смазливые поселянки просто и открыто заезжему барину или купцу, особенно если сунет он им за пазуху рубликов пятьдесят. Глядишь — вырос на пере-

крестке дорог трактирчик, питейный дом, с этих самых денежек зачатый. Муж этой молодки в обиде не будет. Не слышали разве, что у нас некоторые мужья рубля за три перед дальней отлучкой уступают на время свою половину приятелю?

— Нет, простите, не слышал о таком обычае, — пробормотал Выжигин, в сердце которого царило какое-то то ли смятение, то ли просто раздражение. — Значит, безнравственна наша женщина? И только в этом дело и заключается?

— Ну, почему именно наша! Недавно общественность Франции выступила наконец против того, чтобы в публичные дома принимались десятилетние девочки, записывающиеся туда по собственному желанию. И они тоже от голода? Так ведь любой детский приют их и кормить мог, и ремеслу учить. И вот еще что: и у нас любая женщина из публичного дома уйти может, но в большинстве они так к профессии своей привыкают, к сытости и праздности в известных пределах, что попросту уже и жить-то не смогут, а тем более на хлеб зарабатывать. Все это я вам, кузен, к тому говорил, чтобы вы не больно-то проституток жалели и рыдали над их телами: чаще всего не обстоятельства жизни, а свободный выбор, внутренняя развращенность, даже физиологическая предрасположенность их в блудилище толкают. А человека в них жалеете, пожалуйста — вы же христианин.

Выжигину показалось, что Сомский пригласил его в этот парк нарочно лишь для того, что-

бы высказаться. Князь повернулся, чтобы идти к автомобилю, и Вольтеров дьявольский огонек снова заторелся в его глазах.

— А вообще скажу я вам напоследок следующее: вся наша страна — это огромный дом терпимости. Государь и правительство терпят Государственную думу, правые терпят левых, а левые — правых. Идея проституции, как зловредные миазмы, разлита повсюду: проституты-ученые, проституты-журналисты, проституты-литераторы, продающие направо и налево свое самое сокровенное, душу. А вы еще хотите, чтобы какая-нибудь Лукерья не отдалась за четвертную проезжему коммивояжеру или бездельнику-барчуку?

Подошли к машине, и когда шофер в кожаных крагах и такой же кепке поспешно отворял перед князем дверцу, Сомский предложил:

— Вы говорили, что вам в отделение надо? Ну так поедemте. Пусть там знают, что Степан Андреич Выжигин не только на «ваньках» разъезжать может.

Подъехали к участку уже через полчаса. Всю дорогу Сомский, точно наговорившись вволю, молчал, а Выжигин обкатывал в уме его фразы, и далеко не все ему нравилось в них. Правда, возможно, в длинных монологах князя и была, но его идеи отдавали каким-то цинизмом, холодом и равнодушием. «Как можно так не любить женщин, чтобы буквально в каждой видеть росток продажно-

сти? Я уверен, что расстреляй из пушек, снеси до основания все публичные дома, дай женщинам работу, вначале научив их работать, и проституции не будет! Или она сведется к каким-то мизерным размерам. Но все совсем наоборот. Городские власти нарочно способствуют открытию новых домов, чтобы риск заболеть сифилисом был снижен. Зато множится племя проституток! Все оттуда идет!»

— А позвольте-ка, я, кузен, в вашу кордегардию загляну, — сказал Сомский, когда затормозили на полицейском дворе. — Так, любопытства ради — изучаю нравы Петрополя.

— И немало преуспели в этом, — широко улыбнулся Выжигин, помогая князю выбраться на брусчатку двора. — Заходите, ежели изучаете, только запахи у нас здесь крепкие.

Вошли в приемную сысканого отделения, где сидели, развалясь, отдыхая с папиросами в руках, чины сыска. Кого-то тащили в «кутузку», стараясь незаметно, но крепко заехать по почкам, и влекомый городскими мещанин, теряя по пути пуговицы, орал:

— Никак не смеете, слуги народа, руки прилагать к моему телу в публичном месте! Самому градоначальнику жалобу подам!

— Вмажьте ему, стервецу, — советовал кто-то вослед городовым. — Чтобы засвербело у него все в нутрях до самых морковкиных заговений!

Откуда-то из толпы деловито снующих полицейских вынырнул, как Петрушка из вертепа, Остапов. Посмотрел на Выжигина каким-то

сияющим, влюбленным, но в то же время и покровительственным взглядом:

— А дело-то наше, Степан Андреич, кажись, сворачивается! Нашлась убийца!

— Как нашлась? — не понял Выжигин, но обрадованно хватил Остапова по плечу по старой полковой привычке.

— Да ступайте к начальнику в кабинет! Там все и узнаете! Дарья-то Челнокова по вашу душу из заведения Афендик явилась, только съездить за ней пришлось. По телефону звонила, просила забрать, каялась в убийстве Иоланты, Ленки Зарызиной! Ну и сгонял я за ней, а то ведь ее из дому-то не выпускали!

Выжигин невольно посмотрел на Сомского. Казалось, он был расстроен и угрюмо теребил свой бакенбард, имея вид недовольно-озадаченный. «Прекрасно, ваше сиятельство! — усмехнулся Степан Андреевич в душе. — Вот и умерла ваша идея о казни!»

Втроем они вошли в кабинет начальника сыскного отделения участка, красивого мужчины с пышными бакенбардами, плавно переходившими в усы, и внешностью ветерана — унтера николаевской поры. В углу за столом копошился секретарь.

— Ага, Выжигин! — прокричал начальник из-за стола, делая пригласительный жест рукой. — Вас-то мы и ждали! Будете допрос вести той девки, из борделя — признание сделать хочет. Надобно сегодня же с этим делом покончить, а то уж от градоначальника мне уже звонили. Кому-то весь этот шум с убийствами да еще с ночной дракой проститутток сильно не

нравится. С вами посторонний? — посмотрел он строго на Сомского.

— Мой дальний родственник князь Сомский Петр Петрович, сенатор, — представил Выжигин князя. — Любопытствовал взглянуть на наше отделение... из личных соображений.

В наличие «личных соображений» начальник не поверил, а поэтому, полагая, что сенатор заявился совсем неспроста, вскочил из-за стола и стал раскланиваться:

— Просим, просим, ваше сиятельство, взглянуть на наши, фигурально выражаясь, «труды и дни». Обычная работа, одна рутина. Присядьте, пожалуйста, в то вон кресло, а мы сейчас подозреваемую вызовем. Конвоир! — Из-за двери появился полицейский в форме. — Из камеры ту девку, ну, Челнокову, сюда доставить немедленно. Вы же, господин Выжигин, приготовьтесь задавать вопросы, а секретарь — протоколировать все слово в слово. О, разговор интересным должен оказаться! — потер он руку о руку. — Ведь сама на себя показания решила даты!

В сознании Выжигина закружился вихрь картин, запечатлевшихся в памяти в ту ночь, и вдруг появилось чувство недовольства и недоумения одновременно: как могла та неразвитая девушка с глупым лицом всеми помыкаемого создания пронзить кого-то кинжалом?

Привели подозреваемую. Наручники с короткой цепью заставляли ее держать руки где-то внизу, и в этой позе она казалась еще более беззащитной. Но Выжигин заметил, что она,

обежав взглядом всех присутствующих, остановилась на миг на нем, и в ее печальных, готовых заплакать глазах вспыхнула радость и тотчас угасла. С полминуты Выжигин мешкал, не зная, как начать. Хоть его и учили на курсах, как проводить допросы, но заниматься этим не приходилось, и теперь только память, расторопно подсунувшая нужные формулы, помогла справиться с невольным замешательством.

— Так-с... — начал он, — доложите, барышня, как вас зовут, к какому сословию принадлежите, а также род своих занятий назовите.

— Ага, да-да, — залепетала девушка. — Зовусь Дарьей, по отцу Фоминична, а фамилия моя Челнокова. Из петербургских мещан. Горничная я в заведении публичном госпожи Афондик на Екатеринославской улице.

Говорила она это совсем не смущаясь, даже как-то бойковито, точно подготовилась к допросу, но так и должно было быть, подумал Выжигин, раз шла с повинной.

— Хорошо, — кивнул он, сидя рядом со столом начальника, — а теперь доложите со всеми подробностями то, что хотели нам рассказать. Только помните, что дача ложных показаний по закону карается.

— Да, да, помни ты, курва этакая, об этом! — вскочил неожиданно с места начальник и замахал перед своим носом пальцем. Потом, видно, вспомнил, что в комнате посторонний, взглянул на князя и пробормотал: — Извините-с, ваше сиятельство, — вспыхнул...

Князь милостиво кивнул, а Даша, простоволосая, в бежевом ситцевом платье, обшитом рюшем, глотнула поглубже воздух и начала:

— Пришла доложить я, что третьего октября нынешнего года зарезала я в заведении барышню, живущую там по желтому билету, Зарызину Елену. Зарезала в беспамятстве, в затмении ума, вспомнив, что обидела она меня, назвав грубыми словами.

— Подробнее изложите обстоятельства происходившего, — очень мягко попросил Выжигин, вглядываясь в широкое чухонское лицо Челноковой. — Откуда появился у вас кинжал, послуживший орудием убийства, какими именно словами оскорбила вас Зарызина?

— С кинжалом тем пришла я в заведение Афендик на службу, а купила я его как-то на Сенном рынке, случайно, за пятьдесят три копейки у торговца железным товаром, у кого именно — не помню. А оскорбила меня Зарызина, назвав... словом, для женщины обидным, а еще чухной вонючей. Поскольку же я... совсем к тому слову отношения не имею, так как не живу, как все, по желтому билету, а просто горничной служу, а еще потому, что никогда от меня не воняло, то и решила я с Зарызиной покончить, убив ее тем ножом.

Все та же бойковитость, наличие деталей поразили Выжигина — правдоподобность, если не сама правда, сквозила в рассказе Даши.

— Продолжайте, — попросил он. — При каких обстоятельствах произошло убийство? Выбирали ль вы час для свершения деяния?

— Нет-с, не выбирала. Помню, что сидела я у себя, а злоба на Ленку так и ходит во мне ходуну, не остановить. Взяла ножик, к ее спальне пошла, дверь приотворенной оказалась...

Выжигин остановил девушку взмахом руки:

— Постойте! А разве в вашем заведении не принято держать дверей закрытыми, когда посетителя принимаешь?

— Нет, нету у нас таких порядков — у других это. А у нас, если горничной что от барышни нужно, стучать положено.

— Ну, ну, вот вы и постучались? Но знали же, что Ленка в это время у себя?

— Знала — свет пробивался в коридор. Вот я тихонько и зашла. Ленка с посетителем лежала, в обнимку...

Начальник отделения вдруг громко засмеялся, чем вызвал смех и у сидевшего в комнате Остапова:

— Ну, понятно, что в обнимку, как же еще-то! Рассказывай дальше, сучка драная, да подробней! А то чуется мне, что покрыть ты кого-то хочешь. Говори! — И он снова виновато посмотрел на князя и пробормотал: — Ваше сиятельство, извиняйте — работа!

— Вошла я, — продолжила Даша, — сама не своя, так и трясусь. Ленка мои шаги слышала, встрепенулась, из-за плеча посетителя на меня взглянула. «Чего тебе?» — спросила. А я все к ней иду, медленно так, и ножик свой за спиной держу. Не знаю, как она догадалась, а догадалась-таки. Вскочила, голая вся, а я уж рядом с постелью стою. «Блядью, — спрашиваю, — меня называла? Чухной вонючей величала? Ну

так сама ты такая! Получай же!» И воткнула я ей нож со всей силой под грудь — она ойкнула да и повалилась на спину!

Выжигин видел, что Даша дрожит, глаза из светлых превратились в карие, и если бы не наручники, стянувшие руки, то она непременно бы показала, как била женщину ножом. Рассказ выглядел ярким до полной иллюзии правдоподобия, и Выжигин, дав Даше успокоиться, спросил:

— Но как же вел себя тот... господин?

Даша вздохнула:

— Испужался сильно, по спальне забегал, окно стал дергать за ручки, но я дожидаться не стала — пошла себе в свою комнату. Пришла, легла на кровать, а потом поднялась. Снова в спальню к Ленке заглянула, холодно там — окно открыто, куда ее посетитель подевался — не знаю. И решила я тут: нужно все представить, будто и не я убила, а посетитель ее. Вот и заорала я благим матом, и все сбегаться стали...

— Очень интересно! — заметил Выжигин. — Так вы, когда на другого вину свалить хотели, тоже в состоянии большого возбуждения находились или уж опамятовались?

— Да, будто разум ко мне вернулся и страшно за себя стало — засудят. Но подумала я, подумала и поняла, что грех на свою душу страшный взяла, и решила наказание вынести. Да и не хотела я, чтобы за меня какого-нибудь чело- века невинного засудили...

Сомский как-то странно хмыкнул — то ли подавил смешок, то ли зевоту. Все повернули

в его сторону головы, но он лишь предупредительно поднял вверх ладонь — продолжайте.

— Н-да... — неопределенно прогундосил начальник отделения, — ты, Челнокова, еще та падла, а честную из себя корчить вздумала. Допрос на этом думаю считать исчерпанным. Как считаете, господин полицейский надзиратель? А может быть, у вас, ваше сиятельство, к подозреваемой вопросы окажутся? — со сладкой миной на лице повернулся в сторону Сомского начальник.

— Пожалуй, один вопросик и найдется, — вымолвил Сомский, державший руки в карманах пальто. — Скажи-ка, Даша, а криков того господина ты не слышала? Не звал он на помощь, не вопил ли от страха?

— Говорю же я вам, — с какой-то угрозой низким голосом заговорила девушка, — он только по комнате бегал, как бы спастись хотел, но не орал, окно открыть пытался...

— Ну, про окно мы уже слыхали, — тая усмешку в уголках тонких губ, произнес Сомский. — А вот еще вопрос: когда в комнату ты свою пришла да на кровать легла, а потом снова поднялась и пошла к спальне, тогда у тебя мысль-то появилась представить все не тобой содеянным?

Тут Даше пришлось немного подумать, но ответила она твердо:

— Когда увидала, что посетитель исчез.

— В таком случае, зачем шла к Ленкиной спальне? Что толкнуло тебя к месту преступления? — допытывался князь, уже совсем не

скрывая улыбки. — Не знала ведь что посетитель убежал?

— А вот пошла, да и все! Будто потянуло меня туда что-то необоримое. Может, на Ленку убитую поглядеть захотела — жива ль...

— Ну, вот и все мои вопросы, — как-то весело сказал князь, а начальник отделения сурово молвил, глядя на Дану:

— Тебя, потаскуха, за преднамеренное убийство на каторгу лет на семь упекут! Ужо узнаешь, как сладко-то там со вшами, клопами да лищей, с тараканами варенной! Конвоир! — прокричал он и, когда тот явился, грозно сказал: — Шлюху эту в камеру отведи да стереги покрепче! Через час на Шпалерную, в Дом предварительного заключения отправим!

Конвоир взял было девушку за плечо, чтобы вести, но Даша резким движением освободилась и весело так поглядела на начальника:

— Каторга так каторга, начальник! Только уж знай — не шлюха я и не потаскуха, хоть и в доме публичном жила!

— Ладно, хватит институтку из себя корчить! — провел по пышным усам начальник. — Подойди-ка лучше к секретарю да и подпиши показания свои — совсем забыл про сие важное дело!

Прозвенев цепями, Даша поставила на листе бумаги закорючку, и ее увели. В совершенном расположении духа начальник отделения сказал:

— Теперь, господа, и вы подпишите, да и будем считать, что дело у нас в шляпе. Сегодня же градоначальнику рапортую.

Над листом наклонился Остапов, потом Выжигин, которого хоть и мучили сомнения в отношении справедливости показаний Даши, но не подписать он их не мог — запись соответствовала словам подозреваемой.

— А вы, ваше сиятельство, не украсите ли сей документик своей подписью? Весомо будет и почетно. Уважьте уж... — так и таял от лъстивой улыбки начальник.

Сомский же, крутя в руках свой котелок, сказал:

— А вот и не уважаю, да и не потому только, что не имею к полиции никакого отношения. Не поставлю я свою подпись главным образом потому, что не верю показаниям Челноковой. Оговорить она себя решила.

Начальник развел руками, от сильного удивления вначале запыхтел в усы, потом сказал:

— Позвольте, позвольте, ваше сиятельство! Зачем же девке брать на себя такую тяжкую вину — человека другого жизни лишила? Или уговорил ее кто-то, застрашал? Нет-с, выше моего понимания это выходит!

— И я покамест причин оговора не знаю, — сказал Сомский. — Может быть, надоело этой ершистой, характерной девчонке на десятых, сотых ролях в этой жизни играть. Вот и решила, возможно, стать предметом внимания. Рассказывал мне один знаменитый хирург, что были у него пациенты, которые симулировали болезни. Их на стол операционный кладут, режут, а в результате — ничего. Под нож шли, только бы добиться внимания врача, просто большого человеческого внимания, которым

они раньше не пользовались. Да вы вспомните, как говорила Даша, — каждое слово продумано, на своем месте. Она — натура пылкая, актриса, истеричка, конечно, но и умна, умна! Она, решившись на оговор, все продумала, до последней мелочи, зная, какие вопросы ей здесь задавать будут. Но именно умелое вранье ее и подвело — слишком уж бойко и гладко говорила, как по писаному!

— Ах, ну у вас, князь, одна психология, — с некоторым сочувствием посмотрел на Сомского начальник, — а у меня, — он постучал по листу с показаниями, — факты. Вам не поверят ни за что, хоть сто присяжных в суд приводи — бумаге этой поверят. А что господин Выжигин скажет? Очень любопытно! — и сделал внимательное лицо, обращаясь не к подчиненному, а к родственнику князя и сенатора.

— Действительно, у их сиятельства все на одной психологии построено, я же о фактах буду говорить, — немного сбиваясь, как на экзамене, начал Степан Андреевич. — Если примем мы как справедливые слова Челноковой и поверим в то, что посетитель мог в окно от страха убежать да и не вернуться за своими вещами, заметьте, вещами, зачем-то нарочно приобретенными, чужими, крадеными, то чем объяснить нам второй случай? Может быть, на Курляндской тоже Даша побывала? Там-то почему одежда осталась в комнате мертвой? Куда посетитель девался?

— Позвольте я скажу, — очень довольный тем, что явилась возможность утереть нос

Выжигину, да еще в присутствии начальства и даже князя-сенатора, — попросил слова Остапов.

— Говорите, господин городской, — кивнул начальник, а Остапов, чрезвычайно гордясь собой, начал:

— То, что одежда купца на стуле осталась в комнате повесившейся, — он сделал нажим на последнем слове, — так это и вовсе не говорит о том, что убийца ушел из дома в дамской одежде — экие фантазии! Купец лихой был, из медвежьего угла, дикий. И вот пришел он к Катьке Вирской, потому что слышал о ней от кого-то как об отменной, страстной женщине, поизмывался над ней по-своему, по-купчески, возможно, побил, потерзал — зверь же! — да и решил найти себе другую усладу, в соседней спальне, например. Или такого в дешевых бардаках не бывает? Еще как бывают такие срамные случаи. Тут-то и пришла на ум Катерине Вирской трагическая мысль — уйти из жизни! Купец допек! Последней каплей явился! И веревка у нее давно припрятана была с петлей, и крюк приготовлен. Как у самоубийц часто бывает? Вчера ходил веселый, а завтра уже в петле качается или по реке вниз головой плывет. Так и здесь получилось. А подруга Катьки увидела открытую дверь, заглянула, не увидела купца — и пошел тут сыр-бор по всему бардаку гулять. И не помните разве, что бабы до того остервенели, что начали посетителей голыми на улицу выгонять! Наш-то купец в их число и попал, оттого и найдена была его одежда. Уверен, поискали бы мы в других спальнях, так

и там бы мужские штаны да кальсоны нашли! Не было убийства на Курляндской!

— Остапов! — со звонкой ликующей нотой произнес начальник. — Умник ты большой, ей-богу! Месяца через три произведу тебя в полицейские надзиратели! Голова у тебя божественно варит!

— Премного благодарен и рад стараться, господин начальник отделения! — весь надулся от радости и важности Остапов, вскочивший с места.

Встал и начальник, торопившийся, видно, куда-то, иначе при князе и сенаторе не позволил бы себе подняться первым.

— Господа, — так и светился он счастьем от ощущения выполненной работы огромной государственной важности, — мне пора ехать с докладом к градоначальнику. Я буду рад сообщить ему, что дело с убийством проститутки решилось так просто. Он будет доволен. Чины моего отделения могут надеяться на премиальные, как заведено в таких случаях.

Все встали, и Выжигин вдруг обратился к начальнику:

— Позвольте мне обратиться к вам с одной просьбой.

— Буду рад выслушать. Если по силам — исполню, — снова вспомнил начальник, что его подчиненный еще и родственник сенатора.

— Не спешите отправлять подозреваемую Челнокову в Дом предварительного заключения. Возможно, у меня найдутся к ней кое-какие вопросы, а ехать на Шпалерную, да к тому же все эти формальности..

— Пусть будет так, как вы хотите, я отдам распоряжение. Всего вам наилучшего, господа. Ваше сиятельство, мой экипаж к вашим услугам. Куда довезти?

— Благодарю вас, у меня свой, — улыбнулся Сомский, которого бравая выправка и изысканные манеры полицейского просто привели в восторг.

И все, соблюдая субординацию, стали покидать помещение.

ЛЮБОВЬ С ЗАПАХОМ ЖЖЕНОГО ПОРОХА

Квартировал Выжигин на Колокольной, рядом с Владимирским проспектом, и дойти до дому от Глазовской, где находилась часть, можно было за полчаса, а то и быстрее. Но, выйдя из отделения и распрощавшись с Сомским, Степан Андреевич не взял извозчика не только по причине относительной близости дома. Идучи пешком, хотелось подумать и об обоих убийствах, о разговоре с князем на Каменном острове и, главное, вспомнить до последней детали то, что поведала Даша.

Мысли текли неровно, никак нельзя было ухватить нечто главное, в конце концов высказывание князя о том, что девушка пошла на оговор только потому, что прежняя жизнь казалась ей скучной и хотелось чего-то остренького, представилось Выжигину абсолютно фантастическим, и он даже проговорил про себя: «Ага, князюшка! Сам предлагаешь исходить от общих, присущих всем людям психических свойств и норм поведения, а сегодня против собственного правила пошел: на каторгу девице захотелось только из-за скуки! Да и говорила-то она складно и умно, потому что

вопросы мои еще глупее и примитивней ее ответов выглядели. Так не прав ли Остапов? Недаром его начальник умником назвал. Все в его теории просто и стройно. Так ведь и в жизни — нам хочется сказки, потому что надоел пресный серый мир, вот мы и измышляем. Вот-вот, скоро Остапова произведут в надзиратели, а меня переведут в городовые, и будем мы раскрывать убийства по его четкой и ясной методке. Зато уж премиальные у нас всегда водиться будут!»

Так думая о том о сем, добрел Выжигин до Колокольной. Впереди уже виднелась колокольня собора и идти оставалось надолго. Вдруг кто-то окликнул его:

— Ах, господин красивенький, на одну минуточку вас можно?

Выжигин резко обернулся, хотя уже по одной манере обращения, по фальшивому, слащавому тону можно было узнать проститутку и, не останавливаясь, пройти мимо. Панельные девицы часто останавливали или только пытались остановить на этой улица Выжигина, и он всегда с негодованием, а то и просто с равнодушием проходил мимо, иногда подавая копеек двадцать. Он ненавидел продажных женщин, но сейчас он почему-то изменил своему отношению к ним и внимательно взглянул на окликнувшую его девицу. Одета она была довольно прилично для уличной проститутки: длинный жакет по фигуре, узкая юбка из бархата чуть прикрывала хорошо вычищенные ботинки, шею охватывало боа, правда полученное из третьих рук, но настоящее, из пера

страуса. На голове была крошечная черная шляпка, и ее короткая вуаль доходила до бровей девицы, очень миловидной, еще не затасканной. Но не приличный вид девицы, не ее миловидность, а сильное сходство с Екатериной, Катенькой, Катюшей сильно поразило Выжигина. Он было испугался даже — не вернулась ли Катя раньше времени и не оделась ли так странно, желая поразвлечь его, просто насмешить.

— Кто... вы? — оторопело спросил Выжигин, сразу осознав глупость и ненужность вопроса.

— Я? — с дурным кокетством вздернула брови девушка, которой было не больше семнадцати лет. — Я та, синьор, кто может доставить вам приятность. Не желаете ли пройти ко мне? Это рядом, только во двор войти да и на второй этаж подняться. Три рубля всего, да и чисто у меня. И сама я чистая. Мы с подругами одного доктора подрядили, вот он нас и проверяет. Зачем же больными ходить? Ну, идете? Я не всем предлагаю. Только тем мужчинам, которые мне очень симпатичны. Оч-чень!

И девица показала свои мелкие зубы и покошачьи зажмурила глаза. Выжигин услышал, как бьется его сердце. Что-то невероятное происходило с ним сейчас. Этот двойник любимой им девушки манил его сейчас, но согласиться на эту приманку никак было нельзя — перед ним стояла не Катя. А разум уже шептал Выжигину ядовито и очень умно: «Ты занимаешься поиском убийцы проституток, а сам не

знаешь о них ничего. Ты ненавидел их всю свою жизнь, и это было несправедливо. Нельзя ненавидеть то, чего не знаешь. Пойди с ней сейчас, просто посмотри, как она живет, разговори ее, и тогда ты сможешь раскрыть преступление. Иди же, иди!»

— Ступайте вперед, я следом за вами, — сказал наконец Выжигин и увидел, что девушка не удержалась от победной улыбки, бросила конец боа на плечо и какой-то быстрой и одновременно вертлявой походкой пошла через дорогу в сторону проезда во двор.

«Мне стыдно за ней идти, приотстану, — думал взволнованно Выжигин и вдруг осознал, что его рука сама собой полезла в карман пальто и пальцы перекатывают серебро и медь, точно прикидывая, будет ли в них три рубля. — Фу, какой кошмар! — с отвращением выдернул Выжигин руку из кармана. — Конечно, я отдам ей все эти деньги, у меня есть еще, но не стану же я откликаться на ее предложение! У нее, возможно, каких-нибудь полчаса назад был в гостях мужчина, со мной случится то, что случилось тогда, еще при моей кадетской жизни!» Но что-то негромко нашептывало ему: «Не бойся, она проходила врачебный осмотр! Ты просто брезглив, но ведь ты живешь в городе, вдыхаешь воздух, пропущенный через легкие тысяч людей, пьешь не очень чистую воду, здороваешься за руку с мужчинами и целуешь руки дамам, руки, целованные перед этим другими. Везде условность, а условности можно преодолеть».

Девушка открыла дверь, ведущую в квартиру, своим ключом, и Выжигин оказался в прихожей, из которой начинался длинный и узкий коридор, и конец его терялся во мраке.

— За мной идите. Смелее! — на мгновение повернулась к Выжигину девушка, и он пошел за ней по этому необычайно длинному коридору с дверями справа и слева.

Здесь пахло невыносимо противно, какой-то смесью из жареной картошки с луком, винных паров, плохо выстиранного белья и нечистых тел. Отовсюду слышались звуки: то фальшиво играла гитара, то звенели бокалы, то кто-то хвалился продажей партии из ста пар сапог, кто-то визгливо хохотал, а к хохоту примешивался пьяный бас, говоривший: «Козочка ты моя рогатая, козочка бодатая!» Наконец остановились напротив двери, и девушка снова стала греметь ключом. Выжигин, никогда не бывавший в такой страшной квартире, где жильцы, казалось, были помещены в гробы, но продолжали есть, смеяться и даже играть на гитарах, уже сильно жалел о том, что согласился пойти с этой грязной девушкой. В довершение всего, наверное, заслышав скрип ключа, из соседней комнаты высунулась чья-то голова со всклокоченными волосами, — Выжигин даже не успел понять, мужчине или женщине принадлежала она, — и насмешливо вымолвила:

— Поздравляем с разрешением поста!
Захохотала — и скрылась.

Уходить было поздно, и Выжигин прошел в комнату, где пахло лучше, чем в коридоре, но все равно чем-то кислым и несвежим.

— Пойдите, сейчас я свет зажгу, — оказала девица.

Вспыхнула спичка, загорелся фитиль керосиновой лампы, и Выжигину показалось, что он снова очутился в публичном доме. Комната эта была тех же самых размеров, что и спальня в борделе на Курляндской, и треть площади ее занимала кровать, на удивление Выжигина, застеленная пестрым покрывалом и с горкой подушек под тюлевой накидкой.

— Ну снимайте же свое пальто! — как-то ласково, совсем по-хозяйски мило предложила девица, уже стащившая с себя жакет и снявшая боа и шляпу. — Вешалка у дверей.

Выжигин покорно повиновался, а девица сразу же принялась разбирать постель, и каждое движение ее было уверенным, каким-то отточенным, но не деловитым и не вульгарным.

— Как тебя зовут? — решил спросить Выжигин, потому что был уверен в том, что именно с этого следует начать разговор. Еще он успел упрекнуть себя за то, что не заметил, как хозяйка комнаты стала готовить постель, иначе бы он в самом начале прервал это занятие — постель ему была не нужна.

— Оля я, — просто ответила девушка. — А вас как звать?

Желая отгородиться от всей этой чуждой ему, отвратительной жизни, Выжигин сказал:

— Иваном.

Он тотчас покраснел за свою ложь — в этом было так много трусости, и был рад, что неяркий свет лампы скрыл его смущение. А по-

стель между тем была готова. Выжигин искоса посмотрел на нее — на удивление свежие наволочки на подушках, отброшенное немного одеяло с пододеяльником позволяло видеть край простыни, тоже как будто чистой.

— И давно ты этим живешь, Оля? — спросил он вдруг неожиданно для себя, с трудом освобождая свое воображение от картины погруженности в эту привлекательную, манящую постель.

— А год всего, — очень просто ответила Оля, начиная расстегивать крючки на платье.

— Как же случилось... это? — спросил Выжигин, понимая, что спрашивает абсолютную гадость и глупость, кроме того, заранее осознавая, что про это он никогда не получит исчерпывающий ответ.

— А полюбила я человека одного хорошего, студента, а он возьми через полгода и помре от чахотки. Я же от него столько ласки получала, что уж и жить без мужчины не могла. Родители мою любовь к мужчинам заметили, побили, а потом и совсем прогнали. А жить-то как?

— Замуж бы вышла. Была бы тебе за мужем ласка, — наставительно сказал Выжигин, снова понимая, что каждое слово его — неправда.

Он приглядывался к Ольге, уже стоявшей без платья, в одной рубашке. Волосы ее, рыжеватые, с красно-медным отливом, волнами растеклись по плечам. Катя стриглась коротко, по-курсистски, но чем дольше вглядывался Степан Андреевич в черты лица, в линии тела Ольги, тем сильнее ощущал в себе тягу к этой

столь похожей на его возлюбленную девушке. Он уже познал Катю полгода назад, и ее девичья холодность сильно уколола его тогда. Здесь же, рядом с этой горячей, откровенно влюбленной в мужчину женщиной, он ощущал себя тем нужным для нее существом, которое она сумеет отблагодарить. А Катя не благодарила его...

— А кто ж меня замуж возьмет? — стаскивая с себя рубашку и ежась при этом от прохлады, сказала Ольга. — Да мне и не надо. Вон сколько мужчин красивых у меня есть, еще и три рубля, а то и пять дать могут. А муж разве так меня любить станет? Да через месяц медовый уж и разлюбит. А ты что же не раздеваешься, Ваня? Или ты сюда болты болтать пришел?

И она тихо засмеялась, уже натянув одеяло до подбородка. Выжигин посидел, подумал и стал снимать свой шевиотовый пиджак.

На улицу он выходил через час, и осенняя прохлада ощущались им сейчас особенно остро, после жарких и бесстыдно-откровенных объятий Ольги. Он знал, что эта женщина была близка до него со многими мужчинами, но теперь Выжигин не ощущал себя кадетом, его не тошнило, и только странное противоречивое чувство наполняло все его уставшее и размягченное тело. Мозг его, как и прежде, ненавидел продажность и ложь, а плоть вспоминала продажное тело с благодарностью и негой. То мозг хотелось вырвать и бросить на мокрый булыжник улицы, то возникало желание кинуться под несущуюся с грохотом

пролетку, чтобы искромсали копыта и колеса это грешное тело, не желавшее забыть купленную за три рубля любовь.

Его две комнаты, просторные и светлые, собственно, и не были настоящей квартирой, а являлись частью огромной квартиры, сдаваемой внаем. Платил он за них двадцать рублей в месяц, получая от хозяйки при этом еще обед. Пять лет назад один за другим умерли его родители, и после их смерти молодой гвардеец с огорчением узнал, что дела отца, жившего плодами новгородского поместья, расстроены настолько, что для расчета с займодавцами пришлось продать собственный дом на Большой Морской, а потом и имение. Оставались кое-какие процентные бумаги, тысяч на пятьдесят, они-то и позволили Выжигину служить в блестящем и дорогом Преображенском полку. Теперь и бумаг не было, не было и полка, а поэтому семьсот пятьдесят рублей в год тоже представлялись Выжигину хорошими деньгами. Правда, Сомский пару раз намекал ему, что уже пометил его имя в завещании, но Степан Андреевич совсем не придавал этому какого-то значения. Была еще Катя с хорошим приданым, но Выжигин был уверен, что ее родители теперь, когда он стал сыщиком, ни за что не отдадут за него свою единственную дочь.

Дома он сразу набросился на еду, заботливо укрытую кухаркой толстым сукном. Щи и бараньи котлеты никогда еще прежде не казались ему такими вкусными, и, закончив с трапезой, Выжигин кинулся на диван и мгновенно

уснул. Катя ли, Ольга ли ласкались во сне к нему, он не знал, но видение мигом исчезло, когда в черную тьму забытья проник отчаянно громкий барабанный звук, так памятный ему с военной службы. Барабанщик играл «сбор», и все внутри Выжигина напряглось, ожидая команду ротного.

— Степан Андреич! Степан Андреич! — протиснулось наконец в сознание что-то уж очень явственное, реальное, совмещенное со стуком в дверь.

Так и не придя в себя, в полудреме, Выжигин пошел отворять, зажег у дверей электрическую лампочку. Отворил — у порога стоял неизвестный ему человек с противными усиками, точно прилепленными шутки ради к его плутоватой кошачьей физии.

— Да кто вы? Что вам угодно, сударь? Будить...

— Махоркин я, агент отделения вашего! — зашептал человечек, будто агентам только и следовало шептать, а не говорить. — Господин начальник требуют приезда вашего! Казенных лошадей даже запрячь велели! Собирайтесь, батюшка! Очень уж взволнованы господин начальник!

Что-то прозвенело в сознании Выжигина, давая какой-то неясный сигнал, и Степан Андреевич стал натягивать пальто.

Начальник отделения, несмотря на поздний час — около полуночи, — был в своем кабинете. Заложив руки за спину, он не ходил, а бегал по комнате, иногда останавливаясь и принимаясь тереть виски, а потом снова пускался рысью.

— Ах, давно расстались, господин полицейский надзиратель — и пяти часов не прошло! — с болью воскликнул начальник отделения при виде вошедшего Выжигина. — А у нас здесь, сударь, дела препротивные, прескверные, можно сказать!

— Да что же случилось? Снова проститутку убили?

— Теперь не только ее, но и швейцара в публичном доме в Восьмой линии Васильевского острова! — простонал начальник. — Не понимаю, почему это нас должно касаться! Пусть бы второй участок Василеостровской части и ковырялся в этом деле. Мы-то со своими потаскухами разобрались! Я и градоначальнику успел рапорт сделать, он меня благодарил, потому что очень, очень заинтересован в том, чтобы в наших заведениях все было в полном порядке — тишина и покой. И вот приезжаю я от него на свою квартиру, а он вдруг мне сам и звонит по телефону: злой, как черт, в двух словах о происшествии на Васильевском рассказал и велел продолжить дело, точно это Александро-Невскую часть хоть каким-то боком задевает. Возможно, никакой связи нет, скорее всего нет, но вы, Выжигин, на Васильевский отправиться должны. Не забудьте все необходимое захватить! Если надо, звоните мне хоть в середине ночи! Ну, господа, отправляйтесь! Восьмая линия, дом сорок восемь.

На казенных откормленных, береженных лошадях ехали по ночному Невскому быстро. Проспект еще не погасил своих огней, по

широким тротуарам сновали ночные бездельники в поисках острых ощущений, посетители ресторанов, покинувшие наконец заведения. Выжигину отчего-то было легко и даже весело. Это третье преступление наверняка должно было добавить какой-то чрезвычайно важный элемент к конструкции, которая потихоньку, из невидимых мысленных кирпичиков, начинала складываться в его голове.

— Вы мне скажите, Остапов, — заговорил вдруг Выжигин, когда подъезжали к мосту, перерезавшему густо-смоляную воду Невы, — вы в действительности уверены были в том, что купчишка оставил свои портки лишь потому, что к другой девке пошел, а потом его изгнали? Или вам очень хотелось поскорее дело закрыть после показаний Даши да и этим начальству потрафить? Повышения добивались?

Выжигин думал, что Остапов обидится, но городской и не подумал обижаться. Во всяком случае отвечал очень серьезно:

— Степан Андреич, того, кого вы ищете, нам никогда не найти. Девка с повинной пришла — хорошо, значит, ей так надо. А почему градоначальник суетится, я тоже знаю. Есть в Питере такие люди, так высоко они сидят, что снизу глядеть будешь и ничего, кроме пятки их, не увидишь. Людям этим закрытие домов публичных очень некстати, не с руки, вот и хлопочет градоначальник, да и Григорий Фомич, наш начальник, суетится тоже. А план мой в отношении купца ничуть не хуже всякого другого плана. Главное, к минуте очень при-

шелся. А надзирателем мне быть не к спеху — подождем.

Слова Остапова о безрезультатности поисков того, кого искал Выжигин, задели самолюбие Степана Андреевича. На самом-то деле он еще никого толком и не искал, но сомнение городского в его силах обижало.

Вот выехали на Восьмую линию, и загремели колеса по горбатой, плохо уложенной булыге. Наконец добрались до нужного дома с красными фонарями.

— Сюда! Сюда! — кричал кто-то с крыльца, будто там, в заведении, уже заждались и побаивались, что прибывшие обознаются и пойдут в другое место.

— Вы из Александро-Невской части? — так и набросился на Выжигина, шедшего первым, какой-то молоденький и сильно взволнованный субъект, весь укутанный башлыком. — А я из второго Васильевского участка, городской сыскной службы. Меня одного здесь сторожить оставили, велели вас дожидаться. Тенин фамилия моя.

Все это молоденький сыщик проговорил прямо на крыльце, мешая Выжигину и его группе пройти в дом.

— Да впустите вы нас наконец? — рассердился Выжигин, видя, что «васильевский» снова открыл рот, чтобы говорить.

— Да, да, пожалуйста, только, прошу вас, на мертвое тело не наступите. Прямо у порога лежит, — говорил он тонким женским голосом и, показалось Выжигину, сам очень боялся наступить на «мертвое тело».

Вошли. Заведение, сразу видно, было из дорогих — медведь с блюдом в лапах, хрустальная люстра, дорогие портьеры, рояль. На все это Выжигин обратил внимание лишь мельком — накрытое скатертью «мертвое тело» и впрямь лежало у входа, точно и после смерти швейцар исполнял свои обязанности стража.

— Откройте-ка... — приказал Выжигин Тенину, и молодой человек, сдвинув башлык на затылок, с нескрываемой безгливостью и страхом кончиками пальцев взялся за скатерть и осторожно убрал ее с труп.

На полу, раскинув в стороны руки, лежал бородатый мужик с широко распыленными, будто изумленными глазами. Форменная его ливрея зеленого сукна на груди стала бурой от крови, ровное отверстие в ткани было явным следом проникновения пули.

— Снимок сделаем потом, — сказал Выжигин быстро и, обращаясь к городовому в башлыке, спросил: — А где второе... мертвое тело?

— На третьем этаже, господин полицейский надзиратель. Женщина...

— Ну так идемте наверх, — сказал он коротко и направился к лестнице, по которой, придерживая край длинного платья, величаво, точно герцогиня, спускалась вниз высокая женщина в пенсне.

Выжигин дождался, покуда она не поравнялась с ним. Угадывая в величавой даме хозяйку заведения, показал раскрытое удостоверение, спросил:

— Свидетели происшедшего имеются? Ну, кто что-либо видел или слышал?

Вместо ответа на вопрос женщина сказала:

— Да, я владелица этого шикарного публичного дома. Я — Фиделли Мария Павловна, и я готова заплатить хоть тысячу рублей, чтобы только сообщение о трагедии, происшедшей в моем заведении, не достигло этих мерзких газет. Вы способны мне в этом содействовать?

Выжигин хотел сказать этой женщине что-нибудь грубое, потому что ненавидел эту живую соковыжималку женских тел, но прирожденная воспитанность заставила сказать иное:

— Хорошо, Мария Павловна, я сделаю все, что в моих силах. Во всяком случае, запрещаю проход сюда репортерам от городских газет. Но пока мне нужно видеть место происшествия, а также говорить со свидетелями.

Фиделли с грацией оперной примадонны взмахнула рукой:

— На третьем этаже вы найдете Изольду. Она первая обнаружила самоубийцу. Ступай-те же туда, господин полицейский!

Выжигин думал было услышать напоследок «И да хранит вас Бог!», но эта фраза не прозвучала лишь потому, что в публичном доме, как видно, упоминание имени Всевышнего находилось под запретом.

Когда поднимались наверх, Выжигин, весь трепеща от встречи с чем-то важным, тихо спросил у Остапова, мрачного и неразговорчивого:

— Хотите на империял поспорим, что в спальне мы снова найдем одежду какого-нибудь купца или даже циркового клоуна?

— Не буду с вами спорить! — зло ответил Остапов и провел ребром ладони по горлу: — Вот они где уже сидят, купцы и клоуны ваши! Ей-ей, медвежатников легче ловить было!

— А что же вы в сыскную полицию подались? — был возбужден и радостен Степан Андреевич. — Служили бы себе в общей или в городских постовых. Вы мужчина видный!

В коридоре на третьем этаже стайкой стояли женщины. Было тихо, как в утренний час на каком-нибудь сельском кладбище.

— Барышни, мы из сыскной полиции, — обратился к ним Выжигин, подойдя поближе. — Кто из вас Изольда будет?

Не выходя вперед, продолжая держать руки скрещенными на груди, угрюмо отвечала огненно-рыжая девица с нарисованными родинками на лице:

— Ну, я Изольда.

— Покажите нам место происшествия и расскажите поподробней, что вы увидели.

Женщина вдруг визгливо вскрикнула, взмахнув руками:

— А вы зайдите-ка сюда и все увидите! Все как было, так и осталось на своих местах! Ничего не трогали! Ни-ни!

Она в два прыжка оказалась рядом с дверью, возле которой и толпились женщины, с силой ударила по ней так, что дверь распахнулась настежь.

— Входи, легавый! — изогнулась она в издевательски вежливом поклоне. — Глянь, как нашу сестру, что вас за пятерку ублажает, бьет насмерть уже третий день зверь какой-то! А поглядишь и вернешься к своим начальникам, скажи им — пущай дома хоть на неделю закроют! Не закроете, сами мы закроемся и ни одну рожу усатую к нам не допустим! Ну, входи же!

Выжигин вошел. Следом за ним — Остапов. Они оказались в полной темноте, и только бледный свет уличного фонаря осел неяркой фосфорической пылью на выступах мебели. Но Остапов, пошарив рукою по стене, нащупал электрический выключатель, и комната мгновенно потеряла прежний спокойно-таинственный вид, превратившись в похабное по облику жилище проститутки. Только высокая резная спинка кровати, сборчатые «французские» шторы на окне да большой дубовый шкаф выделяли эту спальню из ряда виденных Выжигиным прежде «келий» проституток.

Выжигин и Остапов подошли к кровати. Да, на ней кто-то лежал, только одеяло и положенная на голову подушка не позволяли видеть лежащего. Отчего-то робея, Степан Андреевич осторожно стал снимать подушку с головы, и тотчас обнажилось лицо женщины с широко раскрытым ртом. По-заячьи обнаженные зубы сжали никелированный ствол небольшого револьвера, засунутый в рот до самого барабана. Убрав подушку совсем, Выжигин увидел, что волосы на затылке мертвой представляют собою спекшуюся засохшей кровью массу. Он

немного отбросил одеяло книзу, увидел руку женщины, зажавшую револьвер. Большой палец был просунут в скобу и лежал на спусковом крючке.

— И теперь будете утверждать, что ее убили? — с плохо скрываемым ехидством спросил Остапов очень тихо, почти на ухо.

— Почему бы и нет? — скорее из желания возразить Остапову, чем на самом деле веря в это, сказал Выжигин. — Чтобы убить, можно воспользоваться и рукою жертвы, скажем, когда она находится в бессознательном состоянии. Добавить в вино побольше морфины, а потом засунуть в раскрытый рот ствол револьвера, предварительно зажатого в беспомощно вялой руке.

— Все может быть, все может! — усмехнулся Остапов. — Да только выкрутасы такие выдумывать-то зачем?

— А без одежды потом зачем уходить? — спросил в свою очередь Выжигин, подходя к стулу, на котором ворохом была навалена мужская одежда. Он сразу же разглядел петлицы студенческого мундира синего сукна, и тут одна мысль явилась неожиданно и очень кстати.

— А скажите, Остапов, если бы вы пришли в публичный дом, зная даже, что, уходя отсюда, оставите в спальне свою прежнюю одежду, стали бы вы, раздеваясь перед тем, как забраться в постель к женщине, бросать ее на стул как попало?

Остапов осклабился широко и откровенно насмешливо:

— Эх вы как кудряво закрутили, Степан Андреич! А если я очинно быстро в постель хочу забраться да еще и знаю, что одежда мне не понадобится, отчего бы и не кинуть как попало?

— А я иначе думаю, хотя и ваш вариант вполне разумен. И не пытался забраться к женщине в постель наш очень странный посетитель. Не за тем приходил, а чтобы только убить. А потом, когда ему уже одежда на нужна была, он ее так и снимал, бросая.

— Может быть и так, — холодно заметил Остапов, которого уж стало допекать словомудрие, как он считал, Выжигина.

А сам Степан Андреевич, отдав врачу и фотографу команду заняться телом, уже знал, что делать. В первую очередь он нагнулся, чтобы найти сапоги или ботинки курьезного посетителя борделей, а в том, что во всех трех домах был один и тот же человек, Выжигин не сомневался. На коже сапог он хотел найти отпечатки пальцев, чтобы с их помощью уверить начальство, а потом, если понадобится, и суд, что по крайней мере убийцей двух женщин была одна и та же персона.

Выжигин изумился, не найдя обуви мужчины. Это разрушало в какой-то мере четкий ритм повторяемости событий. Потом Выжигин со своим портфелем эксперта направился к дубовому шкафу, дверца которого была чуть-чуть приоткрыта. Он жалел, что в публичном доме на Курляндской не снял отпечатки пальцев с ручки шкафа, из которого пропали вещи Кати Вирской, жалел и о том, что не поискал отпе-

чатков на ручке двери, выходящей на задний двор. Теперь это упущение исправлялось.

Ручка была точеной, деревянной, а поэтому Выжигин достал баночку с графитовой пылью и осторожно нанес ее кистью на полированную поверхность. Присмотрелся — на самом деле, отпечатки проявились хорошо. Отдав команду фотографу заснять ручку, Выжигин вышел в коридор и подозвал Изольду.

— Вас, сударыня, простите, как при рождении назвали? — спросил он, глядя на рыжую девицу.

— Матреной, — пробасила проститутка немного виновато.

— Ну так расскажи мне, Матрена, как обнаружила ты тело своей товарки? Да и как ее зовут, скажи...

— Звали ее по заведению Мюзетта, а так — Татьяной. Нашла я ее, когда решила заглянуть к ней в спальню — давно не видала, соскучилась. Дверь была открыта, голову просунула, темно, но не слышно, чтоб посетитель был у ней. А сама приглядываюсь и вижу — лежит на кровати кто-то, да не отвечает. Свет зажгла, снова позвала — не встает. Тихонько так к ней подошла, вначале рукой потрясла, а уж когда подушку-то приподняла, так благим матом и заорала. Что со мной было, ахти! Вопила, по полу каталась — напужалась очинно, так ведь и Таньку-то как жалко было!

Матрена разинула рот, видно, желая снова заорать, но Выжигин не дал ей такой возможности, пригласил пройти в спальню, подвел к шкафу.

— Ну, ты, Матрена, наверное, все платья знаешь, которые Татьяна носила. Взгляни, все ли на местах?

— Что ж, посмотрю. У нас в заведении, если у кого какая обновка, сразу наряжается и такой наряжой полдня ходит, всем на зависть.

Похоже, Матрена на самом деле была осведомлена о составе гардероба своей подруги по заведению. Пробежав пальцами по рукавам висевших платьев, жакетов, салопчиков, шушунчиков, женщина твердо сказала:

— Сиреневого платья с фестонами не нахожу, макинтошика горохового нет, а еще шляпки в виде казанка такого — мы еще над Танькою смеялись.

— А туфли, боты, ботинки все на месте? — быстро спросил Выжигин.

Матрена наклонилась к ящику, где находилась обувь, пошуровала в нем.

— Вроде все на месте, — выпрямилась и потерла руку об руку, стряхивая пыль.

Женщина вдруг резко повернулась в сторону кровати и замерла в оцепенении, глядя на обнаженную мертвую подругу, над которой хлопотал Вукол Кузьмич.

— Он ее убил! Не она сама! — с необыкновенным ожесточением проговорила женщина. — Он завтра в другой публичный дом придет, мы знаем! Закрыть нас надо, хоть на неделю!

Выжигин вывел колотящуюся в сильном нервном ознобе женщину в коридор и там спросил:

— А видал кто-нибудь из твоих подруг того... мужчину?

— Да, видели, но мельком — студент какой-то вроде.

— Он что же, искал Татьяну? Спрашивал ее? Просил показать?

— Нет, говорят, тихонько присел за стол и альбом смотреть стал с нашими снимками, а потом сразу подошел к Татьяне, и они ушли.

— Значит, он просто выбрал ту, что ему понравилась уже на фото?

— Не знаю, выходит, так, — уже с остервенением вытолкнула из себя Матрена. — Хотя он будто спросил у Таньки что-то, поговорили вроде даже, а потом ушли. Молодой такой, красивый...

— А у Татьяны не было желания себя убить? Не жаловалась на судьбу?

— Как не жаловалась! — зло хмыкнула Матрена. — Все мы тут жалуемся, все плачем, только у каждой свои болячки были. Танька и вовсе с придурью была — из благородных! Все семью свою да барский дом забыть не могла — разорились, что ли, в пух и прах? Однажды Фидельше, хозяйке нашей, так сказала: «Вы, говорит, грязная сводня! Таких, как вы, мой папенька бы дальше кухни в своем доме не пустил!»

— И что же хозяйка? — внутренне содрогнулся Выжигин, узнав о дворянском звании женщины.

— А эта стерва так ее решила наказать — посетителей тридцать в течение трех дней через нее пропустила. Еле откачали потом.

— Хорошо, иди, Матрена, — отпустил проститутку Выжигин, а сам прошел в спальню.

— Степан Андреич, — подошел к нему улыбавшийся чему-то Остапов, — а понял я, почему сапог нету. — Городовой держал в руках дамский башмачок для сырой погоды. — Посмотрите, ножка-то у убитой такая маленькая, как у девчонки малой! А?

На самом деле — ботинок был почти детским, Выжигин повертел его в руках и с благодарной улыбкой сказал Остапову:

— Спасибо за дельную подсказку. А все-таки допустим то, что человек, оставивший во всех трех случаях одежду в спальне, мог уйти в одежде проститутки?

Остапов нехотя пожал плечами:

— Иного ничего не получается. Только начальник отделения все эти рассказы о переодевающемся посетителе-убийце ни за что не примет. В камере сидит...

— Знаю я, кто в камере сидит, — перебил Остапова Выжигин. — Вы сейчас идите да спросите хорошенько служителей борделя о том, что внизу случилось. Кто швейцара застрелил? Не тот ли, кто из этой спальни в женском платье уходил?

Взяв необходимые для дактилоскопии принадлежности, Выжигин снова вышел в коридор. Ни у кого не спрашивая, сам нашел дорогу к черному входу, ведущему на задний двор, и стал спускаться вниз. В публичном дома было тихо. Не было слышно ни звуков музыки, ни пьяных возгласов посетителей. Всем, по-видимому, велели удалиться из заведения, когда

нашли мертвые тела. Только две обитательницы борделя встретились Выжигину на лестнице, и он заметил, как отшатнулись они от него, видя, наверное, в каждом мужчине скрытую опасность.

Везде имелись электрические лампочки, а поэтому добраться до двери, за которой был задний, хозяйственный или, как еще говорили в городах, черный двор, оказалось делом двух минут. Нет, не простая задвижка, как это было в доме на Курляндской, а замок, тяжелый и надежный, скреплял толстые железные петли двери и косяка.

«Понятно, почему убит швейцар», — подумал про себя Выжигин и, гася за собой свет, пошел в сторону «парадных» залов публичного дома.

Возле неприкрытого скатертью тела швейцара стояли мальчик-городовой в башлыке, Остапов и какой-то тип в белом фартуке с пропитой рожей, державший в руке стакан и салфетку, которой он без устали тер внутренность стакана.

— Так вот, Степан Андреич, интересно как получается! — воскликнул Остапов при появлении Выжигина. — Этот господинчик, буфетчик здешний, можно сказать, своими глазами нашего шута горохового видел! Пусть вам сам расскажет!

Человек с пропитым лицом, продолжая свое вечное движение руками, заговорил веско, с чувством достоинства, понимая важность своих показаний:

— Так, значит, это дело так происходило. Стою я это, значит, за буфетной стойкой — са-

ми видите, с ее стороны и гардероб, и парадный вход видать. Тут посетители за столиками пьют лафит с барышнями, а я своими делами занимаюсь. Вдруг слышу голос швейцара нашего, Семен Иваныча, — вот он перед вами. Царство Божие ему. А говорит он так, гневливо сильно: «Кто такая? Откуда? Новенькая? Куды поперлась на ночь глядя?» Глянул я от стойки — что за шум? Посетители тоже головы повернули, смотрят. А вижу я, что какая-то то ли девка, то ли баба стоит перед Семен Иванычем и будто хочет мимо него пройти.

— Как одета она была? Заметил? — взволнованно спросил Выжигин.

— Да пальтуха на ней такая зеленоватая была иль плащик — широкий, длинный, шляпец какой-то на головке... — Буфетчик пожал плечами, а стакан и салфетка в его руках так и плясали.

— Ну, дальше продолжай, — потребовал Степан Андреевич.

— А дальше вот что было. Хлопок раздался, будто из бутылки шампанского пробка вылетела. Наш Семен Иваныч ойкнул, зашатался, взмахнул руками да на спину-то и повалился, а девка та или баба — не знаю — в дверь юрк, да и видали мы ее только.

Тут голос подал Остапов:

— Да точно ль девка или баба? Ты ж ее с лица не видел?

Буфетчик удивился. Даже руки его перестали двигаться.

— Позвольте, господин хороший, а одежда? А слова Семен Иваныча? Все ясно говорит

о том, что особа та женского полу была, и никаких тут сомнений быть не может.

— А кто-нибудь пытался задержать ее? — спросил Выжигин. — Ведь это она стреляла?

— И тут сомнений не найдется, — солидно сказал буфетчик. — Хотя я и не видел револьверта, но никому иному в положении таком в Семен Иваныча не стрельнуть, да и зачем стрелять кому иному? А что касается погони, то так скажу: я человек больной, мне еще из-за стойки вылезать пришлось бы. А господа, что сидели за столами, конечно, повскакали с мест, к упавшему Семен Иванычу подбежали, но на улицу никто не вышел. Да и зачем? И я бы на их месте суетиться бы не стал. На то есть полиция, городовые и даже конная стража. На конях бы им сподручно было захватить ту девку или бабу — не знаю, — а нам к чему морока лишняя?

Смятенный, взволнованный, убитый, но и окрыленный отошел Выжигин от буфетчика. Напоследок он лишь хотел поговорить с хозяйкой дома. Оказалось, что Мария Павловна Фиделли, не имея на сердце камня, уже заснула, как сказали проститутки, в своих апартаментах, но Выжигин теперь без всякого труда справился с издержками привитого в семье, в корпусе и в полку воспитания, а поэтому громкий стук в дверь разбудил хозяйку быстро. Она вышла в коридор в роскошном пеньюаре и в чепце, и Выжигин строго ей сказал:

— Потрудитесь-ка, сударыня, припомнить: не принимались ли в последнее время в ваше заведение новые девицы?

— Нет, что вы! У нас ведь полный штат, мои барышни не болеют и не собираются покидать одно из лучших заведений Петербурга. Им здесь так хорошо!

— А этой самоубийце, Мюзетте, тоже хорошо было? — точил Выжигин женщину сталью взгляда. — Не вы ли ее в течение трех дней когда-то через тридцать мужчин за некую провинность, вернее за дерзость, пропустили? Или под суд захотели, сударыня? Не в инструкции ли, данной заведениям такого сорта, говорится владелицам, чтобы не смели утомлять публичных женщин чрезмерными встречами с посетителями?

— Да, такая инструкция имеется, и я строго слежу за исполнением ее статей. А Мюзетта, знали бы, сама была горячего характера. Она была как животное, как какая-нибудь собака женского пола, не буду произносить грубое слово, ей все мало было!

— Вы знали, что она — дворянка?

— Ха-ха! Дворянка! Дворянки, голубчик вы мой, сидят со своими мужьями и пьют чай, ходят на балы и катаются в колясках. В публичном дома нет ни дворянок, ни мещанок, ни купчих — одни лишь проститутки, у которых не имеется даже паспорта — только желтый билет! Да, эти женщины как бы люди, но они люди лишь наполовину!

Выжигин слушал уверенную, самодовольную речь Фиделли со все нарастающей ненавистью. Впервые в жизни, совершенно не думая о приличиях, о возможности кого-то

обидеть, он прошептал, придвигая свое лицо почти вплотную к лицу женщины:

— Мерзость! Не будь ты бабой, я бы задушил тебя вот этими руками!

И потряс перед глазами Фиделли дрожащими от напряжения пальцами. Когда он резко развернулся и пошел к лестнице, то услышал брошенное вослед:

— Я вам этого так не оставлю! Вы не знаете, какие у меня есть знакомства!

Но он не обернулся.

ВОЛОКИТА

И эту ночь, вернее последние предутренние часы, Выжигин провел на жестком кожаном диване в здании участка. Но он не спал. Голова была полна обрывками мыслей, еще неясных суждений, воспоминаний о пережитом дне. Сомский с его убежденностью в том, что большинство женщин носят в себе зерна проституции, Даша с наговором на себя, бессмысленным с точки зрения логики, встреча с панельной проституткой Ольгой, подарившей Выжигину час острых, давно не испытываемых наслаждений, о которых было стыдно вспоминать, особенно перед близкой встречей с Катей. А потом — как заключительный аккорд — приезд в публичный дом на Васильевский.

Он вдруг понял то, что убийцей или человеком, вынуждавшим проститутку совершить самоубийство, была женщина. Нет, он и не пытался сейчас вдаваться в мотивы ее действий — все это он потом проделал бы с Сомским. Сейчас он связывал в один-единственный узел обрывки нитей материальной стороны дела. Представлял в воображении

обряженную в мужскую одежду женщину, каким-то неизвестным пока образом выведавшую имена нужных ей девиц, когда-то бывших дворянками, но потом по какой-то причине ставших проститутками. Он еще не знал наверняка, уходила ли эта страшная женщина из дома на Екатеринославской в женской одежде и была ли дворянкой Елена Зарызина, но был почти уверен в этом.

Воссоздав кое-как образ действий убийцы до прихода в спальню вместе с жертвой, Выжигин стал рисовать картину поведения ряженой женщины во время уединения с той, которая должна была умереть. «Ну, положим, — говорил он сам себе, — относительно легко засунуть голову в петлю или вложить в рот ствол револьвера. Потом движение ногой, нажатие пальцем на спуск dokonчат начатое. Но как можно убить себя кинжалом, не имея к тому никакого желания еще за полчаса до этого? Неужели преступница обладала такой огромной силой внушения? Наверняка! А потом требовалась лишь помощь, поддержка!»

Вдруг на память пришла найденная в коридоре публичного дома подвязка с пятнами крови, и внезапное озарение осветило сознание Выжигина: «Так вот в чем дело! Убийца помогала Елене Зарызиной вогнать в грудь кинжал, поэтому и пальцы ее были окровавлены! Потом, одеваясь, она испачкала подвязку, которая, возможно, будучи велика, соскочила в коридоре с ноги убийцы, и некогда да и незачем ее было поднимать! Только бы Да-

ша сказала ему сегодня, что из шкафа зарезанной женщины пропала ее одежда!»

Выжигин встал со своего ложа в шесть утра. Сыскное отделение по ночам пустовало, а около семи должны были появиться чины полиции, начальник же приезжал к девяти. Нужно было успеть. Выжигин знал, где хранились вещи, служившие вещественными доказательствами при расследовании убийств. Зажег свет и достал одежду чиновника-путейца, наряд купца, а потом и мундир студента, привезенный в участок им лично. Сейчас он сделал то, до чего не додумался раньше. Сравнил длину рукавов и порчин на всех трех костюмах, осмотрев предварительно места подгибов. Все вещи носили следы подгонки под какой-то определенный рост, рост преступницы, которая, имея женское, особое отношение к платью, не позволила себе прийти в наряде, не соответствующем ее росту. Тем самым Выжигин получал наглядное доказательство того, что во всех трех убийствах-самоубийствах было замешано одно лицо. Кроме того, теперь можно было представить рост той странной и страшной женщины — обычный средний женский.

Закончив с одеждой, Выжигин сел писать отчет обо всем, что увидела и выполнила на месте происшествия его группа. Здесь он позволил себе предположить, кем мог быть преступник, а также предположительно охарактеризовал мотивы его действий. Но и на этом он не остановился, а вкратце наметил меры по поимке преступницы. Главным, писал он, являет-

ся определить, из какого источника почерпнула убийца свои сведения о том, что в таком-то доме содержится проститутка-дворянка, а также ее имя, как настоящее, так и являющееся кличкой или псевдонимом, непременно получаемым при поступлении в заведение. Выжигин был уверен, что, обнаружив информатора, а им должен был быть один из чинов паспортного отдела городской полиции, где хранились отобранные у вступавших в дом женщин их документы, можно будет отыскать и убийцу. Еще Выжигин рекомендовал закрыть на некоторое время все публичные дома Петербурга, чтобы постараться за это время закончить дело.

Фотограф, как и обещал, пришел в восемь, и Выжигин сразу бросился к нему:

— Ну что, успели?!

— Как вы просили, — порывся в портфеле заспанный фотограф, обещавший Выжигину изготовить снимки отпечатков пальцев, которые Степан Андреевич обнаружил на ручке шкафа. — Получите.

Даже не поблагодарив мастера, Выжигин кинулся в архив, разыскал фото обнаруженных на сапоге «чиновника» отпечатков пальцев, сел за стол и принялся сличать и даже вскрикнул от восторга, когда понял, что к сапогу и ручке прикасался один и тот же человек. Пожалуй, именно в этот радостный момент Выжигин понял, что работа в сыске завлекла его, пленила, и ни о чем другом теперь он даже и помышлять не будет.

Было начало девятого, и Выжигин, надев пальто, побежал к главному зданию части, где

располагались камеры для временно задержанных, а также отделение, куда на ночь свозились при помощи городских и дворников пьяные, валявшиеся по улицам в бесчувственном состоянии. Именно к дверям такой камеры вначале и направился Выжигин. Он показал служебное удостоверение дежурившему полицейскому и попросил подобрать какого-нибудь уже успевшего отрезвиться любителя спиртного, но чтобы тот имел вид поприличней. Скоро полицейский вывел в дежурку плечистого малого, фабричного рабочего, судя по одежде. Выжигин тут же отвел его в сторонку и заговорил:

- Приятель, ты на часы смотрел?
- Нет, а что такое? — испугался парень.
- Ты ведь, я понимаю, заводской?
- Заводской я, точно, — закивал рабочий,

лишь недавно пришедший в себя со вчерашнего перепоя. Было видно, что ему очень нездоровится.

— Так ведь на работу ты уже опоздал, родимый, а я тебе помогу, если одну услугу мне окажешь. Или хочешь, чтобы тебя уволили?

Было видно, что на заводе, где работал парень, порядки были строгие, потому что рабочий скривился и замотал головой:

— Не хочу, господин полицейский! Помогите!

— Ладно, из участка к директору письмо получишь — мы-де задержали, для собственных нужд. А ты вот что подтвердишь, когда я сейчас одну девицу приведу сюда. Только знай, что все это как бы в шутку, вины же за тобой нет совсем...

Через пять минут Выжигин с заводчанином зашли в коридор, где были камеры для временно задержанных, мужчины слева, а женский пол — справа. Надзиратель здесь имелся один на всех, ему-то строго и приказал Выжигин, показав служебную книжку:

— Задержанную Челнокову выведи из камеры минут на десять.

— На то особое разрешение нужно. Не могу! — был непоколебим надзиратель, награжденный природой крепкой, как дубовый комель, статью.

— Братец, — достал Выжигин из кармана «синенькую», — на десять-то минут всего. А то ведь можно и места своего лишиться. Я бы разрешение принес, да долго больно за ним ходить. Ты же рядом здесь постой — не убежит.

Аргументы служителя сыскной полиции, с которой полиция общая ссориться очень не любила, оказались достаточными для того, чтобы обитая железом дверь камеры через минуту распахнулась.

— Челнокова, есть такая? — прогудел надзиратель в зловонную темную пасть камеры. — Выходи!

Даша появилась через несколько секунд. Увидела Выжигина и испугалась. Он шагнул к ней, приветливо сказал:

— Ну, здравствуй. А я к тебе с претензией. Зачем же поклепы на себя возводишь?

Лицо Даши от испуга стало серым, губы затряслись:

— Я не возводила...

А Выжигин, дернув парня за рукав, поставил его напротив девушки:

— Поймали мы убийцу. Вот кто Ленку Зарызину ножом проткнул! — и, обращаясь к парню, потребовал: — Ну, говори! Ты девку публичную зарезал?

— Я это... — как бы нехотя промолвил парень.

— А зачем же такое сотворил?

— Пьяный был, в беспамятстве. Потом в окно убег, как был, голым, — без запинки ответил заводчанин, затвердив то, что велел ему сказать Выжигин.

— Ладно, постой в сторонке, — приказал Выжигин, а сам нагнулся к уху Даши: — Нехорошо полицию обманывать. Зачем же сделала такое, Даша?

Девушка вначале стояла, глаза потупив и тяжело дыша, а потом сказала:

— Жить в публичном доме больше не могла! Лучше каторга, решила, чем проституткой стану! Меня хозяйка заставляла к мужчинам выходить, а убежать не могла — паспорт у меня отобрали. Господа Бога молила, только бы избавил меня от этой доли — с мужчинами спать. Вот и позвонила по телефону, который вы мне дали. Наговорить на себя решила. Пусть бы каторга была...

И Даша зарыдала, а Выжигин смотрел на плачущую девушку и вспоминал невольно князя, его слова о легкости, с которой женщина может за деньги отдаваться.

— Больше к Афендик не пойдешь, — сказал Выжигин наконец. — Я тебя в другое устрою

место, к князю одному. Будешь у него в горничных служить. Только, когда за тобой пришлют и ты снова перед вчерашним полицейским начальником встанешь, от показаний своих откажись решительно. Другой есть виновный! И вот что я у тебя спросить еще хочу: Зарызина Елена была дворянкой?

Даша подняла на Выжигина заплаканное лицо и кивнула:

— Да, все знали, была из благородных.

— Ты в шкафу ее смотрела? Пропали какие-нибудь вещи?

— Да, пригляделась я потом. Платье куда-то делось и шерстяной большой платок.

— Ну все, тебе спасибо. Только помни: от показаний сразу откажись!

Даша лишь кивнула, и Выжигин сам подвел ее к двери, ведущей в камеру, зловонную, холодную и темную, где девушке, однако, было лучше, чем в уютном, сытом, теплом заведении госпожи Афендик.

Григорий Фомич Замысловский, начальник сыского отделения второго участка Александр-Невской части, читал рапорт Выжигина долго, подперев подбородок обеими руками, и при этом бакенбарды его постоянно и мелко тряслись. Иногда Замысловский коротко похатывал, и Выжигин, сидевший рядом со столом начальника, мог не сомневаться, что Григорий Фомич не верит ни единому слову рапорта. Наконец Замысловский перестал читать, убрал от лица руки и протяжно сказал:

— Немыслимо! Просто не-мыс-ли-мо! Я двадцать лет служу в полиции, чего только ни видывал за это время, но чтобы случился такой маскарад с переодеваниями, всеми этими фокусами, клоунскими штуками. — нет, не поверю! Главное — зачем женщине ходить каждый вечер в публичный дом, чтобы убить проститутку? Ведь об этом вы ничего не говорите, милейший Степан Андреевич!

— Не говорю, потому что пока и сам не знаю, — глухо ответил Выжигин. — Возможно, мы имеем дело с психически ненормальным человеком, но не наш ли долг остановить его? Уже ясно, что убивает она или принуждает к самоубийству только дворянок, так что же, позволить этому чудовищу в женском обличье отправлять на тот свет каждую ночь по женщине дворянского происхождения, если таковые в городских домах терпимости еще пребывают?

— Нет, вы правы, мы никак не можем этого допустить, но давайте порассуждаем, какие мы к тому имеем способы. Во-первых, вы надеетесь допросом всех чинов паспортных отделов города, где хранятся метрические и прочие документы проституток, определить, кто из них давал нужные сведения убийце. Но, помилуйте, — кто же из чинов вам об этом расскажет?

— Вполне возможно, что чин паспортного отдела и не осознавал весь возможный вред от предоставления таких данных, а поэтому, не ощущая своей вины, чистосердечно признается нам в этом.

— О нет, уважаемый Степан Андреич! — покачал пальцем начальник. — Никто, согласно инструкции, не смеет разглашать паспортных данных, а тем более предоставлять их лицам, к документам граждан касательства не имеющим. Это уже должностное преступление, а посему каждый чин, если уж он согрешил, будет нем как рыба. Итак, сей путь нам следует отвергнуть. И потом, с какой стати я должен разделять вашу теорию? Разве вчера у нас не было повода убедиться в том, что переодевания к убийствам женщин отношения не имеют? Разве не сидит предполагаемая убийца под замком в полицейском доме нашего участка?

— Я разговаривал сегодня с Челноковой, и она призналась, что оговорила себя напрасно, ложно.

— Вот как? Странная перемена. А мне вчера казалось, что она была искренна и убедительна. Впрочем, что можно ждать от продажной шлюхи! Она собирается менять свои показания?

— Да. Дело в том, что особа, которую вы изволите называть шлюхой, решила оговорить себя лишь потому, что именно шлюхой быть не хочет. Ее к тому принуждала хозяйка заведения, и Челнокова не видела иного способа, как позвонить в полицию. Не веря, что освободится от зависимости хозяйки дома, она была готова спрятаться от нее на каторге, лишь бы не стать проституткой.

— Ну это просто роман какой-то сентиментальный! — рассмеялся Замысловский. —

В такое и поверить в наши времена трудно. Впрочем, пусть все подробно опишет. Никто на каторгу волоочь ее не собирается. Все равно градоначальник сделал мне выговор вчера — надеялся, что все утихомирится с обнаружением убийцы, но не тут-то было...

— Не то еще будет, господин начальник отделения! — энергично сказал Выжигин. — Нет сомнений в том, что преступница будет убивать и убивать. Давайте сделаем так — я сейчас же по телефону обзвоню все двенадцать паспортных отделов, и мне уже через час отзвонят, чтобы дать сведения о других проститутках дворянского происхождения!

— Хорошо, такие данные мы получим, верю. Но что же дальше делать?

— Все очень просто! Я уверен, что дворянок не много будет, а поэтому мы устроим дежурства в каждом доме! У нас есть приметы! Следя за каждым посетителем, проходящим с женщиной в ее спальню, мы сумеем задержать убийцу! Не забывайте, у нас есть отпечатки пальцев!

— Право, не представляю, как мы сможем задержать убийцу. Ну, ведет проститутка в свою спальню господина, тут из укрытия выскакиваете вы или вот Остапов, — Остапов, тоже сидевший в кабинете, саркастически хмыкнул, — направляете на подозрительного типа револьвор и говорите: «А расстегните, милостивый государь, свою одежду. Мы хотим проверить, не женщина ли вы». Так, что ли?

И Замысловский громко захохотал, а с ним вместе засмеялся и Остапов. Выжигину же

стало очень стыдно — картина на самом деле выходила прекомичнейшая, а быть автором смешных проектов Степану Андреевичу не хотелось, и он сказал:

— Тогда нужно на некоторое время просто закрыть все публичные дома. Возможно, та ненормальная женщина подвержена какому-нибудь погодному, даже лунному влиянию — я читал об этом. Пройдет ее затмение, и все нормализуется. Ведь не случайно она начала вдруг убивать и убивает день за днем.

Начальник все еще с влажными от смеха глазами сказал уже вполне серьезно:

— Нет, судары! Закрыть публичные дома никто не позволит, а позволение на это может дать только градоначальник! Вы, видно, не представляете, что значит эта клоака для выхода мужской энергии в большом городе. Вам мало одной революции? Получите вторую, еще более страшную. Не будьте легковесны, Степан Андреевич. Давно уж известно, что нормальное функционирование публичных домов — это дело даже более чем государственное — мировое! А ну-ка, попробуйте лишить Петербург отхожих мест, выгребных ям, канализации и прочего и прочего, куда полтора миллиона людей сбрасывают всякого рода отходы. Да нас съест зараза, какая-нибудь чума. Закроете публичные дома — начнутся катаклизмы политического характера, а потом и война всех держав мира. Я не говорю уже об огромных денежных потерях! — и Замысловский снова наставительно поднял вверх палец.

— Ну а предупредить дворянок-проституток мы хотя бы можем? — с надеждой спросил Выжигин.

— Можем, а почему бы и нет? Это даже будет весьма благородно с нашей стороны, только и сию акцию следует проводить очень осторожно, чтобы не довести проституток до паники, а то они, того гляди, откажутся посетителей принимать, что равносильно первой беде — закрытию домов терпимости. Впрочем, займитесь на самом деле выяснением, кто там еще в борделях благородного происхождения. При помощи телефона и впрямь это несложно будет сделать.

Начальник принялся рассматривать фотографические карточки, сделанные во время последнего выезда, и покачал головой:

— Да, но если это баба балует, то шалая особа! И швейцара не пожалела, ухлопала беднягу ни за что ни про что!

Выжигин, обескураженный, опустошенный, уже хотел было идти, но его задержало дребезжание телефонного аппарата, висевшего на стене. Замысловский поднялся, снял трубку, и лицо его приняло почтительное выражение:

— Да, господин обер-полицмейстер, внимательно слушаю вас. Нет, вы, наверное, ошиблись, в моем отдалении не Зажигин, а Выжигин служит полицейским надзирателем. А что случилось? Н-да, н-да, на самом деле нехорошо-с получилось, разберусь непременно, желаю здравствовать многие годы.

И повесил трубку, потом хмурый сел за стол, стал барабанить по нему пальцами.

— Как же так, господин Выжигин, получается? — обратился он к Степану Андреевичу сухо и строго. — Оскорбляете даму, грозите ей физической расправой, чуть ли не убийством, учиняете, короче говоря, форменный дебош, и все это, что особо неприятно, при исполнении служебных обязанностей. Вы догадываетесь, о чем речь?

Выжигин сразу же вспомнил, как тряс перед лицом хозяйки борделя руками, грозя задушить ее, но стыдно при этом ему не стало, а поэтому он сказал равнодушно:

— Признаться, я не ощущаю в себе признаков раскаяния. Госпожа Фиделли, владелица борделя на Васильевском, вынуждала вот эту самую особу, — Выжигин ткнул пальцем в снимок мертвой женщины с револьверным стволом во рту, — принимать по тридцать мужчин в течение трех дней. Такую на нее положили епитимью за дерзость. Говорят, она едва не умерла потом. Так что, не приди в публичный дом наша таинственная дама в мужском костюме, убийцей этой женщины стала бы Фиделли. Интересно, как суд присяжных отнесся бы к нарушению хозяйкой инструкции, где, дословно привожу отрывок, содержательницы борделей подвергаются строгой ответственности за доведение живущих у ней девок до крайнего изнурения неумеренным употреблением? Уверен, что присяжные бы молчали только потому, что до суда это дело не дошло бы.

— Все верно, — сочувственно закивал в общем-то добросердечный, но подверженный влияниям извне Замысловский. — Все эти бан-

дерши сами когда-то были проститутками и, будучи хозяйками, отыгрываются за свой давнишний позор. Но вам, Степан Андреевич, следовало быть сдержанным. Полицмейстер просил меня отстранить вас от ведения дела. Уверен, мы все уладим, но пока прошу вас... просто требую. Не вмешивайтесь ни во что. Впрочем, обзвонить паспортные отделы я вам разрешаю. Будем знать, кто там у нас еще из благородных промышляет древним ремеслом. Я сейчас уйду, а вы можете работать с телефонным аппаратом.

Замысловский на самом деле, натянув шинель, ушел из кабинета, а Остапов, тоже поднявшись, сказал, с сочувствием глядя прямо в глаза Выжигину:

— Ей-ей, Степан Андреич, бросили бы вы гусей дразнить. Сдались вам эти бляди! Да они сотнями, тысячами в Калининской больнице мрут, так чего жалеть этих-то, когда еще и не понятно: сами ли они себя или их кто-то? Тем более, видите, не желает начальство правду знать. Им бы только дома сохранить, чтобы они четко, как молотилка механическая, работали. Ей-богу, подумайте...

Провел рукой по рукаву Выжигина и вышел в коридор.

...Для того чтобы обзвонить все паспортные отделы полицейских частей Петербурга, потребовалось около часа. Возражений со стороны чинов этих подразделений общей полиции не было, потому что оказывать содействие сыскающей полиции в случае необходимости должны были все служащие как общей полиции,

так и корпуса жандармов. Теперь нужно было дождаться ответов, но и они стали поступать довольно быстро, потому что и не требовалось много времени, чтобы просмотреть все отложенные в особый ящик паспорта, метрики и прочие личные документы зачисленных в публичные дома женщин. Звонки следовали один за другим, но звонившие сообщали, что дворянок среди тех, кто отдал паспорта в их отдел, нет. Вскоре, однако, позвонили и назвали фамилию «Вирская», потом сообщили о какой-то Зарызиной, документ Татьяны Поздеевой, найденный в ящике паспортного отдела Васильевской части, тоже оказался в руках того, кто позвонил Выжигину, и вот, когда на листе бумаги, где Выжигин отмечал сообщения, оставались лишь два незачеркнутых названия — Выборгская и Рождественская часть, сообщили, что в публичный дом на Шлиссельбургском проспекте год назад поступила женщина, принадлежавшая к дворянскому сословию, и Выжигин, радуясь чему-то, записал ее фамилию и имя, а также номер дома, где находилось принявшее ее заведение. Последний звонок принес известие, что дворянок, получивших желтый билет, в Рождественской части нет.

Выжигин откинулся на спинку казенного дубового кресла, и все его сознание, сжавшись до размеров какой-то монады, готовый разорваться от напряжения лишь при легком к ней прикосновении, ожидало разрешения, выхода во что-то материальное, в какие-то действия, движения, эмоции. В Петербурге, как свиде-

тельствовали факты, оставалась лишь одна публичная девка-дворянка. Сколько таких осиротевших, обездоленных существ бродило в вечерние и ночные часы по улицам города, трудно было бы и представить, но они не интересовали Выжигина. Ему нужно было решить не только теоретическую задачу, где творцом, вершителем финала являлся он сам, но и задачу гуманистическую — уберечь от смерти ту, которую уже наметили в жертвы, и только он мог ее спасти.

**«НЕ ЗАХОДИТЕ В ЭТУ КОМНАТУ,
МАДАМ!»**

— Я очень рад, очень рад, очень рад, мой милый кузен, что оказался прав, когда говорил вам: это казнь, казнь, казни!

Потирая руки, ходил по гостиной князь Сомский, в то время как Выжигин, так толком и не поевший за последние двенадцать часов, с жадностью уписывал все то, что стояло на княжеском столе. Покончив с бедром зайца и утерев губы, Выжигин сказал:

— Право, я радость вашу не слишком разделяю. Ну, положим, вы правы, но лишь частично. Во-первых, частично потому, что, как человек душевный, вы должны были, по крайней мере, соблюдать сдержанность, хоть и подтвердились отчасти ваши предположения. Во-вторых, если обнаружится, что убийца — существо невменяемое, то какая же казнь? Казнь может быть следствием отлично выработанной, опробованной идеи — это все ваши слова. А тут никакой идеи не будет — одно лишь раздражение чувств, приступ ипохондрии или даже длительный запор. Все это частное, а идея ведь только на общем зиждится. Или не так? Получается, что присутствует только отдельный признак казни.

— Ну, неумняемость, пожалуйста, не рассматривайте как препятствие к реализации идеи, — замахал руками князь. — Я читаю стенографические отчеты речей деятелей Государственной думы и отчетливо вижу признаки неумняемости в тоне, лексике, в духе их высказываний, а уж идей у них хоть отбавляй! Поговорим лучше о конкретике. Как же получилось, что наша фурия ошиблась и ей пришлось убегать не через черный ход, как в первых двух случаях, а пробиваться, штурмуя парадный вход? Неужели не знала, что швейцар ее непременно остановит?

— Возможно, она рассчитывала на черный ход, но он по какой-то причине оказался закрытым. Я сам думал об этом. Фурия, как вы выражаетесь, должна была знать от кого-то расположение помещений во всех домах, а без дополнительного наведения справок не обойтись.

— Не думаю. Почти все питерские дома строятся с парадным и черным ходом, и, видимо, наша убийца попросту попала впросак не по своей вине — вот вдруг кому-то взбрело в голову навесить замок на дверь. Однако какая решительная женщина! Ведь отведи ее швейцар к хозяйке, ей стоило лишь сказать, что она нечаянно вошла в здание, как ее тут же отпустили бы. Так нет же — бабах, и проход открыт! Я восхищен ею, в своем роде конечно! Но вы, кузен, меня просто обрадовали, нет, потрясли рассказом о целомудренной, как Лукреция, Даше! Ну просто потрясающий тип! Это же надо — лучше каторга, чем к посетителям выхо-

дить. Такое сейчас не часто встретишь, да еще в публичном доме!

Выжигин, выдавливая на открытую устрицу сок лимона, сказал:

— Именно потому, что в публичном доме.

— Извините, не понял вашу мысль.

— Ну как же! Присмотрелась Даша к жизни проституток, которая некоторым женщинам, смотрящим на публичный дом со стороны улицы, сытой и беззаботной кажется. Знала, как издеваются над ними посетители, как презирает и тиранит хозяйка, как они одна за другой в больницу с сифилисом отправляются и больше не появляются в доме, вот и не захотела проституткой быть. Я думаю, каждую потенциальную проститутку нужно в публичный дом на пару недель определить — пусть посмотрит. Уверен, проституток у нас меньше будет.

Сомский совсем по-молодому рассмеялся:

— Мысль блестящая! Только как же мы узнаем — кто из женщин потенциальная проститутка? Может быть, всех отроковиц лет с тринадцати в публичный дом на время определять, чтобы наполнить их сердца ужасом? Вот это средство сильным окажется! Впрочем, это все шутки — а вдруг какой-нибудь отроковице, напротив, понравится?

Выжигин, глотая устрицу, поднял вверх палец, а потом сказал:

— Прошу внимания, ваше сиятельство! Я ведь вам про Дашу не просто забавы ради рассказал. Зная ваше добросердечие, я уж ей пообещал, что пристрою ее в горничные к одному князю. Я вас имел в виду. Возьмете?

Сомский сделал серьезное лицо, подергал себя за бакенбард и сказал:

— А почему бы, собственно, и нет? Моя Домна Никитична давно уже просится к сыну, в Лугу, так и пусть ваша Лукреция займет ее место, если высокие ее добродетели не будут попораны пагубной страстью к моему столовому серебру.

— Уверен, что ваше серебро останется на месте. Я сам поручусь за Дашу.

— Ну, тогда пришлите мне ее. А сейчас, милый кузен, расскажите, что вы намерены делать с нашей фурией? Собираетесь расставить ей сети?

— Непременно, и уже сегодня вечером. Приманка есть: Наталья Срезневская, проститутка публичного дома на Шлиссельбургском проспекте. Я убежден, что фурия, будем так называть убийцу, следуя своему правилу, придет сегодня туда, чтобы закончить начатое. Я вообще полагаю, что малое количество дворянок, всего четыре души, и подтолкнуло ее к этой кошмарной операции. Будь их двадцать, тридцать, взяла бы она на себя такой грех, да и тяжкую работу, опасную причем? А тут подумала, наверно: «С четырьмя расправляюсь, выкошу сорняки, а потом уж замолю грех!»

— А, так вы полагаете, неизвестная из идейных соображений на убийства пошла? Но откуда вам знать, какого происхождения она сама? Почему сорняки? Может быть, фурия мещанка и, напротив, ненавидя дворянок, убивает их?

— Ну уж здесь я с вами не соглашусь, князь! Если бы она была мещанкой, то падение дворя-

нок, наоборот, доставляло бы ей наслаждение. Но я продолжу рассказ о своих сегодняшних намерениях. Итак, я приду в публичный дом, разыщу Наталью Срезневскую и попытаюсь убедить ее не выходить сегодня к гостям совсем.

— Позвольте, а почему бы вам вообще не увезти ее из борделя? — тая ехидство в углах губ, спросил Сомский. — Обвенчааетесь с этой падшей дворянкой, спасете ее не только тело, но и душу, купите ей швейную машинку, приобщите к труду. Сейчас многие так делают. А что, хороша будет пара: бывшая проститутка и полицейский!

Сомский, довольный остроотой, залиvisto расхохотался, но Выжигин нахмурился:

— Иногда, ваше сиятельство, вы переходите в шутках всякие границы!

Увидев, что на самом деле переборщил, Сомский испуганно заговорил:

— Ах, ну простите покорно выжившего из ума старика, кузен. Я хотел остановиться лишь на увозе девицы из дома в какое-нибудь укрытие, хоть в полицейский участок, а язык, враг мой, так и понес, так и понес! Ну, продолжайте!

— Я не хочу увозить Наталью Срезневскую только потому, что мне нужно с ее помощью поймать убийцу! И сегодня я попытаюсь это сделать! Уверен, что фурия закончит сегодня свой страшный цикл!

— Вы надеетесь узнать ее? — с сомнением в голосе спросил князь. — Но ведь я понял, что она ловко переодевается и даже гримируется. Помните купца с красным, как кирпич, лицом? А если она снова бороду наденет?

— Я попробую договориться с этой Натальей, предупрежу ее. Ей-то не трудно будет узнать, кто пришел: женщина или мужчина. Она даст мне знак, я вбегу в спальню. Наверняка у фурии будет иметься орудие убийства, да пусть даже его не будет, все равно схвачу и надену наручники!

— Опасное предприятие! Эта женщина не любит, когда кто-либо встает на ее пути. Выстрел из револьвера — и я лишаюсь своего милого кузена и... наследника. Не взять ли вам кого-нибудь на подмогу?

— Официально я не могу этого сделать. От следствия меня отстранили, я вам говорил, а приглашать частного сыщика не хочу, да и денег нет на это.

— Ну, денег бы я вам дал. А хотите, я с вами пойду? У меня есть прекрасные ружья. Впрочем, еще один план явился: вам лучше всего забраться под кровать этой Натальи, и когда фурия придет в спальню и приступит к своему черному делу, вам все станет понятно сразу, вы вылезете...

Выжигин поднялся из-за стола. На лице его была написана досада.

— Князь, извините, мне сегодня не до шуток, ей-богу. Сегодня многое должно решиться — оборвется ли еще одна человеческая жизнь, буду ли я уважать самого себя, останусь ли я служить в полиции — многое. Я должен откланяться. Мне еще нужно подготовиться, собраться.

Сомский тоже встал, подошел к Выжигину и трижды поцеловал его. На глазах старика блеснули слезы.

— Степан Андреич, я ведь шутил не ради шутки только. Я чувствовал, как вам нелегко, и мне просто хотелось подбодрить вас как-то. Вы умный, смелый и, главное, очень благородный, а еще — очень добрый человек. Все у вас получится в жизни. Да и уже получилось. А скажите... — он замедлился, — Катерина Урюпина когда же возвращается?

Выжигин невольно вздрогнул. Вопрос князя показался ему и неожиданным, и неуместным.

— На днях, — ответил он. — А, простите, почему вам интересно?

— Да так, знаете ли, мне это, собственно, и ни к чему. Просто вам хотел напомнить, что есть человек, который вас любит не меньше, чем я. Вот и все...

Выжигин с благодарностью посмотрел на князя, коротко поклонился и пошел в прихожую.

Приехав домой, на Колокольную, он сразу же стал собираться. Осмотрел револьвер Нагана обычного армейского образца, казенное оружие сыщика, надел подмышечную кобуру и надежно вложил в нее оружие, на пояс, сзади, прикрепил легкие наручники, которые был обязан всегда иметь с собой на службе. Надев пиджак, сыпанул в карман горсть патронов, но, вспомнив, что убийца, ради поимки которого он и отправлялся сейчас на Шлиссельбургский, женщина, досадливо усмехнулся и выгреб из кармана патроны. В восемь часов вечера он уже выходил на улицу, чтобы успеть за полчаса добраться до публичного дома. Выжигин помнил, что «фурия» всегда появлялась

в борделях между девятью и десятью часами, и ему требовался час до ее прихода, чтобы успеть подготовиться к ее встрече.

Сидя в пролетке легкового извозчика, проехал по Невскому, миновал Лавру. Было уже совсем темно, и только редкие в этом районе фонари освещали дорогу. Вдали показались огни башен элеватора недавно построенной мельницы, извозчик въезжал на Шлиссельбургский проспект, который со всех сторон обступили многочисленные заводы и фабрики. Выжигин был уверен, что и посетителями заведения, куда ехал он сейчас, являлись рабочие да всякий шалый люд, обитавший в трущобах. Бродяги, профессиональные «стрелки», воры, хулиганы.

— Эй, братцы, а не знаете ли, где тут заведение публичное Ковальчук Настасьи? — спросил Выжигин у двух прохожих, шедших нетвердой поступью. Судя по одежде — мастеровые.

— Это бардак-то здешний? — уточнил один из них.

— Ну да, публичный дом, — стыдясь своего вопроса, подтвердил Выжигин.

— А это, господин хороший, дальше поезжай, вон до той фабрички, потом маленько повероти к Неве, в проулок, там и увидишь. Только, извини покорно, зря ты в такое место едешь. Там по ночам нехороший народ собирается — всякие темные личности. Им зарезать человека что сморкнуться.

— Надо мне туда, по делу; — словно оправдываясь, сказал Выжигин.

— Ну, а коль надо, так поезжай! — рассмеялся мастеровой. — Счастливой тебе дороги да и веселого вечера!

Он прибавил еще короткую жгуче скабрезную фразу, и оба прохожих захохотали, а Выжигин велел извозчику ехать, а у самого уж ныла душа от недоброго предчувствия.

Оказалось, что заведение Ковальчук помещается в деревянном доме, похожем на подкову, если сверху посмотреть. К двухэтажному центральному корпусу с колоннами примыкали одноэтажные флигеля, у входа горел фонарь, и Выжигин издали заметил, что здание старое, ветхое, покривившееся, вот-вот готовое упасть. Еще не подъехав ко входу, услышал Выжигин бойкие переборы гармонь, топот ног, отбивавших такт в какой-то лихой пляске, разгульную пьяную песню и жеребьячий гогот гуляк.

— Эх, барин, — заметил извозчик, принимая от Выжигина полтинник, — не ходили б вы туда. На самом деле, издали слышно, что фартовые тут люди. Да и городского не докличешься, коли помощь востребуется.

— Что делать, браток! — соскакивая с пролетки, сказал Выжигин, подбадривая сам себя веселым тоном. — Служба у меня такая!

Извозчик покачал головой и хлестнул кнутом по крупу лошади, спеша побыстрее уехать от нехорошего места, а Степан Андреевич направился ко входу, ловя себя на том, что уже жалеет о своем приезде в этот притон, где он к тому же обязан соблюдать инкогнито, потому что, Выжигин был уверен, слух о том, что в бор-

дель пришел полицейский, непременно бы разнесся по всем его уголкам, достиг бы ушей «фуррии», спугнул бы ее. Выжигин не знал, как он выяснит, кто из проституток носил до поступления в публичный дом имя «Наталья Срезневская» — товарки могли и не знать его, обращаясь к ней по имени, присвоенному при поступлении в бордель. Именно поэтому, открывая тяжелую филенчатую дверь бывшего барского особняка, Степан Андреевич испытывал чувство недовольства собой, но не страх, а скорее ощущение неопределенности наполняло его в эту минуту.

Ни швейцара, ни гардероба Выжигин в вестибюле не нашел. На вешалке, прибитой к стене, висела одежда посетителей, и Выжигин догадался, что пришедшие в бордель раздеваются сами. Очень сомневаясь в том, что найдет потом свое пальто, Степан Андреевич разделся и вошел в зал, являвшийся когда-то то ли парадным, то ли танцевальным залом прежних хозяев дома, чьи кости уж давно истлели где-нибудь в Лавре или на Охтинском кладбище. По шуму он догадывался, что в борделе царит разгул, пьяная гульба, но увиденная им картина превзошла все ожидания. За десятью столами сидели двадцать-тридцать молодых, затертая, засаленная одежда которых тотчас выдавала, к какому слою общества принадлежат гуляки. Нет, здесь не было пиджаков и кофевороток, столь любимых заводским людом. Костюмы собравшихся в этом месте людей были выбраны ими, чтобы создать иллюзию принадлежности к хорошему обществу, многие

даже обвязали свои шеи галстуками, но все во внешности этих людей носило характер пошлости, затертости, карикатурности, нарочитой и дикой вычурности. Все они в целом походили на развратную, пьяную служанку, уволенную хозяйкой, но получившую при уходе изношенный наряд барыни.

Не зная, как поступить вначале, Выжигин решил пока сесть за ближайший ко входу столик. Никто из присутствовавших даже не обратил внимания на пришедшего. Гармонь в руках опытного наемного музыканта ходила ходуном, и звуки то резвые, то томные, то стремительные, то плаксиво-напевные вырывались из недр инструмента, заставляя посетителей, краснорожих и распаленных водкой, разливаемой в открытую, срываться с места и тащить за собой в центр зала проституток, одетых под стать своим временным мужьям — крикливо и мерзко, дешево и призывно развратно.

— Чего изволите? — уперев в Выжигина оловянный взгляд, спросил полупьяный буфетчик, неожиданно выросший перед Степаном Андреевичем.

Выжигин вздрогнул. На самом деле нужно было что-то заказать, чтобы выглядеть посетителем, пришедшим отдохнуть, но рюмка водки могла показаться завсегдатаем неестественно малой дозой, а поэтому Выжигин приказал:

— Графинчик водки и какой-нибудь закуски. Севрюжка есть у вас?

— Не держим-с, одни огурцы и капуста кислая остались. Принести?

— Хорошо, неси огурцы, — кивнул Выжигин, а когда буфетчик повернулся было, чтобы уйти, Степан Андреевич остановил его: — А скажи, любезнейший, Наташа Срезневская занята сейчас или свободна?

Буфетчик, стараясь не качаться, замер перед Выжигиным с подносом в руках, по которому собранные со столов стаканы ездили, как неопытные конькобежцы по льду.

— Вас-с-с не понимаю-с-с-с! — прошепелявил он наконец. — Никаких Наташек у нас нету, Срезневских тоже. Сусанну хотите? Рашель, Анжелику, Ванду, Зосю, Шахеризаду, Миньону-с, Матильду, Брунгильду... Всего двадцать барышень на любые вкусы — блондинки есть, brunetki жгучие и в полжгучести, шатенки палевые, каурые, буланые и сивые. А Наташек нетути у нас, извиняйте!

Стаканы с явным намерением грохнуться на пол съехали на край подноса, буфетчик, проявляя чудеса ловкости, успел спасти их резким движением и, походкой моряка, только что очутившегося на берегу после долгого плавания, пошел к своей стойке.

«Зачем я сюда приехал? — в отчаянье думал Выжигин. — Как я не сообразил, что эта Срезневская могла давно быть отправлена в больницу, могла умереть, а паспорт ее так и остался в ящике для документов проституток, получивших желтый билет!» Но и это рассуждение вскоре показалось Выжигину слишком рассудочным. Он жалел о том, что приехал сюда еще и потому, что понимал настоящую причину для разочарования: «Да, прав был Остапов, когда

предостерегал меня. Что нужно мне здесь, когда любая из этих женщин, что сидит сейчас рядом с ворами, хулиганами, убийцами, может уйти из публичного дома, но только не хочет этого, выработав привычку к сытости и безделью, а еще, возможно, получать удовольствие от частого физического общения с мужчинами». Только малая часть нравственного, духовного существа Степана Андреевича, никак не связанного с рассудком, тихо шептала ему: «Останься, или еще одним человеком на земле сегодня будет меньше».

Перед Выжигиным наконец появилась и водка, и закуска. Желая выглядеть похожим на всех прочих посетителей, Выжигин налил большую, тостого стекла рюмку доплна, подцепил с блюда капусты кривой вилкой, почти с отвращением влил в себя дешевую, разбавленную водой водку и вдруг услышал донесшуюся с соседнего стола фразу:

— А фраеришка-то в клевом лапсердаке так лупетками туда-сюда и блудит. Не педель ли?

— Может, и педель, — поддакнул первому голосу кто-то.

Выжигин глянул туда, откуда доносились речи, имевшие к нему, как он догадался, прямое отношение, и столкнулся взглядом с темнолицым бородатым мужиком, на котором, будто насмешки ради, красовался черный фрак, и фалды его, истрепанные едва ли не в клочья, спустились на деревянный заплеванный пол. Цепкая память Выжигина тотчас воспроизвела имя и род занятий этого человека.

Он видел это лицо, запечатленное в профиль и анфас, на фотоснимке в череде других лиц, принадлежавших людям, находящимся в розыске. Их фото давались для просмотра всем чинам сыскной полиции на тот случай, если полицейские, находясь в круговерти петербургской жизни, увидят преступника и примут меры к его задержанию. И сейчас один из них, бежавший с каторги душегуб, смотрел на Выжигина, ясно разглядев в нем чужака. «Федька Жгут, зарезавший шесть человек», — мгновенно пронеслось в голове у Выжигина, а темнолицый уже вылезал из-за стола, столкнув со своих колен толстую веснушчатую женщину. Развалистой походкой он приблизился к столу Выжигина и, рванув на себя свободный стул, сел рядом, сразу взявшись за графин, принесенный Степану Андреевичу.

Федька залпом выпил из рюмки Выжигина водки, долго смотрел на него, буравя тяжелым взглядом, и Степан Андреевич, внутренне ошестинившись, вдруг ощутил вперемешку с негодованием сладкую негу власти: он мог сейчас же, вынув револьвер, положить убийцу и громилу на пол, сцепить на его руках наручники и отправить в ближайший участок.

Это чувство было таким сильным, что Выжигин потянулся было к нагану, чтобы вначале ударить им в переносье Жгута, а потом решительным командирским окриком принудить его к полному подчинению, но рука сама собой выскользнула из-за пазухи пиджака — весь замысел по поимке «фурии» был бы провален.

— Ты чего сюда приперся? — наконец проговорил Жгут.

— А так, — собрав в кулак всю свою волю, спокойно ответил Выжигин. — На тебя, Федя, посмотреть пришел. Весело ты здесь гуляешь, вот и мне тоже захотелось повеселиться.

Выжигин смотрел на страшное, какое-то неживое лицо убийцы с той же пристальностью, как и Жгут на него.

— Откуда знаешь меня? — спросил Федька.

— Да видал тебя, когда ты в Питере два года назад семью аптекаря Шнейерзона финкой резал, чтобы потом выручку его дневную, двести пятьдесят рублей, в карман положить. Видел тебя, когда, двух конвоиров положив, бежал ты с сахалинской каторги. А еще вижу я, как волокут тебя в арестантское отделение Выборгской части, как бьют тебя тяжелыми коваными сапогами, зубы вышибают тебе, отбивают почки, как сидишь ты в карцере неделю, в холодном карцере, на воде и хлебе, а потом вижу, как заковывают тебя в кандалы да и снова на Сахалин отправляют, в пожизненную каторгу.

По мере того как он говорил, Федька становился все черней лицом. Ответом на речь Выжигина мог стать удар финкой, но удара не последовало, зато снова прозвучал глухой голос Жгута:

— Слишком много видеть опасно, господин хороший. За глаза свои не боишься? Ведь и в Неву можно отправиться, раков кормить. Они до падали охочи.

— Не боюсь, Федя, не боюсь, — еще более спокойно отвечал Выжигин. — Я даже уве-

рен, что ты пойдешь и сделаешь то, о чем я тебя попрошу.

— С чего же ты так уверен? — загуляли желваки на скулах Жгута. Все здесь знали и боялись его, и только этот барин в дорогом пиджаке, с аккуратно подстриженными усиками мог смотреть ему прямо в глаза и даже приказывать.

Не отвечая на вопрос Жгута, Выжигин продолжил:

— А сделаешь ты вот что: пойдешь и отыщешь Срезневскую Наталью, проститутку, а как найдешь, позовешь ее ко мне. Знаешь такую? Из благородного сословия будет.

Жгут хмыкнул:

— Наталью? А че ее искать? Вон она, во всей своей бабьей натуре!

И он, повернувшись в сторону, махнул рукой в сторону группы молодцов, то ли воров, то ли пропившихся извозчиков. Они с диким гоголом, посадив на стол какую-то женщину и задрав подол ее короткого платья, лили ей между ног водку, и кто-то из них при этом кричал:

— Пей, душа наша! Наташку-то мы напоили, а тебе, родимая, многотерпеливая и работающая, не досталось!

Эта дикая сцена заставила Выжигина содрогнуться. Особенно отвратительным было здесь то, что Наталья, еще довольно свежая, молодая особа, ничуть не возмущалась, не сопротивлялась. Казалось, все происходящее доставляло ей наслаждение. Она была так естественна и непосредственна, что Выжигин машинально поднялся, чтобы уйти — эту жен-

щину не то что не хотелось спасать, а ее просто уже нельзя было спасти. Но Жгут поднялся тоже и, останавливая своим неживым взглядом Степана Андреевича, спросил:

— Так веду к тебе Наташку?

Кажется, каторжник надеялся на то, что такую Наташку никто не полюбит, она никому не нужна, тем более человеку, выглядевшему прилично, но именно это и заставило Выжигина сесть на место опять.

— Веди! — приказал он.

— А что мне за это будет? — все еще сомневаясь, спросил Жгут.

— Уйдешь отсюда без конвоя, никто тебя не арестует, — смотрел Выжигин на дворянку, со смехом вытершуюся подолом и севшую рядом с теми, кто минуту назад издевался над ней.

— Лады, — кивнул Жгут и пошел к Наташе, нагнулся к ее уху, повернулся в сторону Выжигина, показывая на него женщине.

Степан Андреевич поймал ее долгий испытующий взгляд, в котором через пару мгновений засветились интерес и жадное бесстыдство. Оправив на полуобнаженной груди нитку дешевых коралловых бус, проститутка поднялась и, вихляя бедрами, двинулась в сторону Выжигина, чувствовавшего отвращение не к этой падшей до предела женщине, а к самому себе. Приблизившись, Наташа рухнула на колени Выжигина, обхватила его шею рукой и вlepила в его губы смачный мокрый поцелуй, обдав Степана Андреевича горьким запахом водки, лука и вяленой рыбы.

— Какой ты симнампон! — отпрянула вдруг проститутка от него, как видно, желая получше рассмотреть необыкновенного посетителя, польстившего ее своим вниманием. — Я просто уписаюсь, душка, так хочется, чтобы ты взял меня сейчас! Идем? — мотнула она рукой.

— Идем, — почти машинально сказал Выжигин, понимая, что в ее спальне говорить будет легче.

— А пива для меня возьмешь? — с трудом слезла Срезневская с колен Выжигина.

— Да почему ж не взять, — поспешил Выжигин вызвать к себе еще бо́льшую симпатию и доверие.

Когда две бутылки пива были приобретены, Наташа, обхватив Выжигина за шею, напевая какой-то гаденький куплет, повела сыщика к себе. Спальни проституток размещались в обоих флигелях дома, где когда-то находились службы усадьбы. Из-за дверей, покуда они шли по полукругу одноэтажной постройки, неслись чьи-то вопли, стоны сладострастия или боли, чья-то остервенелая брань, а Выжигин все шел и шел рядом с шатающейся женщиной, не имевшей в облике и в поведении своем и тысячной доли того, что обычно приписывалось дворянкам как неотъемлемые атрибуты сословия: сдержанность, воспитанность и благородство.

— Нам сюда! — толкнула Наталья одну из дверей ногой.

Электрический свет осветил помещение с кроватью, застеленной грязным бельем. Ната-

ля стала стаскивать с себя платье, но Выжигин тотчас остановил ее словами:

— Наташа, подожди, мне нужно кое-что тебе сказать.

— Говори, симпампон, да только побыстрее. Не ты один моего тела хочешь, — посмотрела на посетители женщина с нетрезвым удивлением во взгляде.

— Наташа, я предупредить тебя пришел. Слыхала ты, наверное, что кто-то в публичных домах убивает проституток? Все они дворянского сословия были. Не знаю, кто это делает, — возможно, человек ненормальный психически, — но думаю, что этот страшный человек сегодня к тебе придет. Могла бы ты не выходить сегодня в зал? Могла бы завтра уйти из публичного дома, все равно куда, — хоть в прачки, хоть в поломойки! Убить тебя могут!

Выжигин проговорил все это страстно, увлеченно, главное, как показалось ему, убедительно, и увидел, что по лицу женщины скользнула тень страха, но вскоре победно-нахальная улыбка заставила покривиться лицо Натальи.

— Да кто там меня убить хочет? За что ж меня убивать! За то, что я вам, кобелям поганым, приятность доставляю? Меня здесь все любят, да и я всех люблю! В поломойки, в прачки мне идти предлагаешь? Мне, царице, такое говоришь? Да знаешь, что плачут мужики над грудями моими, предлагают жениться! Брильянты обещают, лошадей дорогих, дома! Я тут царствую, а ты меня царства моего лишить хочешь, богатств моих? Никого я не боюсь, симпампон!

Захочу, крикну, сразу сюда прибегут приятели мои и на тысячу кусков раздерут того, кто обидеть меня захочет!

— Наташа! — зашептал Выжигин, ощущая и презрение и сильную жалость к этой обманутой жизнью женщине. — Ведь вы же дочь дворянина потомственного! Разве происхождение свое забыли? Зачем позорите могилы предков ваших! На дворянстве, на чести Россия держится! Молю вас, уходите отсюда сейчас же! Я помогу вам!

Срезневская засмеялась, вначале тихо, с фальшивой веселостью, но потом вошла в раж, и скоро тело ее просто сотрясалось от хохота, истерического и жуткого. Но, внезапно оборвав смех, Наталья ответила зло:

— Дворянство? Могилы предков? Россия держится?! А знаешь ли ты, симпампон, что родитель мой, дворянчик хоть и старинный, но нищий, как босяк последний, сам меня двенадцатилетнюю на улицу вывел да первому встречному за двадцать рублей и предложил! Плакала я тогда, мать умершую звала, но господинчик тот и поволок меня к себе, а батюшка мой стоял да вслед мне кричал: «Ничего, Наташка, это попервой страшно, а потом совсем не боязно будет!» Вот так и видится мне мой батюшка, когда глаза закрою, — рукой машет и кричит...

Женщина упала на взбитую постель и зарыдала с той же истеричностью и надрывом, с какими смеялась две минуты назад. Выжигин стоял над ней и знал, что уговорить Наташу не удастся, но спасти ее еще можно, а поэтому он

вышел из спальни и двинулся по дуге коридора в главный зал. Его пошатывало. Хотелось лечь хотя бы на ту ужасную постель, накрыться тряпьем и завывать по-волчьи, оплакивая всю эту подлую страшную жизнь.

Он снова уселся за свой столик. В графинчике уже не было ни капли водки, но, осторожно посмотрев по сторонам, Выжигин убедился и в том, что Жгута среди посетителей не было тоже. Сыщик не знал наверняка, ушел ли он из борделя, выполняя его приказ, или находился сейчас в спальне какой-нибудь проститутки, но ему очень хотелось думать, что это он вынул душегуба исчезнуть.

Наталья Срезневская вышла в зал как ни в чем не бывало — ни слез, ни следов переживаний. Кидаясь на колени к мужчине, ближе всех сидевшему ко входу в коридор флигеля, загорланила:

— Ну что, мужички мои любезные, срамоделы мои нежные! Гулять хочу! Пить хочу! Пусть берет меня сегодня каждый, но только я хочу нынче плату за себя установить! Кто больше всех даст, с тем первым и пойду! Такова моя царская воля!

Мужики загудели. Многих задел этот шалый хмельной призыв, каждый хотел выказать свою спесь и гонор, показать себя человеком, и дело здесь заключалось не в прелестях Натальи — каждый знал ее. Спорили посетители за право обладать Натальей между собой, как спорят иногда на ярмарке два подгулявших покупателя из-за пустяковины, не желая лишь уступать один другому. Выжигин слышал, как осталь-

ные проститутки, находившиеся в зале, запротестовали:

— Наташка, не по правилам это будет!

— Уймись, гулевая! — кричала толстая проститутка. — Сейчас хозяйку разбудим! Хотя и пьяная Настасья Никитична, укоротит тебя! Не отбивай клиентов!

Но посетители, все рвань, золоторотцы, в лучшем случае бухгалтеры из маленьких фабричных конторок, уже обступили стол, на который, смахнув на пол всю посуду, влезла Наталья.

Начали с двух рублей — ниже платы не было ни в одном из публичных домов Петербурга. С гонором подбрасывали по полтиннику, и с каждой новой цифрой азарт, замечал Выжигин, мерк, линял, и, когда цена за радость окантаться в грязной спальне с царицей Натальей выросла до десяти рублей и назвавший эту сумму посетитель, с виду проворовавшийся лабазник, загнавший налево то ли гвозди, то ли доски со склада хозяина, уже тянулся к женщине руками, желая стащить ее с пьедестала, какой-то мужчина с короткой бородкой, молодой и статный, одетый в кожаную кепку, в обтертую поддевку, из-под которой торчал ворот косоворотки, сказал, что даст за Наталью не десять, а целых пятнадцать рублей. Когда Выжигин услышал его голос, поднялся из-за стола и подошел поближе.

Толпа притихла в ожидании.

Владелец кожаной кепки полез в карман, доставая оттуда смятые рубли. Выжигин стоял совсем рядом с этим покупателем короткой

женской любви и видел, что руки, отсчитывающие деньги, не похожи на руки человека, который привык носить пиджак и косоворотку.

— Все, ша, братва! — прокричала Срезневская, неловко спрыгивая со стола на пол. — Его стала! Пусть берет меня всю, как есть! Богатым счастье!

Выжигин видел, что лицо купившего женщину человека осветилось улыбкой самодовольства. Он облапил проститутку и сам неистово заорал:

— Моя! Купил!!

Ему вторила Наталья:

— Купил, купец, ну так веди меня, купленную! Сейчас такой я праздник тебе устрою, каких никто тебе, касатик, не устраивал!

Она обхватила посетителя за талию и повлекла его по коридору. Их приветствовали радостными криками, будто каждый из этих пьяных людей переживал сейчас радость обладания падшей женщиной, а Выжигин смотрел на счастливую пару и лихорадочно думал: «Она или не она? Задержать тотчас в коридоре, завести в одну из спален, обыскать, в два мгновения определить, мужчина это или женщина, найти револьвер, кинжал, удавку, отвести в участок, сличить отпечатки пальцев!» Но осторожность подсказывала ему: «Нет, если и отпечатки пальцев будут теми же, что и на сапоге, суд присяжных отвергнет эту улику. Покуда не схвачу ее во время самого действия и если не подтвердит всего того, что хотела учинить фурия, сама Наталья, не будет против этой страшной бабы доказательств. Да и баба

ли: этот бородатый человек? Руки белые? А у приказчиков они, что же, мозолями покрыты? А если он конторщик какой-то? Ну, схвачу я его сейчас, а в зале настоящая фурия только и ждет, когда выйдут они из спальни? Шум один получится, и все сорвется! Нет, пойду за ними сейчас!»

Выждав с полминуты, он медленно пошел в сторону спальни Натальи, зная, что ни проститутка, ни ее временный муж не заметят его в кривом, как серп, коридоре. Выжигин еще слышал нарочито громкий и вульгарный смех Натальи, потом услышал, как громко стукнула дверь. Он подошел к спальне Срезневской, приложил ухо к двери, за которой слышался все тот же смех и звон бутылочного стекла, ударяемого о стаканы.

«Да что я делаю? — внезапно отпрянул Выжигин от двери, устыдившись и позы своей, и своих намерений услышать то, что творится в комнате, предназначенной для любовных свиданий. — До какой же низости дошел я!» — сказал Выжигину живший в нем дворянин. Но полицейский, сыщик гневно перебил: «Нет, братец, слушай! Ты здесь на службе, и от твоих действий зависит, будет ли предотвращено новое преступление или нет. Сыщику позволено все, лишь бы злодей был изобличен и обезврежен!»

И Выжигин снова стал слушать, а за дверью уже не смеялись, не гремели посудой. Степан Андреевич отчетливо слышал какой-то страстный говор, к которому вскоре стали примешиваться то ли всхлипы, то ли радостные возгла-

сы. Выжигин не понимал ни слова, но слышал, что в интонациях говорившего или говорившей не было угрозы, вообще не содержалось ничего подозрительного, а поэтому и беспокоиться пока не стоило.

— А это кто это здесь слушает, подглядывает да выведывает?! — услышал Выжигин над собой чей-то грубый громкий окрик.

Резко распрямился — перед ним стояли два плечистых бородатых мужика в картузах извозчиков, заломленных лихо набекрень. Степан Андреевич испугался — их голоса могли слышать в спальне, что вспугнуло бы убийцу. А мужики, уловив испуг в лице подозрительного человека, приблизились к Выжигину вплотную, и один из них уже задира л рукава. Выжигин посмотрел в налитые ненавистью глаза этого человека, смотревшего на него из-под насупленных бровей, и вдруг вспомнил, что именно такие взгляды прошивали его, когда он со своим взводом стоял перед толпой разъяренных рабочих. И понял сейчас Выжигин, что этот мужчина ненавидит его совсем не за то, что он стоял у чужой спальни, а именно за его внешность, за красивый дорогой пиджак, аккуратные со стрелками брюки, за желтые американские ботинки.

— Чего нужно, любезный? — отступая на шаг, очень тихо, но с едва сдерживаемой яростью сказал Выжигин, одной рукой выдерживая из-за пазухи револьвер, а другой вытаскивая удостоверение. — Ты в сыскной никогда не бывал? Так я тебе такое удовольствие в два счета доставить могу! А ну, марш отсюда,

да чтобы языки свои за зубами держали, пока целы зубы у вас! Вон пошли, грязные скоты!

Последние два слова сорвались с уст Выжигина как-то невольно. Он совсем не хотел обижать извозчиков, но чувство тысячелетнего сословного превосходства прорвалось сквозь плотину вежливости и гуманности само собой, и мужики сразу поняли, кто хозяин на этой квадратной сажени публичного заведения.

— Все, барин, уходим! — залепетал тот, кто минуту назад задира л рукава. — Не шуми! Ошиблись! Извиняй покорно!

Когда обладатели картузов исчезли за поворотом коридора, Выжигин снова приблизил ухо к тому месту, где дверь соприкасалась с косяком. Теперь, как ни напрягал Степан Андреевич слух, никаких голосов не доносилось, хотя слышалось шуршание и негромкое покашливание. Он не решился войти, чтобы узнать, что происходит в спальне или уже произошло. Если бы прозвучал даже слабый призыв о помощи, тогда Выжигин обязательно ворвался в комнату. Теперь он надеялся на то, что посетитель скоро выйдет и это не переодетая женщина, а настоящий мужчина, приказчик или конторщик.

Внезапно что-то громко стукнуло в спальне. Выжигин подождал минуты полторы-две и вдруг почувствовал, что его ухо, прижатое к щели, холодит поток пробивающегося в коридор свежего воздуха, ночного и прохладного. «Окно! — обожгло Степана Андреевича внезапное прозрение. — Отворено окно! Зачем откры-

ли? Это она открыла окно! Спальня на первом этаже! Как же я об этом не подумал!»

Теперь уже не сомневаясь, Выжигин сильным ударом плеча распахнул дверь. По комнате гулял свежий запах Невы, протекавшей совсем недалеко от дома. Окно было распахнуто настежь, и желтая занавеска колыхалась от порывов ветра. Свет был погашен, и Выжигину, дрожащими пальцами пытающемуся найти на стене выключатель, показалось, что он ищет его целую вечность. Наконец свет загорелся, и он сразу же увидел Наталью, лежащую на кровати со скрещенными на груди руками. Ее губы покрывала выступившая изо рта пена, а рядом с кроватью валялся стакан. На столе стояла початая бутылка припасенного им пива, и он знал, что никто не смог бы ответить на вопрос: выпила ли Наталья яд сама или отраву влил в ее стакан убийца. Главным было то, что спасти эту последнюю публичную дворянку он не сумел и бежать в окно за убийцей, оставившим свою одежду на стуле, было поздно. Выжигин подошел к окну и посмотрел в него — смоляная октябрьская темень, ветка тополя, растущего у стены, колотящаяся в раму, — вот и все, что он увидел. Погасил свет, вышел из спальни и направился к выходу. Вызывать полицию он был не намерен.

СЛЕДЫ НА СТЕКЛЕ

Какая-то ноющая, свербящая душу тоска заполняла все существо Выжигина, покуда он добирался на извозчике домой. Пошел сильный косой дождь, и даже поднятый кожаный навес пролетки не спасал Степана Андреевича от него. Совершенно мокрый он поднимался по лестнице к своей квартире, отпер входную дверь, вошел в коридор и, когда пытался открыть замок своей комнаты, понял, что дверь отворена. Забыл ли Выжигин запереть ее или кто-то проник в его жилище, он не знал, да это не слишком и занимало его. Войдя в комнату, сразу почувствовал знакомый аромат, от которого Степан Андреевич пошатнулся, его рука с трудом нащупала выключатель, а когда лампочка загорелась, он увидел Катю, которая сидела на кровати, так и не сняв шляпки, только бросив рядом с собой пальто и зонтик. Она виновато смотрела на него, а потом сказала:

— Твоя хозяйка открыла мне — она любит тебя. А папá и мамá я сказала, что иду к Зине Мельцер заниматься спиритизмом.

Выжигин, так и не снявший пальто, оглушенный неожиданным появлением любимой девушки, пристально глядя ей в глаза, промолвил:

— Папа и мама не поверят тебе. Разве они не знают, что ты, дарвинистка, не веришь в эту чепуху?

— Ну и пусть не верят. Главное, я у тебя. Подойди ко мне же наконец, Стив! — и она протянула к нему свои тонкие руки с длинными пальцами, украшенными дорогими перстнями. — И откуда на тебе это ужасное пальто? Разве ты уже не носишь шинель?

Он промолчал, сел рядом с Катей и стал неотрывно смотреть в ее лучистые глаза, держа ее холодные руки в своих ладонях.

— В полку я больше не служу. Как ни хлопотали за меня, восстановиться в звании так и не удалось.

— Но где же ты служишь? — с непосредственностью маленькой девочки спросила Катя. — Акцизным? В какой-нибудь конторе писарем?

Выжигин понял, что настал момент, которого он так боялся. От того, как Катя восприняла бы его сообщение о службе в полиции, зависела его судьба.

— Я служу в сыскальной полиции, — с бешено колотящимся сердцем сообщил Выжигин.

Прелестные зеленые глаза Кати стали совершенно круглыми от изумления, но ни испуга, ни сочувствия Выжигин в них не разглядел.

— Стив, ты — сыщик?! Ты — Ник Паркер, Нат Пинкертон? Но ведь это жутко интересно! Ты ловишь бандитов и убийц, тебе приходится рисковать? Тебя могут отравить, подстрелить?! Я просто восхищена вами, Степан Андреевич! Вы только поменяли одну опасную стезю на

другую, ваше дело полезно обществу! Но мне показалось, что ты стыдишься своей службы? — с испугом попыталась Катя заглянуть поглубже в глаза сидевшего перед ней любимого человека.

— Нет, теперь не стыжусь и даже думаю, что могу быть полезным сыскной полиции. Но твои папá и мамá, узнав о столь резких переменах в моей жизни, никогда не согласятся выдать тебя за человека такой... недворянской профессии. Одно дело — преображенец, хоть и бедный, а тут — сыщик, ищейка, легавый, как нас называют уголовники, и вдобавок ко всему — по-прежнему бедный!

— Ну во-первых, — горячо заговорила Катя, — мои родители уверены, что ты как был представителем старинного дворянского рода, так им и остался, а во-вторых, мой папá каким-то образом узнал, что ты являешься единственным наследником князя Сомского, так какая же бедность? Да я уверена, что ты и в полицию-то пошел ради юношеской страсти рисковать, кому-то быть полезным. Ты поиграешь в Ната Пинкертона год-другой, и тебе это надоест, как надоело в раннем детстве, ты сам рассказывал, играть в героев Купера. Так ведь?

Катя даже потрясла руки Выжигина, добиваясь от него положительного ответа, но Степан Андреевич, помолчав, сказал:

— Нет, Катя, я из полиции не уйду. Я понял, что я ей очень нужен. Только, может быть, не будем говорить об этом в такой счастливый для меня день?

— Почему же он счастливый только для тебя? — прошептала Катя, зачем-то закрывая глаза. — А для меня он разве не счастливый?

И Выжигин, чувствуя, как его накрывает волна сладкой неги, так же тихо прошептал:

— Тебе не кажется, что эта лампочка горит слишком ярко?

И он едва расслышал слетевшее с еле шевельнувшихся алых губок Кати:

— Да, она светит до безобразия ярко!

...Часа через три, прижимаясь щекой к широкой груди Выжигина, Катя, глядя его по обнаженному плечу, вдруг капризно спросила:

— Но ведь признайся, ты вернулся сегодня ночью от какой-то дамы? Я хорошо помню запахи женщины, исходивший от тебя!

Выжигину в несколько мгновений припомнились картины ужасного притона, то, как лили водку между ног визжавшей от удовольствия дворянки-проститутки, вспомнилось ее мертвое лицо с остекленевшими, уставившимися в потолок глазами, пену на губах. Рассказать обо всем этом строгой, холодной Кате показалось ему кощунством перед любимой, оскорблением, но врать он просто не умел, а поэтому так ответил ей:

— Ты права, я возвратился домой из публичного дома.

— Неужели? Ты?! — не испуганно или с огорчением, а с каким-то веселым удивлением спросила Катя, быстро приподнимаясь на локоть. — И ты на самом деле испытывал в этом потребность?

— Не потребность, а необходимость, — сказал Выжигин и принялся подробно рассказывать Кате об убийствах в публичных домах, потому что он инстинктивно тянулся к советчице-женщине, способной слиться в воображении как с убийцей проституток, так и с жертвами.

Выслушав рассказ Выжигина серьезно, не перебивая, Катя сказала с мрачными нотками в голосе:

— Я знаю, кто их убивал. Нет, не персону эту назвать могу, а просто уверена, что их не жестокий, а очень... милосердный, жалостливый человек убивал, желая освободить...

— Мне в общем-то безразличен характер убийцы. Мне во что бы то ни стало нужно найти эту странную страшную женщину. Это — вопрос чести и, если хочешь, моих представлений о милосердии. Когда убивают человека, убийца всегда должен нести наказание — банальная справедливость, правило весов, где зло обязательно уравнивается воздаянием. Еще неделю назад я сам относился к проституткам с презрением и мне не было их жаль, но я быстро переменялся...

— Ах, эти проститутки! — с досадой сказала Катя. — Признаться, я не понимаю, что же ими руководит? Жадность к деньгам или похоть? Представь, от вокзала сегодня, нет, вчера утром мы с papà и мамá ехали на двух извозчиках. Папá сидел со мной, и я слышала, как он расспрашивал молодого парня, правившего пролеткой. Папá мой, ты знаешь, любит поговорить с народом, так вот до меня доносилось: «А правда, что

деревенские девушки или женщины с легкостью могут отдаться рубля за три?» — спрашивал отец, а наш возница так ему отвечал: «Почему же только девушки? И замужние тоже. У нас в деревне, в Новгородской губернии, всякая за три рубля отдастся. Вот и мою бы жену кто взять захотел...»* Ты понимаешь, Стив?! Простые мужики столь неревнивы, что им безразлично, верна ли жена или нет, а вот три рубля в дом придут благодаря такой работе, так хозяину радость будет. Вот ведь это же ужасно, Стив, а? Представь меня продающуюся, ну пусть не за три рубля, а за десять, за сто! Ведь ты бы меня застрелил из револьвера, правда?!

— Правда истинная, — на самом деле представил Выжигин Катю, продающей себя за деньги, и именно в этот момент он вдруг ощутил себя на месте женщины, убивающей проституток-дворянок. Получалось, что и ею и им руководила одна и та же ненависть к продажной любви.

Утром Выжигин на извозчике доставил Катю к парадному ее дома, спрыгнув на землю, подал руку.

— Когда я вас увижу вновь? — не выпуская из своей руки ее узкую руку в лиловой лайковой перчатке, спросил с улыбкой Выжигин.

— Пойдем сегодня к Мережковским. У Зинаиды Николаевны, я слышала, сегодня представление. Играется какая-то страшная драма ее сочинения. Пойдем, я так соскучилась за

* Эпизод описан В. В. Розановым в «Опавших листьях» (примеч. авт.).

границей по всем этим лохматым поэтам. Ну, идем?

— Обязательно пойдем. — Выжигин видел, как умоляют его зеленые лучистые глаза. — Ведь я когда-то тоже был принят на вечерах у Мережковских. В шесть я заеду за тобой.

И он поцеловал ей руку, даже через кожу перчатки ощутив ее тепло и нежность.

Приехав в отделение сыскной полиции и заглянув в кабинет начальника, он увидал Замысловского сидящим за своим столом. Сидел он, не сняв шинель, как-то боком, и с распушенными от раздражения бакенбардами был похож на маленького земного Юпитера Громовержца.

— А, Выжигин! — мрачно встретил начальник отделения вошедшего Степана Андреевича. — Как ни жаль, но все ваши дурные предзнаменования сбылись! Отравилась или отравлена еще одна проститутка, в заведении на Шлиссельбургском. Уже сделали вскрытие — калий циан.

— И мужская одежда, конечно, имела место в ее спальне? — чуть скривив в улыбке губы, спросил Выжигин. — Можете не трудиться продолжать, господин начальник. Я был в спальне убитой Натальи Срезневской, дворянки по происхождению, еще до того, как туда пришли полицейские.

И Выжигин подробно поведал о своих похождениях на Шлиссельбургском, не забыв описать характер заведения и самой жертвы, Срезневской. Выслушав Выжигина, Замысловский постучал карандашом по бронзовому бокалу письменного прибора и строго сказал:

— В общем, Степан Андреевич, я был бы должен вас наказать. Разве вы не были отстранены от ведения дела?

— Я был в заведении и действовал там как частное лицо. Даже Срезневской не открыл свое инкогнито. Сожалею лишь о том, что какая-то ненужная деликатность не позволила мне ворваться в спальню. Я бы арестовал преступницу, при ней бы нашли яд, наверняка, револьвер. Отпечатки пальцев у нас имелись. Чего не достаточно для суда?

— Да, теперь для суда не достаточно лишь одного — наличия подозреваемого, — веско заметил Замысловский. — Так вы обзванивали вчера паспортные отделы?

— Именно один из них и направил меня по нужному адресу. Правда, допросы чинов паспортной службы ничего не дадут.

— Конечно, не дадут, — сказал Замысловский и принялся рыться в своих бумагах. — Но есть еще один путь найти того, кто вольно или невольно мог вручить преступнице нужные сведения о проститутках-дворянках. Вы видите, Выжигин, я теперь полностью разделяю вашу точку зрения!

Начальник отделения наконец выудил из вороха бумаг один лист и протянул его Выжигину:

— Взгляните! Это медицинская карта публичной женщины, где в первой графе указывается номер желтого билета проститутки, проживающей в борделе, ее имя, фамилия и, заметьте, звание. Время поступления в публичный дом, адрес борделя, а также дата отсылки

женщины в больницу, ну это уж в случае заболевания шлюхи сифилисом. То есть, как поняли, в этом листе свои заметки врач должен делать, который проституток проверяет на предмет заболевания, а потом и дает распоряжение отправить больную куда подальше, чтобы не заражала она нас, грешных, постыдной прилипчивой болезнью.

И Замысловский совсем по-фатовски захотал, а Выжигин, рассматривая врученный ему лист, уже думал: «Так, значит, врачи тоже знали, кто из проституток в дворянском звании состоит. Но ведь не под присмотром же одного врача все эти сотни полторы, а то и больше публичных домов, в которых около трех тысяч зарегистрированных проституток находится. Куда-то поступают все эти листы для отчета. «Фурия» — дворянка тоже, она, возможно, водит дружбу с важными чинами, не с докторишками бордельными. Вот этот-то высокий чин и мог стать информатором ее!»

— Скажите, господин начальник, — отдавая Замысловскому бланк, сказал Выжигин, — а председатель врачебно-полицейского комитета мог иметь у себя все эти сведения?

— Безусловно! — кивнул начальник важно. — Этот комитет и создавался, чтобы направить свою деятельность к возможному ограничению любострастных болезней, для медико-полицейского надзора за проституцией, для наблюдения за гигиеной домов терпимости. — Выжигин невольно вспомнил «гигиеническое состояние» борделя на Шлиссельбургском. — Ну, а председатель, конечно, все-все должен знать в этой

области! Да только что вы хотите сказать, Степан Андреич? — вдруг сильно испугался Замысловский. — Вы что, председателя, полковника Розеншпигеля, заподозрили? Да вы не знаете разве, что он в дополнение к своей должности еще и помощник градоначальника?

— Нет, не знаю, но я, впрочем, и не пытался заподозрить господина полковника. Да и в чем заподозрить? В пособничестве? В разглашении сведений? Разве эти сведения засекречены? Они представляют собой государственную или служебную тайну?

— Нет, конечно, — смягчился Замысловский, — но не пытайтесь и помышлять о допросе председателя врачебно-полицейского комитета. Когда я договорюсь о возвращении вам права вести дело, займитесь врачами, осматривавшими проституток. — Потом Замысловский пожал плечами и сказал: — Хотя, не знаю, стоит ли вообще этим заниматься. Скажите, есть в наших публичных домах еще проститутки из дворянок?

— Нет, Срезневская была последней.

— Вот и хорошо, вот и прекрасно! — потер ладонь о ладонь начальник. — Значит, и наша сумасшедшая мадам-убийца — я теперь допускаю, что это была женщина, — успокоится, и публичные девки не будут отправляться на тот свет так часто, как это было в последнее время. Ну, Степан Андреич, мне пора ехать к полицмейстеру...

— Мне понадобится ваш телефонный аппарат. Разрешите мне остаться здесь? — спросил Выжигин.

— Ради Бога, оставайтесь, только не забудьте запереть дверь, а ключ отдать дежурному. Счастливо оставаться, ночной посетитель блудилищ!

И Замысловский, беззаботно рассмеявшись, ушел, а Выжигин тотчас подошел к аппарату и попросил телефонистку соединить его с квартирой князя Сомского. Когда аппарат отсигналил звонком о налаженной связи, Выжигин снял трубку и заговорил:

— Ваше сиятельство, вас тревожит Степан Выжигин. Ради истины, которой вы так дорожите, не могли бы представить своего кузена, меня то есть, одному должностному лицу? Нет, не министру двора и не министру внутренних дел. Всего-навсего полковнику Розеншпигелю, председателю врачебно-полицейского комитета. Вы с ним не знакомы? Это нужно для раскрытия тайны блудниц. Хорошо, я перезвоню вам через два часа.

И Выжигин, повесив трубку, а потом сняв пальто, стал терпеливо ждать, когда истекут два часа. Он не был уверен в том, что Сомский сможет устроить ему встречу с полковником Розеншпигелем, а Розеншпигель, если и окажется тем самым информатором, станет объясняться с ним и рассказывать о лицах, которых он снабдил сведениями. Но иного пути после смерти последней падшей дворянки у Выжигина уже не было.

...Степана Андреевича провели в приемную полковника Розеншпигеля и заставили сесть на один из дубовых стульев, поставленных

вдоль стен, где уже сидели, дожидаясь очереди, несколько посетителей. Но уже минут через пять тяжелая резная дверь кабинета полковника отворилась, тихо вышел секретарь в мундире чина медицинской службы и негромко произнес:

— Господина Выжигина просят войти.

За огромным столом сидел чистенький беленький старичок с длинной, сильно поредевшей бородой, с заостренными выпирающими скулами. При появлении Выжигина он тем не менее поднялся и протянул Степану Андреевичу руку:

— Рад приветствовать родича моего давнего знакомого, князя Петра Петровича. Да мы еще с вами к тому же по одному департаменту проходим — сослуживцы почти, — очень тихо и добро улыбался Розеншпигель. — Так чем могу быть полезен? Вы только сядьте в это кресло, напротив.

Выжигин уселся. На него смотрели добрые и умные глаза обрусевшего немца, которого уж никак нельзя было заподозрить в сговоре с убийцей. Но Выжигин так же знал, что, если он расскажет этому старику о женщине, бродящей по публичным домам в мужской одежде и убивающей проституток, Розеншпигель отнесется к его словам как к неумному розыгрышу.

— Господин полковник, — начал Выжигин, — за последнюю неделю в публичных домах Петербурга при невыясненных еще обстоятельствах умерли четыре женщины, проститутки. Вам ни о чем не говорят фамилии и имена, которые я сейчас назову?

И Выжигин перечислил по именам все четыре жертвы. Розеншпигель сразу же кивнул:

— Да, да, я слышал о них, правда не об их смертях. Они же — дворянки! Я даже предоставил о них сведения одной особе! Как-то — это было в сентябре или чуть раньше? — я, находясь в одном обществе, был втянут в разговор о падших женщинах. Вы ведь знаете, что эта тема горячо обсуждается сейчас в печати, особенно после Первого Всероссийского женского съезда, который в январе состоялся. Я говорил о проститутках с большим сочувствием, некоторые дамы даже плакали, а потом ко мне подошла одна особа и спросила: «А нет ли среди публичных женщин лиц дворянского происхождения? Я бы хотела им помочь, оказать сильную помощь материальную и нравственную, возможно, попытаться совлечь их с этого пути, увести из публичного дома». Я, конечно, обещал предоставить ей такие сведения, та дама мне звонила, и я назвал ей имена тех четырех. Она даже оставила мне свой телефон, чтобы я обязательно известил ее, если в беде окажутся другие дворянки. Я был тронут ее заботой и обещал! И, оказывается, эти женщины умерли? Но какая связь между их смертью и порывом благотворительности?

Выжигину срочно пришлось искать ответ, и он нашелся:

— Я подозреваю, что та дама могла каким-то образом вредно повлиять на их психику, ведь умершие проститутки были самоубийцами.

Старик всплеснул руками, и рот его стал круглым от удивления.

— Господи, да как же вы могли подумать такое? Чтобы женщина, чьи мысли — я это видел, чувствовал, — были направлены только на избавление этих несчастных созданий от физических и нравственных мук, могла как-то, хоть и помимо своей воли, стать причиной смерти женщин, ради которых пеклась? Да я вам как врач скажу — такое невозможно, немыслимо! Психологически те продажные женщины должны были быть настроены только благожелательно по отношению к их благодетельнице. Нет, здесь кроется какое-то недоразумение, и связь, на которую вы намекаете, очень эфемерна, неправдоподобна, а поэтому ее просто не существует!

Полковник медицинской службы Розеншпигель заключил свои слова гримасой явного неудовлетворения, мелькнувшей на его высохшем лице лишь на пару секунд, а Выжигин собрал все силы, чтобы задать главный вопрос, на который, впрочем, он не ожидал получить ответа:

— Господин полковник, а я бы мог надеяться получить от вас номер телефона той... добросердечной дамы?

— Никак нет, господин Выжигин! — довольно резво для своего возраста поднялся с места Розеншпигель. — Во-первых, я дал обещание не предавать огласке благородных намерений этой особы, о чем она меня просила лично. Во-вторых, ваши... с позволения сказать, домыслы представляются мне несколько надуманными, а поэтому их развитие я бы посчитал несколько вредным для нашего и без

того взбудораженного недавними событиями общества. Лучше уж скрытое от глаз людских добро, чем откровенное зло!

Выжигин плохо понял, о каком зле говорит Розеншпигель — не о заслуженном и законном воздаянии ли? Ему вдруг припомнились высказывания Сомского о казни, чинимой сейчас властями, соскучившимися по жестким способам борьбы со злом, но острое чувство разочарования от беседы с полковником, знавшим убийцу, но невольно пытающимся скрыть ее имя, заставили Выжигина перейти от размышлений к делу, и он сказал:

— Если в каком-нибудь петербургском борделе вдруг объявится еще одна проститутка дворянского происхождения, вы снова сообщите об этом той особе?

— Безусловно! — решительно сказал Розеншпигель и протянул Степану Андреевичу руку, давая этим знак, что аудиенция закончена.

Выжигин пожал холодную сухую руку, резко кивнул головой и вышел, унося с собой чувство сильного раздражения на слабоумного старика, не желавшего волновать взбудораженное общество. Беседа с Розеншпигелем, похоже, закрывала дорогу к поимке убийцы навсегда, но Выжигин каким-то очень дальним уголком сознания догадывался, что именно полковник вручит ему последний шанс к поимке той, что потеряла подвязку в коридоре борделя, запятнав ее вначале кровью жертвы.

Выжигин и Катя подъехали к так называемому дому Мурузи на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской к семи часам. В квартире Мережковских, можно сказать Олимпии литературной жизни Петербурга, Выжигин пару раз бывал — тогда он еще служил в полку и появлялся здесь в мундире. Теперь он, переменивший платье и род занятий, несколько смущался, оказавшись перед дверью салона, где полновластной хозяйкой была Зинаида Николаевна Гиппиус, в замужестве Мережковская, признанный мэтр литературы, остроумный критик да и вообще пронзительно-ядовитая преемнейшая женщина.

Раздевшись в просторной прихожей, Выжигин и Катя прошли в гостиную, где в небрежно-аристократических позах литературных львов, меценатов, просто ценителей всего прекрасного и нового, что есть в искусстве, уже сидели на низких удобных диванах и в креслах человек двадцать обоего пола. Иные нарочито громко смеялись, другие, сопровождая слова изящными жестами, о чем-то мило беседовали. Зинаида Николаевна, голова которой была украшена бархатным беретом с ярким петушиным пером, сразу двинулась в сторону Выжигина и Кати. В ее руках поблескивала лорнетка с двойными стеклами, которой так всегда боялся Выжигин. Смотря в лорнетку на человека, Гиппиус, казалось, пыталась просверлить в его теле отверстия, сквозь которые Зинаида Николаевна, подозревал Выжигин, высматривала что-то сокровенное, не всегда просящееся наружу. Она поцеловала в щеку Катю, которую

давно знала и любила (как утверждала, хотя Выжигин сильно подозревал, что Зинаида Николаевна никого, кроме самой себя, любить не в силах). А Степану Андреевичу она подала свою довольно широкую для женщины руку, а после того как он нагнулся для поцелуя, сказала:

— А в наряде Марса вы выглядели, не знаю почему, менее мужественно. Разве это не странно?

— Не странно, сударыня, — тотчас ответил Выжигин. — Мундир обычно заслоняет истинные качества мужчины, а форма цивильная лишь подчеркивает их.

— Над этим стоит поразмышлять, поразмышлять! — нараспев сказала Гиппиус, наводя на Выжигина лорнет, словно пытаясь понять, как мог этот молодой мужчина, ни в чем еще не проявивший себя, ответить так лаконично и умно.

Между тем, предложив гостям занимать любые свободные места, Зинаида Николаевна выплыла на середину просторной гостиной и немного в нос заговорила:

— Друзья мои! Сегодня я хочу представить вам молодое дарование, господина Мурашова Петра Сергеевича, пишущего пьесы и стихи. Встречайте, дамы и господа!

И тотчас распахнулась дверь, и в гостиную появился очень молодой человек, волосатый, взъерошенный, очень бледный и очень нервный. Было видно, что он с раннего детства очень недоволен то ли самим собой, то ли окружающей его действительностью, потому что на

лице его была изображена надсадная боль впере-
ремешку с раздражением. Мурашов поклонил-
ся так низко, что едва не достал до пола своими
длинными волосами, а Гиппиус уже деклами-
ровала:

*Мой ангел, помните ли вы,
Как, выйдя из лесу, мы падаль увидали
На яркой зелени травы?*

*Полуистлевшая, она, раскинув ноги,
Подобно девке площадной,
Бесстыдно, брюхом вверх, лежала у дороги,
Зловонный выделяя гной.**

Так вот, друзья, и наш сегодняшний спек-
такль по пьеса господина Мурашова, мысли
которого я разделяю, называется коротко
и страшно — «Падаль». Он о падшей женщине,
и вы увидите все ступени ее падения. Вы знае-
те, что я проповедую идею о губительности че-
ловеческой жалости. Порой, я уверена, нужно
даже причинить страдание человеку, что не-
пременно приведет к росту его души. Жаль,
что с героиней нашей драмы все случилось
совсем наоборот.

И все услышали, как Гиппиус тяжело вздох-
нула. Выжигин сидел со сведенными от напря-
жения мышцами. «Зачем я пришел сюда, не
узнав вначале, чем здесь будут занимать гос-
тей? И что за бред несла хозяйка! Причинять
страдания людям ради добра? И снова история
о падших. Как противно!» Катя, казалось, пре-

* Бодлер. «Падаль».

красно понимала, что переживает сейчас ее возлюбленный, а поэтому коснулась его руки своей ладонью. А тут уже грянул рояль, из-под черного крыла поднятой крышки понеслись звуки нервные, импульсивные, изломанные. Тут Выжигин увидел перед собой горничную, обходившую гостей с подносом, на котором стояли бокалы с шампанским.

— А водки нет? — очень тихо спросил у горничной Выжигин, понимая, как поможет она ему сейчас, чтобы не видеть и не слышать всего происходящего.

— В нашем доме не заведено-с, — ответила горничная, и Выжигин буквально сорвал с подноса бокал и разом осушил его, а потом взял и второй, поставив опустошенный на поднос. Он не заметил при этом наведенного на него лорнета Зинаиды Николаевны.

А действие началось. Всего актеров было два — Она и Он. Он почему-то во фраке, а Она — в легкой тунике с перехваченными на затылке волосами. Она танцевала босиком, и Выжигин догадался, что это сделано вовсе не для танца, ставшего модным после представлений Дункан, а чтобы подчеркнуть незащищенность девушки. Девушка между тем очень быстро стала любовницей молодого человека, который вскоре после этого покинул обещенную, сильно горевавшую по случаю потери девства. Тут появился все тот же актер, но уже в другом костюме, изображая иного мужчину, который оказался не менее похотливым, чем первый. Она опять оказалась брошенной, драма достигла своего апогея, и на пути женщины

вновь встал мужчина. На удивление падшей, он оказался совершенной противоположностью первых двух и решил ее спасти, то есть совершить доброе деяние, очень вредное, по мысли Зинаиды Николаевны и господина Мурашова. В конце концов, совершенно запутавшись, женщина превратилась в проститутку, и Выжигин, совершенно опустошенный, подавленный, даже отвернулся, когда женщина, изображая рьяную шлюху, стала отплясывать посреди гостиной что-то откровенно бесстыдное, а потом рухнула на пол, раскинув руки и ноги, изображая, видно, ту самую бодлеровскую падаль. Гости рукоплескали.

Почти каждый из присутствующих нашел нужным подойти к злому драматургу, к актерам и сказать им что-то лестное и поощрительное. Выжигин и Катя сидели на своих местах. Нет, Катя, будь она без Степана Андреевича, подошла бы к автору и исполнителям тоже, но теперь она не могла встать с дивана, зная, как осудил бы ее за это Выжигин. Вдруг он поднялся по-военному резко и громко заговорил:

— Извините, господа! Лично я совершенно не разделяю вашего восторга! Я нахожу пьесу отвратительной по своей сути, по своей главной идее!

Все остолбенело уставились на человека, позволившего произнести столь крамольные, неприличные слова. Автор же идеи, Зинаида Николаевна, сделав по направлению к Выжигину два шага, уставилась на него в лорнет.

— Чем же, сударь, вам идея негожа?

Да тем, что вы попытку помощи оступившейся женщине представили как злодеяние! У вас все перевернуто, сударыня! Падших нужно, нужно спасать, а наше общество начинает утешать себя разными хитроумными лжеучениями социологов и психологов, утверждающих, что природу падших переделать невозможно, то есть они сами виноваты в своем падении! А я бы с батареей трехдюймовок разрушил все притоны, выведя перед этим оттуда всех проституток, в два дня спас бы пусть не каждую, но уж половину их — это точно!

И он снова сел на диван, обессиленный и негодующий на все это общество и на самого себя. Гиппиус вновь сквозь стекла посмотрела на Выжигина, и те, кто знал цену ее взгляду, сказали бы — столь презрительно Зинаида Николаевна не смотрела никогда в жизни. Потом она уже не обращала на бунтовщика никакого внимания.

— Сударь, вам записка, — вновь остановилась перед Выжигиным горничная. В руках — поднос, на нем — сложенный лист бумаги.

— Кто передал? — встрепнулся Выжигин, протягивая руку к подносу.

— Не знаю. Зинаида Николаевна сказала мне, что для вас на столе оставлена записка. Ну я ее и взяла да вам подала.

Выжигин развернул листок. Четким, уверенным почерком карандашом на нем было выведено:

«И вы, посетитель грязных притонов, еще можете говорить об их уничтожении? Нет,

нужно уничтожать не притоны, а тех, кто стал их насельниками, презрев благородное дворянское звание! И я буду их уничтожать!»

Выжигин, у которого сильно закружилась голова, машинально подал записку Кате:

— Прочти. Это она писала. Она видела, запомнила меня вчера на Шлиссельбургском. Она здесь, среди гостей!

Не давая Кате дочитать записку до конца, Выжигин сорвался с места, подошел к Гиппиус:

— Сударыня, не уделите ли мне минуту внимания?

Зинаида Николаевна в это время разговаривала с каким-то господином, и просьба Выжигина выглядела грубостью, однако, возможно, взволнованный вид мужчины заставил Гиппиус подчиниться ему.

— Да, господин артиллерист, вы снова хотите наговорить мне кучу дерзостей? — почти не разжимая губ, спросила хозяйка дома, когда они отошли в сторону.

— Сударыня, ради Бога, скажите, кто мог писать эту записку? — показал Выжигин Гиппиус листок бумаги.

Зинаида Николаевна взглянула, прочла, тонко улыбнулась и вернула записку:

— Право, почерк мне незнаком.

— Но здесь указана моя фамилия! Кто мог после моей речи интересоваться тем, как меня зовут?

— И об этом я не могу вам сказать, — холодно произнесла женщина. — Многих, видимо, могло интересоваться это — вы выказали свою оригинальность, поздравляю.

Гиппиус сделала движение, собираясь уйти, и Выжигин понял, что она ни за что не расскажет ему о той, кто убивает проституток. Ему припомнился полковник-медик, тоже пожелавший скрыть имя фурии, и вдруг Выжигину страшно захотелось разорвать этот порочный круг. Мысль шальная, дерзкая осветила его сознание, и он быстрыми шагами пошел туда, где, как думал, должна была находиться кухня. Вскоре он нашел ее — большую, чистую, благоухоющую. Две кухарки и посудомойка хлопотали здесь.

— Я из полиции! — сказал Выжигин, вытаскивая удостоверение. — Покажите, где стоят бокалы, в которые гостям наливали шампанское!

Женщины испуганно уставились на Выжигина, так и замерев кто с тарелкой, кто с ложками в руках.

— Здесь они, — пролепетала одна из работниц.

— Не мыли еще? — почти прорычал Выжигин, подбегая к подносу, который был принесен на кухню горничной, после того как вино было выпито.

— Не успели... — виновато пролепетала посудомойка, думая, что совершила большую оплошность.

Плоскую коробочку с графитовой пудрой Выжигин носил в кармане пиджака всегда — так, на всякий случай, как, впрочем, и револьвер. Небольшая кисточка из верблюжьей шерсти лежала в особом отделении коробочки, и он, держа каждый бокал за ножку, принялся

посыпать их пудрой графита, желая узнать наверняка, была ли фурия в этом салоне, или записка — это чья-то злая шутка, ни о чем не говорящая, просто устроенная кем-то в отместку за его резкую речь. Он не был уверен в том, что убийца пила вино. Возможно, она так и стояла еще со своим бокалом в гостиной, но Выжигин знал наверняка: если отпечатки ее пальцев находились сейчас на одном из этих бокалов, он обязательно узнает их, а потом потребует закрыть все двери и оставить гостей на местах. Вызвать полицейских по телефону, снять отпечатки пальцев со всех присутствующих стало бы следующим шагом Выжигина.

Знакомый холодный голос раздался за спиной Выжигина совершенно неожиданно:

— А, так вы не только артиллерист и противник новых эстетических идей, а еще и полицейский, сыщик? — говорила Зинаида Николаевна со змеиной ненавистью и злорадством. — Поздравляю! Сменить мундир гвардейца на одежду мышинного цвета в наше время — весьма благо-разумно!

Выжигин видел, с какой безграничной ненавистью смотрит на него эта красивая сорокалетняя женщина и известный литератор, и ему почему-то стало страшно и стыдно — он предал свое сословие и в эту минуту расплачивался за измену.

— Да, полицейский! — желая казаться спокойным, сказал он, продолжая держать в руке бокал. — Я ишу убийцу проституток и сейчас провожу следственные действия! Определяю отпечатки пальцев!

— Убийца проституток? В моем доме? В моем салоне? Да вы спятили, милостивый государь! — прошептала Гиппиус. — Вы пьяны! Я видела, как жадно вы глотали вино! Вы — в белой горячке! Вас сейчас же отсюда под белы руки выведут! Вон из моего дома! — совсем уж громко прокричала она, а потом одним движением руки смахнула на пол все бокалы, упавшие на пол с хрустальным, как и им и положено, звоном.

Выжигин, понимая, что не имеет никакого смысла задерживать всю аристократическую, известную всему городу компанию на основании одной лишь записки с неясным смыслом, прошел в гостиную, убрав вначале в карман ненужную уже коробочку с графитовой пудрой и кисточкой, взял Катю за руку и повел ее в прихожую. Девушка смотрела на него растерянными глазами. В них виделась вина за то, что она зазвала Выжигина на этот глупый вечер. А уже на улице Выжигин, зачем-то глядя на собор его старого Преображенского полка, собор, в котором еще светились оконца, сказал:

— Я теперь совершенный изгой, но знаешь, как близко я находился сегодня от поставленной цели? — Он вдруг потряс кулаком и выговорил зло и некрасиво, не стесняясь Кати: — Но я поймаю эту бешеную суку!

**«ПО ЗАСЛУГАМ ВАШИМ
ВОЗДАСТЯ ВАМ!»**

Степан Андреевич мерил комнату своим широким гвардейским шагом и говорил, а Катя в это время сидела у стола, положив ногу на ногу и покорно сложив на коленях руки.

— Милая, добрая Катенька! Давай же думать, думать и вспоминать! Кто там был у Мерещковских в тот вечер? Кто из дам мог, в твоём представлении, явиться страшной фурией, убивающей женщин?!

Катя отрицательно помотала головой:

— Нет, я знаю далеко не всех, кто присутствовал у Зинаиды Николаевны. Но, положим, расспросив хотя бы у Танечки Арсеньевой обо всех присутствовавших особах, узнав их имена, что получил бы ты? Снять как-то незаметно отпечатки пальцев, подкупить прислугу — ну, вынесут стакан, тарелку. Ох, до чего же гадко, мерзко!

Она поморщилась, а Выжигин, остановившись и выбросив вперед руку, прокричал:

— Да, гадко и мерзко, но убивать людей, пусть даже ничтожных, отвратительных — еще более мерзкое дело. Ладно, вижу, этот вариант придется оставить. И все же... все же как

интересно! Этот автор записки на самом деле фурия или нет? — Он поднес к глазам записку: — «Вы, посетитель грязных притонов!» Ведь так мог написать и человек, знающий от кого-то о характере моего нынешнего расследования. Или это фурия, увидевшая меня в борделе на Шлиссельбургском, а потом, у Зинаиды, вспомнившая о встрече. А если это пишет человек, просто не допускающий мысли, что современный мужчина способен обойтись без публичного дома? Ах, как по-разному можно толковать эту фразу!

— Эту фразу, но не ту, последнюю, где говорится о необходимости уничтожать насельниц борделей, презревших благородное дворянское звание. Это убийца писала!

Так сказала Катя, а Выжигин вдруг проговорил с сияющим от внезапно посетившей его мысли лицом и ударил ладонью по лбу:

— Катенька! А вдруг это сама Зинка Гиппиус проституток убивала, а потом мне подбросила записку! Вспомни все ее бредовые и злые идеи о вреде жалости! И ведь с ее характером, с ее страстью ко всяким маскарадам и переодеваниям все это учинить!

Катя сильно испугалась, замахала руками:

— Да Бог с тобой, Степа! Что касается ее идей, так это она дурит, бравирует, желает фраппировать публику. Как раз такие-то люди все свое зло, недоумие в игре или на листе бумаги выложат — тем дело и кончится. Да и ей ли убивать? Она при виде зарезанной курицы в обморок упадет. Но вот послушай, Степан, какой у меня план явился...

Она замолчала, точно и сама засомневалась в необходимости излагать его.

— Ну, говори, говори! — нервно потребовал Выжигин, чувствуя, что Катя собралась сообщить ему сейчас не о чем-то пустячном, явившемся за минуту до ее фразы, а о давно обдуманной идее.

— У тебя прямая возможность есть поймать ту страшную женщину, ведь ее теперь не оставишь... Нужна еще одна благородная, о которой тебе следует сообщить тому генералу... Розенкрейцеру, что ли?

— Розеншпигелю, — быстро поправил Выжигин, у которого замерло сердце от внезапного прозрения, но он потребовал: — Продолжай!

Катя помолчала. Выжигин видел, как быстро-быстро билась жилка на ее тонкой белой шейке, а щеки стали пунцовыми.

— Степа, — наконец сказала она, — я ведь вижу, как необходимо тебе поймать ту убийцу. Это для тебя даже больше, чем исполнение служебного долга. Я помогу тебе, я на время стану... проституткой, той самой, благородной. Обо мне ты и объявишь генералу, и будем ждать...

Выжигин с горящими, как у сумасшедшего, глазами подошел к Кате, опустился на колени, чтобы лучше видеть ее лицо, взял ее руки в свои ладони, зашептал:

— План ваш превосходен, Катенька Урюпина, курсистка и богатая невеста, да только неужто ты думала, что я соглашусь обрядить тебя в похабный наряд шлюхи и пустить тебя, точно карасика, чтобы шуку поймать? Ошибаешься, девочка! Я другую найду!

— Никого ты не найдешь, — со спокойной улыбкой возразила Катя. — Кого ты попросишь? Актрису? Проститутку какую-нибудь? Но ведь им весь план нужно будет до последней черточки раскрыть, а кто из женщин рисковать станет? Чего ради? А я ради тебя уж постараюсь. Или не знаешь ты, что я в кружке драматическом играла, когда в гимназии училась?

И Катя, подбоченившись и вскинув голову, вдруг развратно прищурила глаза, скривила губы в плотской усмешке, призывно повела бровями да вдобавок ко всему ловко цокнула языком, сказав с гадкой гундосиной уличной проститутки:

— Ну че, милый гусарик, прогуляемся по прошпекту, а?

Выжигин смотрел на свою возлюбленную с диким изумлением — перед ним была не Катя, а чужая продажная женщина.

— Да откуда это в тебе? — только и прошептал он.

— Это скрывается в глубинах души каждой женщины, — возвращая себе обычный облик и ударяя Выжигина по носу пальчиком, с улыбкой смущения за свой спектакль ответила Катя. — Но вернемся к делу. Вначале ты идешь к своему Розенбауму...

— К Розеншпигелю, — улыбнулся Степан Андреевич.

— Ну, пусть. Итак, идешь к нему и говоришь...

— Господин полковник, — произнес Выжигин, сидя в кабинете затерявшегося за своим необъятным столом Розеншпигеля, — мне крайне неловко вспоминать о тех словах, что были произнесены мною во время предыдущего визита к вам. Я имею в виду свои подозрения в отношении той благородной особы, что она-де могла каким-то вредным образом повлиять на психику несчастных обитательниц борделей.

Полковник согласно закивал:

— Да, молодой человек. Старость заставляет нас быть более осмотрительными, а я — старик, да еще и врач, так уж поверьте моему взгляду на людей. Но не буду делать вам выговор. Я рад узнать, что послужило причиной вашего нового визита ко мне. Неужели одно желание выказать сожаление по поводу того высказывания?

— О, далеко не только это, — стараясь говорить в тон полковнику, сказал Выжигин. — Я, осознав свою вину, стремлюсь загладить ее не только словами, но и делом. Представляете, я посредством справочной службы своего ведомства узнал, что в публичный дом на Мещанской улице совсем недавно поступила восемнадцатилетняя особа дворянского звания, Чоглокова Анастасия Васильевна, получившая в борделе прозвище Жужу. Это создание, я уверен, еще не совсем погрязло в омуте разврата. Вот кому стоит помочь! Не сочтете ли вы, господин полковник, возможным известить ту самую особу-благотельницу о новом предмете ее благородной миссии?

Выжигин, так не любивший притворяться, внутренне содрогнулся, произнося последние слова. Но полковник, слушавший его с подчеркнутым вниманием, ничего, конечно, не заметил и с обаятельной улыбкой, какая возможна только на лицах детей, не достигших отрочества, и стариков, сказал:

— Господин Выжигин, ваш порыв достоин самой высшей похвалы. Господи, при вашей-то суетной работе в сыскной полиции еще находить досуг для спасения заблудших душ?

— Полагаю, мой поступок не выходит за пределы обычной деятельности нашего отделения, — изобразил на лице скромность Выжигин. — Только, господин полковник, у меня к вам огромная просьба, — он замедлился, а потом сказал: — Мне бы очень не хотелось, чтобы мой скромный вклад в дело спасения заблудших, как вы изволили выразиться, душ становился достоянием гласности. Сыскная полиция вообще работает скрытно, потаенно. Если вы не сообщите той самой особе, что сведения о Чоголовой предоставил вам именно я, Выжигин, то я буду вам весьма признателен.

— Ну, это уж как хотите, молодой человек! Скромность украшает всякого, поверьте. Прошу вас, продиктуйте мне еще раз, где расположен публичный дом и как зовут ту несчастную девицу. Я запишу...

Отстраненный от ведения дела полицейский надзиратель Выжигин и заикнуться не мог о своем плане в отделении. Трусоватый Замысловский отверг бы его напрочь, а поэтому действовать на свой страх и риск Выжигин решил

уже в тот самый день, когда побывал у Ровеншпигеля. Времени было мало, и весь план в деталях еще не был разработан, и довести его до совершенства требовалось на месте, и на «место», то есть в публичный дом на Мещанской, Выжигин пошел уже с Катей, одетой в короткую енотовую шубку, так как резко похолодало, и на голове ее красовалась маленькая шапочка-таблетка из чернобурки. Густая вуаль до половины прикрывала ее лицо.

Разыскали вход с заднего двора, попали в грязное служебное помещение, где их сразу остановил грозный окрик ломового извозчика, привезшего в заведение какие-то продукты.

— А ну, куды прешь?! — гаркнул возница-грузчик. — Али не знаешь, что заведение особое здесь?!

— Не шуми, дядя. Мы тоже люди особые, в сыскной полиции служим, — показал удостоверение Выжигин. — И поведай-ка нам тихонько, как пройти к хозяйке дома. Знаешь, где она живет?

— Тута лесенка черная есть, — присмирел извозчик. — На третий этаж подыметесь, так на пуговку звонка и жмите. Там еёная квартира, Ванды Ивановны. Копеек за справку не ки-нешь, господин хороший?

Выжигин сунул в грязный кулак извозчика гривенник, и они с Катей стали подниматься.

— Что, страшно? — спросил он на уровне второго этажа, поворачиваясь к девушке. — Хочешь, повернем назад?

Катя посмотрела на Выжигина с изумлением и ничего не сказала, и он все понял.

Владелица заведения оказалась бойкой чистенькой старушкой с совсем по-старушечьи гладко зачесанными назад волосами. Когда она узнала, что пришедшие к ней люди имеют отношение к сыскной полиции, она ничуть не смутилась и только спросила:

— Знать желаю, что вас заставило меня беспокоить.

— Чтобы изловить опасного злодея, убивающего женщин в домах публичных, должны мы с этой молодой особой, — Выжигин указал на Катю, — занять одну из спален, лучше всего на первом этаже, напротив зала. Чистое белье, обычная одежда проститутки, только в чистом виде, еда дня на два нам тоже необходима. Кроме того, я потребую от вас хранить все это в строжайшей тайне.

На морщинистом лице Ванды Ивановны не отразились ни интерес, ни испуг, ни раздражение.

— Представьте мне сию ж минуту от полицейстера документ, позволяющий вам вход в заведение мое, а также проживание в нем.

Выжигин снова вынул удостоверение, развернул и показал:

— Вот, читайте! Видите? Все мне должны оказывать содействие! Не ясно, что ли?

Старушка усмехнулась хитро и тонко:

— В чем же содействие-с? Может, в свидании красивого мужчины с барышней? На то номера имеются! Вам, может, еще шампанского доставить в спальню, куда вы убийцу станете ловить? У меня, сударь, заведение доходное, и я доходов лишаться не хочу. Спальню вам

освобожу — убыток, белье, одежду дам — расход, еда — опять одна доука мне. Нет-с, по-
дайте вначале от полицмейстера бумагу, а то я
сейчас по телефону свяжусь с ближайшей по-
лицейской частью да и спрошу: по какому тако-
му праву можно честную гражданку в расход
вводить?

Выжигин понял, что все может разрушить
жадность этой скверной бабы. Он-то рассчиты-
вал попугать закрытием заведения, но этот но-
мер здесь не проходил. То же самое поняла
и Катя. Чуть покрутив на пальце кольцо с бри-
льянтом в окружении изумрудов, стоившее,
она знала, не меньше тысячи рублей, она сняла
его и подала хозяйке:

— Возьмите, это дорогой перстень...

Хозяйка схватила перстень и стала крутить
его перед глазами, перед носом, точно по запаху
пытаясь определить его цену. Выжигин, у кото-
рого бешенство уже было готово выплеснуться
наружу, сказал:

— Говорят вам, берите. Нет — мы уйдем
в другое заведение, а завтра к вам к тому же
придет полиция, чтобы проверить, по всем ли
нормам вы содержите заведение. Боюсь, что не-
достатков найдется уйма, вас закроют, и тогда
вы на самом деле войдете в расход. Итак, вы от-
даете перстень?

И он протянул к старушке руку.

— Нет, сударь, погодите. К чему спешка? —
гадко улыбалась вся переполненная радостью
хозяйка. — Все устроим, как требуется. Пой-
демте вниз, сами выберете спальню, какую вам
с вашей барышней угодно. — Она даже умудри-

лась подмигнуть Кате. — Белье наилучшее, одежду новую вам дам. Винца тоже можно доставить, отдыхайте. Знамо дело — полиция!

— И вот еще! — наставительно поднял вверх палец Выжигин. — Вы никому и словом не обмолвитесь, что мы из полиции, но пусть женщины узнают, что вы приняли в заведение новенькую, Чоглокову Анастасию Васильевну, по прозвищу Жужу. Запомнили?

— Чего ж не запомнить? Чулкова Настасья! — закивала старушка.

— Да не Чулкова, а Чоглокова, дура ты этакая! — вспылил Выжигин. — Запомни, да и всем передай! Да про Жужу не забудь!

— Ну, не забуду, не забуду, — бормотала хозяйка. — Строгий-то вы какой, батюшка, точно Бог Саваоф...

Спальня Выжигину понравилась. Располагалась она в коридоре как раз напротив зала, где девицы принимали гостей. Через приоткрытую дверь Степан Андреевич мог наблюдать за входной дверью, за посетителями, но он совершенно не надеялся на то, что сумеет распознать фурию в костюме мужчины, всегда особенном. Только сама убийца могла дать ему возможность узнать ее, начав разыскивать проститутку Чоглокову Анастасию, или иначе — Жужу. Выжигин договорился с хозяйкой, что проститутки или служители борделя, уже знавшие о появлении в публичном доме новенькой под таким именем, должны были постучаться в спальню и вызвать Катю. Ему показываться в зале было никак нельзя — фурия знала его в лицо. Знала она и Катю, но, одетая

в короткое муслиновое платье канареечного цвета, с размалеванным до неузнаваемости лицом, со всклокоченными волосами, Катя была не похожа на себя совсем и иной раз, взглянув на свое отражение в зеркале, начинала смеяться и спрашивать у Выжигина:

— Нет, Степа, ты, пожалуйста, ответь: что сказали бы мои папа и мама, появившись они внезапно здесь? Боюсь, я сама бы стала убийцей отца и матереубийцей!

А он сидел на кровати и смотрел на Катю, которую, как ни странно, любил в этом ужасном обличье еще сильнее. Какая-то глубоко запрятанная, немного звериная часть природы мужского тела Выжигина не могла забыть то, какой страстной была уличная проститутка Оля, доставившая в тот жуткий для его совести час неизъяснимое наслаждение Выжигину. И теперь его холодная, строгая Катя как бы становилась немного и той обольстительной Ольгой, и ему хотелось наброситься на Катю, и только опасение, что она поймет, какая сила наполняет его в эту минуту, удерживала Степана Андреевича.

Посетители уже собирались, из зала неслись развязные выкрики, хохот, бренчание скверного рояля, звон бокалов и бутылок. Сквозь приоткрытую дверь Выжигин смотрел в зал, но видел лишь мелькающие лица, платья проституток, пиджаки, поддевки. Было слышно, как кто-то вопил, требуя привести медведя, тогда бы он показал сцену из медвежьей охоты под Брянском. Почему именно под Брянском, Выжигин не понял. Он поглядывал

на Катю, раскрашенную, как писанка, и за румянами угадывал ее бледность, усталость.

«Еще одного такого дня и ночи она не вынесет, и тогда все затевалось напрасно», — подумал Выжигин. Вдруг кто-то сильно стукнул в дверь прямо над его ухом. В проем между дверью и косяком хрипло и требовательно проговорили:

— К Жуже посетитель! Просил побыстрее!

Выжигин и Катя соединились взглядами, и тотчас эта связь распалась, и он только кивнул, успел стиснуть ей запястье и быстро направился в угол комнаты, где была натянута занавеска, якобы закрывающая собой висящие платья. Катя не возвращалась необычайно долго, минут десять, показавшиеся Выжигину годом. Наконец стукнула дверь, скрипнула задвижка, и Выжигин услышал незнакомый голос, до тошноты омерзительный:

— Ну че, соколик, ты как больше любишь: при свете или впотьмах? Мне в потемках лучше — я еще не привычная, потому как недавно тут. А пиво-то сейчас откроешь или опосля?

С трудом до Выжигина дошло, что это говорит Катя. «Да неужели правда, что во всех женщинах прячется шлюха?» — подумал он со страхом, но вот он услышал и голос посетителя:

— Анастасия Васильевна, прошу вас не беспокоиться. Я к вам совсем за другим делом пришла.

— Как пришла? — с пьянинкой в голосе спросила Катя. — И за каким таким еще делом в приличное заведение ходят? Так со светом...

— А пришла я к тебе, Настасьюшка, вот почему: свободу тебе дать хочу, вывести тебя желяю из этого поганого, блудного места. Знаешь ли ты, дворяночка, чт предала ты сословие свое, на котором вс Расеюшка держалась да и теперь держится. Ты же с падалью стакнулась и падали уподооилась, растоптала себя и не только себя унизила, а звание, породу свою. Так что давай, дочка моя, уйдем отсюда сию же минуточку, потому что через полгода начнешь ты гнить здесь от неизлечимой хворобушки да и сгинешь в больнице, где поганных больных лечат. Я же тебя освобожу сейчас, одну лишь секундочку, даже мгновеньице одно тебе потерпеть придется, чтобы не терпеть потом долгое время. И никто не избавит тебя — только сыра земля. Ну, сделай, доченька, Настенька, что я тебе велю. Вот револьвер, ляжешь ты сейчас на свою блудную постельку, подушкой головку принакроешь, а дуло-то в рот и вложишь. Нажмешь на крючок вот этот, а если сил тебе не хватит, помогу тебе, как матушка твоя. И избавишься через мгновение, и Христос тебя к себе возьмет, потому что не будешь ты самоубийцею — я тебя на это направила. А блудниц Христос всегда прощал — люди только их не прощают. Ну, давай, голубушка, ложись, а я, как ты освободишься, это платье сниму, ибо непристойно женщине в мужском платье ходить, да твое и надену, и выйду я в нем, будто это ты из дома выходишь, тенью твоею. Тем самым еще большее освобождение телу твоему принесу! Давай же, давай!

Выжигин наблюдал за говорившей через маленькую дырку в занавеске. Он видел округлое красивое лицо, копну кудрявых волос, видел погоны юнкера на мундире, он слышал эту страшную и такую притягательную речь, текшую как патока, как елей, и осознавал, как трудно было тем убитым женщинам отказаться от такого способа освобождения. А еще он видел пронизательные глаза говорившей, неподвижно смотревшие на Катю, стоявшую как замороженная.

Вдруг страх за Катю обжег Степана Андреевича: «Да она же выполнит ее приказ! Она убьет себя!» И он отбросил занавеску, но добежать до женщины в юнкерском мундире не успел. Он лишь успел увидеть ее глаза, в которых не было страха или удивления, а было лишь одно презрение. Мгновения хватило, чтобы поднять небольшой короткоствольный пистолет на уровень виска. Блеснула вспышка, раздался хлопок, и спасительница-палач дворянок, опозоривших себя, резко качнувшись влево, упала на пол.

Почти мгновенно ударом крепкого плеча кто-то отворил дверь, и сразу с десяток рож появились в дверном проеме. На этих лицах Выжигин не увидал ни сожаления, ни хотя бы страха — одно лишь подлое любопытство.

* * *

Князь Сомский опустил кусочек сухаря, который готовился по особому рецепту из белого хлеба самой лучшей выпечки, в сливки. Теперь

требовалось поддержать сухарь в сливках ровно столько, чтобы он пропитался ими на одну треть толщины, ни больше и ни меньше. Только после того, как операция была завершена, Петр Петрович, поднося сухарь ко рту, сказал:

— Нет, милый кузен, и не пытайтесь меня убеждать в том, что в деле с вашей фурией есть что-то всеобщее, типическое, то, что вам потом могло бы помочь в работе сыщика. Академик Бехтерев, будь эта несчастная дама его пациенткой, навсегда излечил бы ее от пристрастия избавлять несчастных блудниц от рабства греха. Душами Шарко излечил бы. А еще, знаете ли, контрастный, так называемый шотландский душ истеричкам помогает.

Выжигину, занимавшемуся извлечением мякоти из-под панциря большого лангуста, «физиологическое» высказывание Сомского показалось несколько утрированно-циничным и даже глуповатым.

— Хорошо, — сказал Степан Андреевич, — пусть госпожа Н., говоря грубо, сумасшедшая, но всякий бред имеет свою содержательную сторону, и причина его часто не объясняется лишь заболеванием мозга. Здорово ли общество, в котором жила Н.?

Сомский воздел в назидательном жесте свой длинный алебастровый палец:

— А вот это дельный вопрос, но, увы, другой вопрос. Наше общество больно с давних пор, а после революции — уж просто так расхворалось! Одни эти спектакли у Гиппиус чего стоят, а ведь наша госпожа Н. — из этого круга. Только принадлежностью к нему я и могу объяс-

нить эти переодевания. Признаться, я так и не понял, зачем она надевала платье проститутки? Уйти, как ее тень, — что за бред, ей-богу! Но речь ее вы передали очень эмоционально. Даже у меня мурашки по спине забегали. Ах, снова вспомнишь умницу Бехтерева, но ведь его стараний для излечения всего нашего полупомешанного общества не хватит. Так что ждите новых интересных дел, мой милый кузен!

И Сомский погрузил в сливки очередной сухарик.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. В борделе и в княжеской гостиной . . .	5
2. Ушел в окно и совершенно голый! . . .	18
3. «А в банях Тарасовых тоже весело!»	34
4. Казнь — не убийство	43
5. Подвешенная	58
6. Вопли страстной и честной души . . .	86
7. Любовь с запахом жженого пороха . . .	109
8. Волокита	137
9. «Не заходите в эту комнату, мадам!»	154
10. Следы на стекле	181
11. «По заслугам вашим воздастся вам!»	206

Литературно-художественное издание

Сергей Карпущенко

УБИЙСТВО В ДОМЕ СВИДАНИЙ

Ответственный редактор *Павел Крусанов*
Литературный редактор *Борис Конский*
Художественный редактор *Алексей Горбачев*
Технический редактор *Татьяна Харитонова*
Корректор *Валентина Важенко*
Верстка *Ульяны Буторовой*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 08.11.2000.
Формат 80×90^{1/32}. Печать высокая.
Усл. печ. л. 9,31. Тираж 5000 экз.
Заказ № 2482.

ИД № 02164 от 28.06.2000.
«Торгово-издательский дом „Амфора“».
197022, Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, д. 23.
E-mail: amphora@mail.ru

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

